

720524
12.68

А.А.Ко́роцкая

архитектура
Ундиу
раннего
средневековья

50694

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРЫ ПО СТРОИТЕЛЬСТВУ
Москва

1964

От автора

Настоящая работа представляет исследование архитектуры Индии V—VIII вв. Основанием послужила часть материалов, собранных во время пребывания автора в Индии в 1948—1951 и 1952—1953 гг.

В этой книге автор стремится проследить архитектуру Индии в процессе исторического развития и социально-экономической обусловленности, а также осветить наименее исследованные вопросы градостроительства, жилища, строительной техники раннего средневековья. Представляя всю сложность поставленной задачи, автор считает свою работу лишь скромной попыткой в этом направлении.

Автор глубоко признателен рецензенту В. Л. Ворониной, советским индологам А. М. Осипову и К. А. Антоновой и всем, принявшим участие в подготовке книги к изданию.

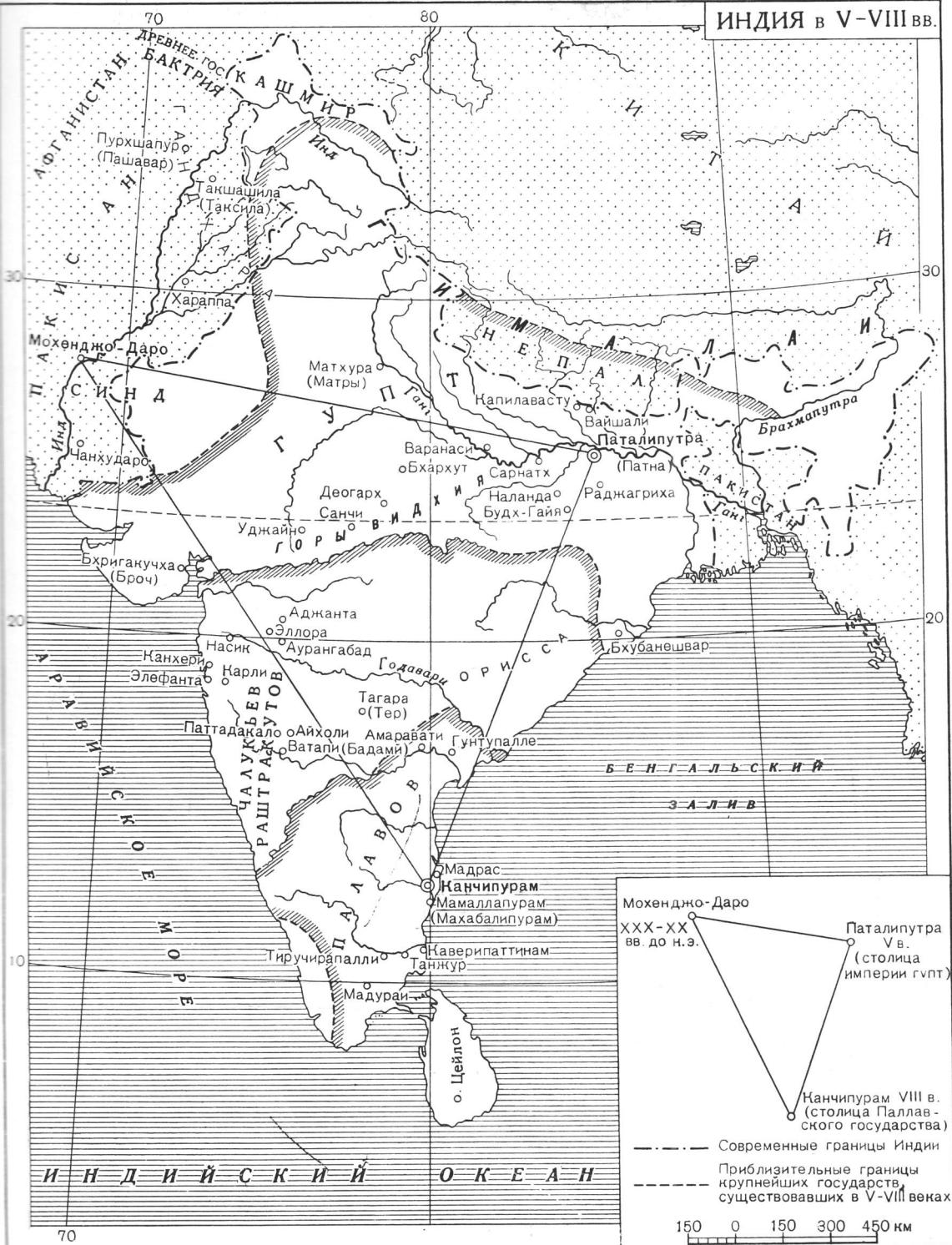
Введение

Советская индология может гордиться многими работами, завоевавшими мировую известность. Однако остается далеко не изученной важная область индийской культуры — архитектура. Литература по этой теме на русском языке пока что исчерпывается работами С. И. Тюляева и очерками других авторов. Не получила заслуженного признания архитектура Индии в западно-европейском научном мире. В этом, безусловно, сказалось недавнее колониальное положение страны, губительным образом отразившееся на развитии индийской архитектуры, а также и на ее изучении. До настоящего времени в западном искусствоведении признавались достижения античной цивилизации Греции и Рима и очень мало изучались культурные ценности народов Востока. А между тем архитектура Востока, и в частности Индии, заслуживает не меньшего внимания, чем архитектура Запада. История архитектуры Индии открывается уже в XXX в. до н. э. хорошо спланированными и благоустроенными городами в Мохенджо-Даро и Хараппе¹. Большую ценность представляет обширная древнеиндийская литература по архитектуре и градостроительству. Дворцово-крепостные ансамбли Индии позднего средневековья не уступают лучшим подобным образцам западно-европейского зодчества. Непревзойденными по своей объемно-пространственной и пластической композиции являются средневековые храмы.

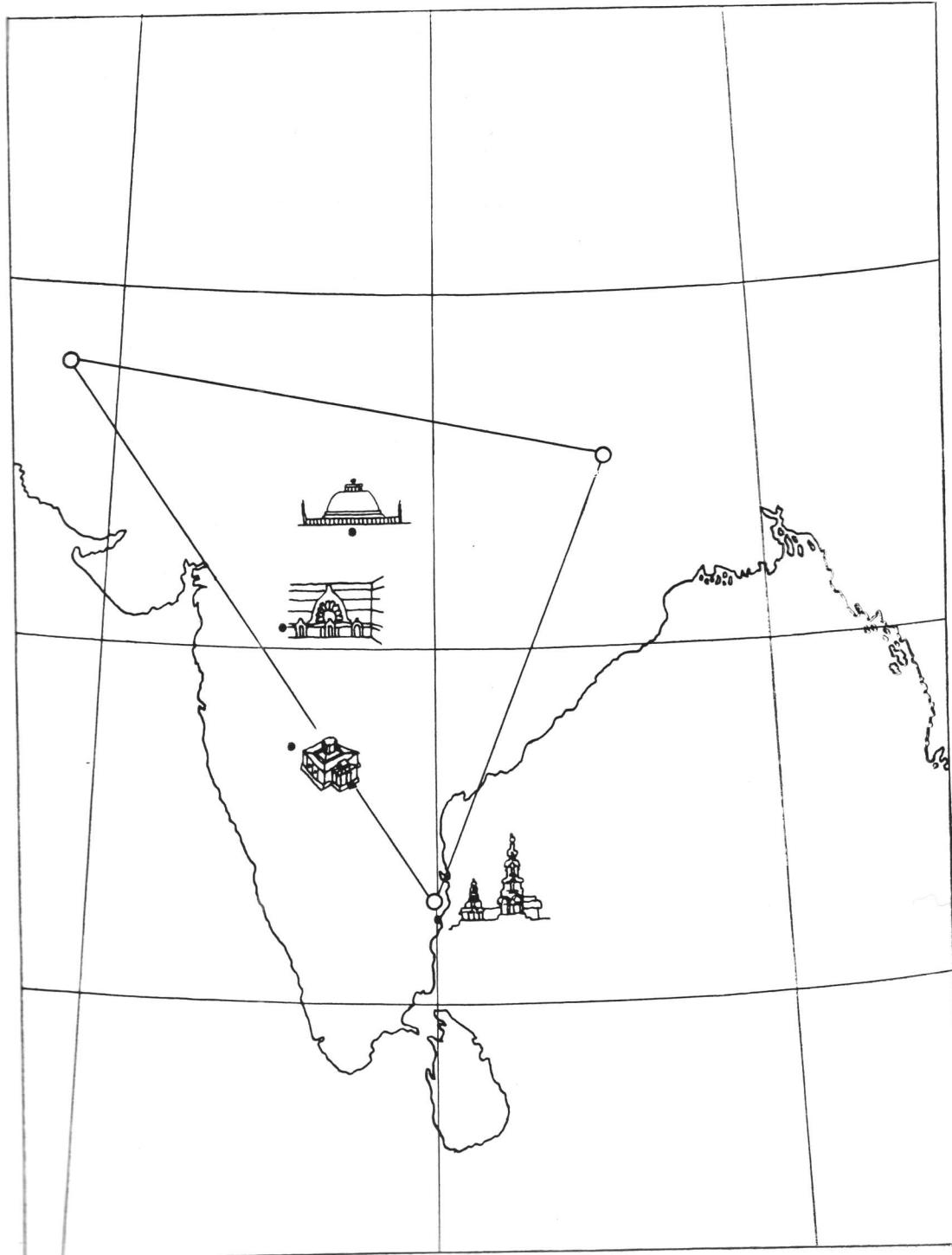
Изучая сложившуюся в своих специфических условиях архитектуру Индии, можно найти общие черты в отдельных композиционных приемах с самобытной архитектурой древней Руси.

¹ Marshall S. J. Mohenjo Daro and the Indus civilisation. London, 1931, vol. 3; Mackay E. The Indus Valley civilisation. London, 1931; Маккей Э. Древнейшая культура долины Инда. М., 1951.

ИНДИЯ в V-VIII вв.

नमस्त्या गमनशीला च संस्कृता परंपरा संयोजयति भरतवर्षमेंके महत्विं संघे:

Индия одна из немногих стран, которая донесла до наших дней древнейшие традиции своей глубоко своеобразной культуры. Ушла в далекое прошлое античная Греция, мертвые руины египетских храмов, в музейную редкость превратился Парфенон, а в Индии до сих пор еще встречается строительство по правилам и канонам, с соблюдением ритуалов, совершившихся тысячетелетия назад. Неразрывная связь с прошлым заметна во всех явлениях индийского народа, в его быту, труде, религии, художественном творчестве и архитектуре.

Архитектурные сокровища Индии, остававшиеся долго непризнанными, привлекли серьезное внимание исследователей всего лишь 40—50 лет назад. За последние годы в Англии и Америке появилось сравнительно много работ, главным образом искусствоведческого характера, в которых ярко проявляется тенденциозность — представить индийскую архитектуру и искусство явлением недоступным для общего понимания, подчеркнуть особую склонность индийского народа к мистике, символизму, эротике и исключить все рациональное, что содержит его культура.

Характерно, что до сих пор продолжается классификация архитектуры Индии лишь по религиозному принципу: на буддийскую, джайинскую, брахманскую и мусульманскую, принятая еще сто лет назад Фергюссоном. В свое время эта классификация была оправдана тем, что все известные памятники Индии от III в. до н. э. и почти до XV в. н. э. являлись культовыми сооружениями. Большинству зарубежных исторических работ по архитектуре Индии свойственна метафизическая концепция, отсутствие какой-либо периодизации, кроме династийной. В данном случае нельзя не отметить те факторы, которые благоприятствовали метафизическому пониманию индийской архитектуры. В городах древнейшей цивилизации Инда¹ архитектура явилась исследователям уже в сформировавшемся и застывшем виде, не обнаруживая на протяжении многих столетий каких-либо признаков развития в планировочных решениях, строительно-конструктивных методах и архитектурных формах.

Поразительным консерватизмом отмечено и более позднее средневековое монументальное зодчество Южной Индии. Исследователям индийской архитектуры трудно определить причины, парализовавшие ее развитие, даже если обратиться к тому неисчерпаемому по богатству содержания и изобилию литературному наследию научного и художественного характера, которое оставила древняя и средневековая Индия. Дело в том, что многочисленные древнеиндийские тексты по различным вопросам, включая архитектуру, не содержат, как правило, данных ни о местах и времени их возникновения, ни об авторах.

¹ Называемой также культурой Хараппы.

Расхождения ученых в датировке текстов достигают иногда нескольких сотен лет.

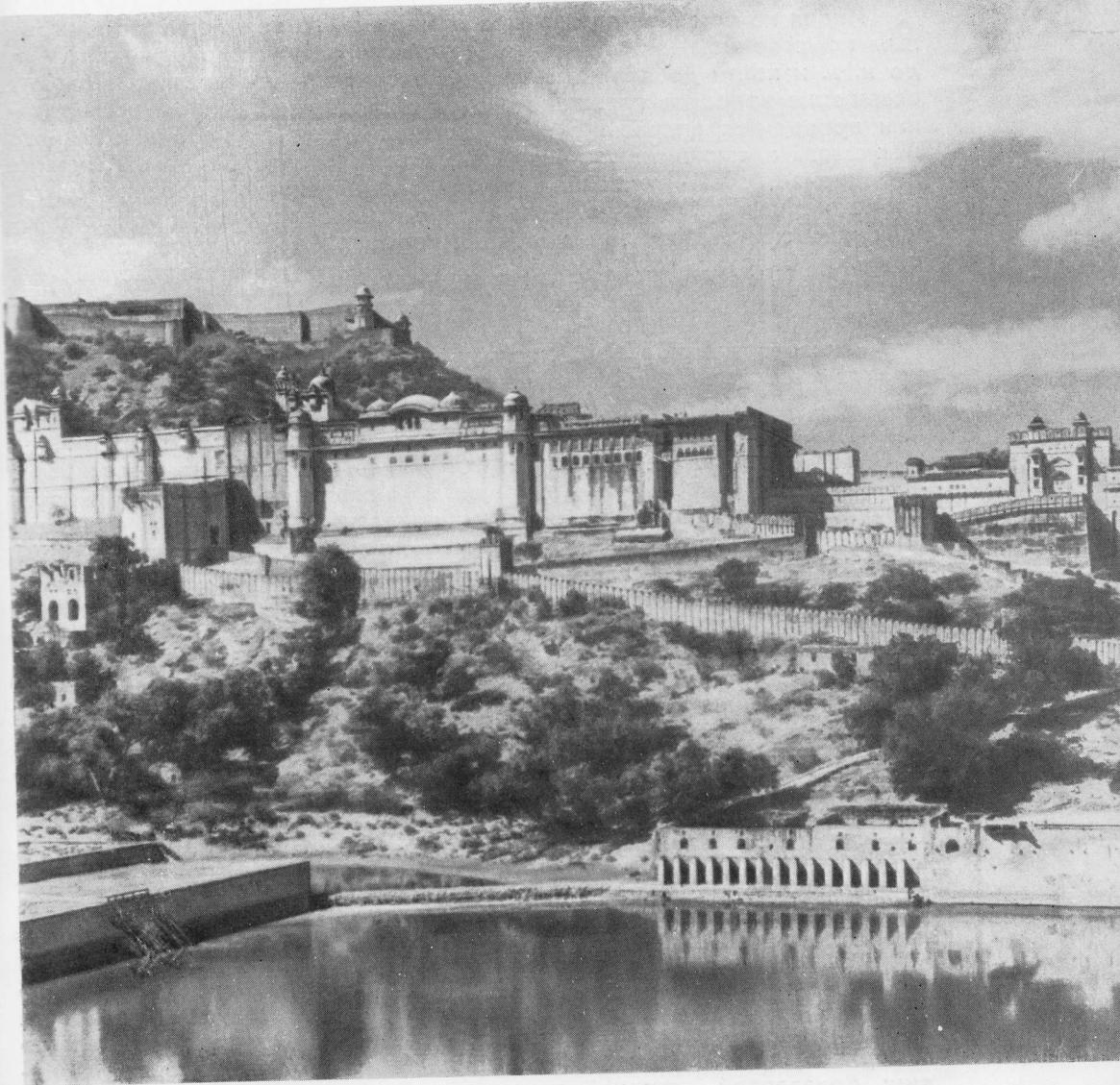
Для древних писателей не имело значения хронологическое изложение событий, фиксирование дат литературных трудов. Поэтому в Индии, в силу специфически сложившихся исторических условий, выработался характерный для нее метафизический взгляд на историю общества и самой вселенной. История представлялась в виде неизменной, предопределенной богом циклической смены различных состояний общества и природы. В результате создавшегося положения Индия по существу осталась без написанных трудов по древней и средневековой истории страны в целом или отдельных ее районов.

Поэтому естественно, что метафизический подход к историческим и общественным явлениям переносился в область искусства и архитектуры, укоренившись так глубоко, что затронул почти все известные работы в этой области.

Не случайно для данного исследования избрано раннее средневековье. В то время, когда Западная Европа после крушения Древнего Рима вступила в трудные времена сложения культуры на новых началах, Индия вместе с другими странами Востока переживала один из ярких периодов в своей истории. Это было время становления новой общественной формации — феодализма, продолжавшего развиваться в Индии почти до XVIII в.

На протяжении более чем шестисот лет развития архитектуры Индии устанавливается пока что этот единственный период, когда наиболее отчетливо обнаруживаются коренные изменения в типах, формах и методах строительства, обусловленные не внешними обстоятельствами, а внутренними закономерностями общественного развития.

Для такой большой страны, как Индия, с ее неравномерным характером социально-экономического развития трудно определить хронологические границы переходного времени от древности к средневековью, от рабовладельческих отношений к феодальному способу производства. Переходная эпоха устанавливается по исторической периодизации советских индологов примерно между V—VIII вв. до н. э. Определившиеся хронологические границы подтверждаются анализом сохранившихся памятников монументального зодчества. За три столетия произошло отмирание ранее господствовавших в течение тысячелетий видов и форм пещерного строительства и сложился новый ведущий тип сооружений в новой строительной технике — каменной кладке. Со временем храм развивается в огромный комплекс сооружений различного назначения, сосредоточив в себе многие виды общественной деятельности, занимая главное место в монументальном строительстве Южной Индии до XVIII в.

Джайпур. Дворцово-крепостной ансамбль Амбер IX—XVI вв.

Индия не оставила памятников гражданского зодчества (за ничтожным исключением) за более чем двухтысячелетний период — от XV в. до н. э. и почти до позднего средневековья XI—XV вв. н. э. Поэтому освещение вопросов гражданского строительства в данном исследовании проводится впервые с использованием данных изобразительного искусства, а также на основе взаимосвязи культовой архитектуры с народной. В этом отношении раннее средневековье особенно благоприятно для исследования. В памятниках этого времени, представляющих раннюю стадию формирования храмовой архитектуры, очень явственно обнаруживаются связи с формами народного зодчества.

Раннесредневековую Индию трудно отделить от древней, возможно, так же, как в какой-то степени современную Индию от ее средневекового прошлого. Древнейшие традиции могучей своеобразной культуры, процветавшей уже за 2000 лет до н. э. в долинах рек Инда и Ганга, являются теми незримыми узами, которые на протяжении всей истории объединяли обширную и многоликовую Индию. Цельности страны, сохранению глубокой самобытности и древнейших традиций в архитектуре народов Индии, несомненно, благоприятствовала сама природа.

Непроходимая стена высоких горных хребтов Гималаев отделяла Индию от остального мира с севера, а с других сторон — безбрежные океаны. Со временем, в ходе исторических событий преодолевались естественные преграды. Соприкасаясь с внешним миром, Индия впитывала и поглощала культурные влияния различных народов, обогащая собственную. Сложная и особенная культура Индии и ее очень важная составная часть — архитектура сформировались в результате специфически сложившихся исторических условий социально-экономического развития.

Индия во времена древности и средневековья (по VIII в.) включала территорию современных Индии Восточного и Западного Пакистана и Непала. В политическом отношении Индия почти за всю свою историю (исключая период правления Ашоки — III в. до н. э.) не представляла единого целого и не имела общепринятого для всей страны названия. Виндхийский горный хребет разделяет Индию на две основные части: южную — полуостровную, называвшуюся в древности Дакшина или Дакшинапатха (т. е. Юг), а ныне Деканом, и северную материковую, именуемую Индостаном (а в древней литературе Индии: Ариавартой — страной ариев, или Бхарат-варша). Обе части довольно резко различаются по своим природным и климатическим условиям и развивались до определенного периода почти независимо друг от друга.

Панорама Южной Индии. Штат Мадрас

Большая часть Декана в древности была покрыта непроходимыми джунглями. Основным строительным материалом на Юге долгое время оставались дерево, бамбук. Субтропический климат Индии резко варьируется в обеих ее частях.

Годовые колебания температуры на севере в Индо-Гангской низменности значительное чем на юге, где постоянная жара несколько смягчается зимой. Восточное побережье по сравнению с западным богаче осадками (возможно, этим объясняются характерные для Орисских построек высокие крыши с крутым скатом, способные выдержать мусонные ливни). На юге Индии в районе Мадраса были обнаружены первые следы человека времен палеолита, однако ранние очаги земледельческой культуры скорее всего возникли в северной части Индии, в плодородной низменности, простирающейся между двух великих рек — на западе Инда и на востоке Ганга. Археологические раскопки 20-х годов XX в. в долине Инда (на территории современного Западного Пакистана) в Мохенджо-Даро и Хараппе произвели по существу революционный переворот в мировой исторической науке. Здесь была обнаружена одна из древнейших в мире высоко развитая городская цивилизация раннеклассового общества, процветавшая между XXXIII и XX вв. до н. э. По уровню своего развития цивилизация Инда превосходила во многих отношениях культуры Персии, Месопотамии и Египта, с народами которых древнюю Индию, по-видимому, связывали торговые отношения.

Города с многоэтажными постройками из обожженного кирпича были отлично для своего времени благоустроены, имея наиболее совершенную для Древнего Востока систему водоснабжения и канализации. В городах были найдены художественные предметы домашнего обихода, расписная керамика, остатки хлопчатобумажной ткани, скульптура из камня, бронзы и терракоты. Судя по археологическим открытиям 1950—1952 гг. в районах Варанаси (Бенарес) и полуострова Катхиавар (штат Бомбей), городская цивилизация Инда распространялась и на западную и центральную часть Индии и еще продолжала процветать в XV в. до н. э. В исторической науке имеется предположение, что созидателями этой культуры были дравиды — предки современных народов Южной Индии. Под постоянным натиском воинственных племен кочевников-скотоводов (главным образом, ариев) дравиды были вынуждены оставить свои исконные земли и отступить в глубь страны. Оставшаяся, по-видимому, небольшая часть населения слилась с пришельцами. Исследователи индийской культуры считают, что в сложном ее составе на определенных этапах ее развития совершенно ощутимо различаются два сильных разнохарактерных направления: дравидийское и индо-арийское, называемых так по наиболее древним поселенцам Индии дравидам и ариям.

От исторического периода XV в.—VI в. до н. э. следов материальной культуры пока что не было обнаружено и главными источниками являются литературные памятники. К ним относятся редчайшие в мире произведения литературы — веды¹, религиозные и поэтические сборники середины II тысячелетия до н. э., древнейшие эпосы «Рамаяна» и «Махабхарата», сложившиеся в X—XII вв. до н. э. и не утратившие значения для индийцев до наших дней, и другие произведения так называемой послеведической литературы (брахманы, сутры, буддийской и джайнской канонической литературы).

По этим источникам можно судить, что в древнем мире Индия была одной из передовых стран с высоко развитой земледельческой культурой, ремеслом, торговлей. Известны крупные благоустроенные города Айодхья, Гиривриджа и другие; сложные архитектурные сооружения, в которых основным строительным материалом с глубокой древности продолжали служить дерево и кирпич, особенно с огромным искусством использовались строительно-конструктивные возможности дерева. С большим инженерно-техническим мастерством создавались ирригационные и навигационные каналы, мосты, дамбы. Страна была покрыта сетью хороших мощенных дорог. Для путников строились колодцы, постоянные дворы, нередко больницы. Вдоль дорог насаждались плодовые и декоративные деревья, а чаще тенистые баньяны.

¹ Творцами вед считают ариев, завоевавших Индию в X в. до н. э. и говоривших на языке индо-европейской семьи.

Расстояние отмечали верстовые столбы. Было хорошо налажено кораблестроение — известны суда, вмещающие по несколько сотен пассажиров.

Далеко за пределами страны славились индийские тончайшие хлопчатобумажные ткани, металлические изделия. Большого развития достигли многие области науки, литература, философия, искусство. Тонкой поэзией овеяны произведения древнеиндийского эпоса.

Это была страна высокой художественной культуры, сложной экономики и еще более сложной социальной структуры. Классовое и социальное расслоение вылилось в Индии в своеобразную систему деления общества на варны (сословия), сформировавшиеся впоследствии в невиданную в мире, прочно сохранившуюся до наших дней кастовую систему. Основное население древней Индии, так же как и теперь, жило в деревнях. Деревни мало чем отличались от современных по своим постройкам, возведенным из камыша, бамбука, глины, дерева. В деревнях люди жили в общинах, поэтому она оставалась главным ядром индийского общества на протяжении почти всей истории.

В течение тысячелетий люди жили строго почитая старину, ведя рутинный образ жизни, обособленный от всего окружающего мира. Никакие общественные события: ни войны, ни крушения империй — не могли поколебать неизменные устои замкнутого в себе патриархального мирка сельских общин, ставших прочной основой восточного деспотизма. Сельской общине Индия обязана сохранением многих традиций, прежде всего в религии, в которой с незапамятных времен и поныне живут старины верования культа плодородия, вера в перевоплощение душ, обожествление животных, мифы и легенды.

В долине Ганга, по-видимому, сформировалась наиболее древняя из известных религий — ведийская¹, в которой, так же как в ранних религиях других народов, обожествлялись различные явления природы и боги наделялись человеческим обликом. По богатству фантастических образов и сюжетов индийская мифология превосходит, например, греческую. В многочисленном пантеоне богов главное место занимали бог солнца (Сурья или Вишну, имеются и другие названия), бог грозы (Индра), огня (Агни).

С развитием рабовладельческих отношений ведийская религия и народные верования слились в той или иной форме в известные в Индии три религии: брахманизма, буддизма и джайнизма.

Брахманизм освящал кастовое деление общества и господство жречества. Наиболее ранний из трех религий брахманизм оказался наиболее живучим. Современный индуизм не потерял с ним глубокой преемственной связи. До настоящего времени в Индии среди много-

¹ Ильин Г. Ф. Религии древней Индии. М., 1959.

численных богов, наиболее чтимыми богами являются Шива и Вишну. Их сложные образы основаны на древних племенных культурах. В Шиве воплощается образ грозных разрушительных сил природы, ее вечного умирания и вечного рождения. В образе Шивы нашел продолжение культ плодородия. С глубокой древности и поныне символом Шивы служит изображение линги (фаллуса). Вишну — хранитель мирового порядка тесно связан с образом Сурья.

В VI в. до н. э. в условиях относительно развитого рабовладельческого строя на основе большого социального движения против гнета брахманских жрецов возникли другие религии — буддизм и джайнизм.

Буддизм в основном отражал интересы крупных рабовладельцев, стремившихся к централизованной власти. Относительная демократичность и сравнительно гуманистический характер идея буддизма обеспечили ему быстрое и широкое распространение в народе. Буддийский культ был проще и понятнее и не считался с сословной и кастовой принадлежностью верующего. С буддизмом впервые возникла монашеская община (сангха) и появились первые известные в Индии культовые постройки — ступа, храм-чайтья, монастырь-вихара. Буддизм оказал большое влияние на религии многих стран не только Востока, но и Запада. В христианской религии, характере ее культа и сооружений можно найти отдельные общие черты с буддизмом. Джайнизм имеет много общего с буддизмом, но в отличие от него не имел широкого распространения и никогда не занимал господствующего положения в индийском обществе, ограничиваясь поддержкой главным образом группы торговцев, ростовщиков и крупных ремесленников.

Политическая история Индии становится более определенной после VI в. до н. э. Плодородные долины Инда и Ганга привлекали многих чужеземцев. Север Индии почти непрерывно подвергался иноzemным нашествиям: довольно длительному завоеванию со стороны персов в VI в. до н. э., эпизодическому вторжению греческих войск Александра Македонского в IV в. до н. э., скотов во II—III вв. н. э. Сильные разрушения, связанные с массовым истреблением населения, были нанесены в V—VI вв. во время 75-летнего владычества кочевников-эфталитов (белых гуннов). Позднее, Индия завоевывалась тюрко-афганскими племенами и Великими Моголами. Тюрко-афганские племена начали свои набеги с VIII в., завоевав Северную Индию в XII в. В XV—XVI вв. почти вся территория Индии, за исключением Крайнего Юга, находилась под владычеством мусульманских феодалов, выходцев из Средней Азии и Ближнего Востока. От войн и грабительских походов чужеземцев, несомненно, страдали народы Индии, гибли и разрушались города, памятники старины, оставались лишь непоколебимые

бимыми основные устои местной культуры. Постоянный поток внешних влияний обогащал и обновлял культуру Индии. Она становилась многограничной и прекрасней. Поэтому немудрено, что современная культура Индии представляет чудесный сплав, в сложном составе которого трудно порой разобраться.

Если колыбелью индийской цивилизации стала долина Инда, то сердце Индии всегда лежало в долине Ганга в районе современных городов Дели (на месте древнего города Индропастха) и Патны (на месте Паталипутры), столицы рабовладельческих государств. Здесь рождались великие гимны Вед, древнейшие эпосы, идеи буддизма, драмы Калидасы.

С III в. до н. э. история индийской архитектуры становится уже известной не только по косвенным источникам, но и по сохранившимся памятникам монументального зодчества. Это значительная веха в истории народов Индии, время наивысшего расцвета в стране рабовладельческого строя. Это был один из редких периодов в ее политической истории, когда страна, обычно разобщенная на племена и варны (составления), объединилась в одно административное целое. Правивший в то время император Ашока использовал как одно из средств объединения страны — буддийскую религию, которая до конца VII в. становится господствующей. Об этом свидетельствуют почти единственно сохранившиеся памятники от III в. до н. э., распространенные почти по всей стране буддийские ступа, монастыри и храмы, а также отдельно стоящие мемориальные столбы (стамбха) с высеченными на них буддийскими изречениями и эдиктами Ашоки. Империя Ашоки просуществовала недолго; во II в. до н. э. под давлением внутренних противоречий и усилившегося натиска вражеских племен шаков и соседних государств Бактрии и Парфии империя распалась.

С этих пор на северо-западе Индии выделилось среди других государство Кушанов со столицей Пурушапур (современный Пешавар). Кушанские цари в период расцвета с I в. до н. э. до II в. н. э. распространяли свою власть над огромными территориями не только Индии, но Средней и Центральной Азии. Характерные для этого времени памятники искусства и архитектуры в Гандхаре (на территории современного Афганистана и Пакистана) несут на себе следы влияния позднеримского искусства.

В период расцвета рабовладельческих государств Индия активно развивала экономические и культурные связи с эллинистическим миром (Сирией, Египтом, Эпиром), с государствами юго-восточной Азии, Китаем. Далеко за пределы Индии распространялось ее культурное и политическое влияние. Полуостровная часть Индии оставалась в стороне от многих исторических событий, ареной которых были долины Инда и Ганга. Но в то же время имеются свидетельства о непрекра-

щающихся, с времен древнейшей цивилизации Инда, связях Южной Индии с Севером¹. Буддийские традиции VI в. говорят о проторенных караванных трактах, соединявших Паталипутру — столицу империи Ашоки и другие центры Северной Индии с портовыми городами Юга.

В своем общественном развитии Юг в целом отставал от Севера. Благоприятные условия для развития земледелия, мореходства и торговли способствовали процветанию лишь приморской полосы Южной Индии, широкой на востоке и узкой на западе. Восточная приморская полоса от реки Годавари до мыса Коморина, именуемая Коромандельским побережьем, населена главным образом народами тамилы и телугу (по языку принадлежащими к дравидской семье) — обладателями древнейших на юге литературных традиций. В первые века нашей эры народы Юга уже мало отличались по уровню своего общественно-экономического и культурного развития от народов Северной Индии. В политическом отношении они продолжали оставаться независимыми друг от друга. С I в. до н. э. до II в. н. э. на юге Индии доминировала империя Андхра со столицей Амаравати, ее границы в период расцвета простирались от Бенгальского залива до Аравийского моря, между реками Годавари и Кришна.

В начале нашей эры на юге процветали три тамильских государства (Чола, Пандия и Чера), а также небольшое царство Икшваку, оставившие немногие памятники архитектуры, среди которых особенно интересны спортивные сооружения в Нагарджунаконде.

В первой половине III в. почти одновременно наступил распад крупнейших рабовладельческих государств, на юге — Андхра, на севере — Кушанов. Затем последовало столетие, в основном характеризующееся политической раздробленностью и экономическим упадком страны.

Историческое, социально-экономическое и культурное развитие страны в V—VIII вв. Новый подъем экономики и культуры на Севере Индии произошел в IV в., когда ее северные и центральные районы вновь объединились в мощное государство династии Гупт. В период расцвета при Чандре Гупте II (Викрамадитья), с 375—413 гг.², границы Гуптского государства простирались на севере до Гималайских гор, на востоке — до реки Брахмапутра, на западе охватывали полуостров Катхиавар, а на юге достигали реки Нарбада. Гуптские правители вновь избрали столицей Паталипутру. В V в. государство Гупт доминировало над всеми остальными государствами в Индии. Многие из них на-

¹ В Мохенджо-Даро были найдены предметы из золота, близкого по своему составу золоту из районов Мадраса и Хайдарабада.

² По другим данным 380—414 гг.

ходились в экономической зависимости от него или испытывали его влияние.

Политика централизации и консолидации государства и расширения сферы его политического и культурного влияния на Ближнем и Дальнем Востоке, характерная для периода правления Ашоки, нашла продолжение в политике императоров династии Гупт, а позднее — правителей южноиндийского государства династии Паллавов.

Начатая еще в первых веках до нашей эры эмиграция из Индии на Восток в нынешние Таиланд, Бирму, Камбоджу, Индонезию продолжалась в V в. и усилилась к VIII в. В этих странах довольно прочно обосновались индийские торговые колонии. Насколько глубоко про никло влияние Индии в эти страны, можно судить по сохранившимся памятникам архитектуры и письменности.

Начиная с V в., после столетнего перерыва вновь оживились морские и сухопутные связи со странами Средиземноморья, Китаем, Африкой. По проторенным ранее путям вновь наладилась торговля через нынешний Афghanистан с Ираном и со Средней Азией. Усилились торговые связи между Севером и Югом Индии. Расцвет внешней и внутренней торговли способствовал подъему ремесленного производства, главным образом предметов роскоши, и сосредоточению больших материальных средств в руках рабовладельческой и феодальной знати, не сккупившейся на строительство дворцов и храмов и поощрявшей развитие науки и искусства.

Известно, что в V в. в Наланде — крупнейшем научно-религиозном центре страны, знаменитом на весь Древний Восток, своего рода университете — занималось несколько тысяч студентов, изучавших наряду с религиозными дисциплинами философию, медицину, математику. Среди студентов было много приезжих из Китая, Японии и других стран. Подобное учебное заведение имелось также на юге, в Канчи-пураме — столице Паллавского государства.

О высоком техническом прогрессе и пластическом мастерстве Индии, достигнутом в период Гупт, свидетельствует отлитая из бронзы и меди огромная статуя Будды из Султанганджа весом около тонны и высотой около 2,5 м и монолитная железная, не поддающаяся ржавчине до наших дней, колонна в Дели высотой более 7 м. Большого совершенства достигли скульптура, живопись, литература на санскрите. К V—VI вв. относят редакцию многих трактатов по искусству и архитектуре.

Индийцы считают V в. второй, после правления Ашоки, наиболее значительной вехой в истории Индии и называют его «золотым веком». Некоторые искусствоведы нередко проводят исторические параллели, сравнивая V в. в Индии с эпохой Перикла в античной Греции, а иногда с эпохой Возрождения в Европе. Такие параллели, прово-

димые без сравнительного анализа социально-экономических и исторических особенностей каждого из этих периодов, не выявляют действительную историческую картину Индии переходного времени.

Для нас V в. в Индии представляется периодом чреватым очень сложными противоречиями, в результате обострения которых зародилась новая социально-экономическая система, новое мировоззрение и соответственно новые явления искусства и архитектуры.

Период расцвета государства Гупт был сравнительно коротким. Внутри него назревали острые социальные противоречия. Большая концентрация материальных благ в руках господствующей аристократической верхушки и буддийского монашества приводила к обнищанию трудящихся масс, тяжелым бременем на них ложилось содержание громадного административного аппарата и армии, необходимых в условиях крупного централизованного государства. Все чаще поднимались крестьянские бунты, поддерживаемые рабами и представителями низших сословий. О них могут свидетельствовать изданные в этот период законы о жестоких наказаниях за упорные восстания против власти.

Кроме того, давно назревали противоречия — с одной стороны между старыми аристократическими кругами и представителями ростовщичества, поддерживавшими буддизм, буддийскими монахами — владельцами крупных монастырских поместий, и с другой — с представителями новой эксплуататорской верхушки общества в лице феодалов и брахманских жрецов.

В конце V в. нашествие гуннов нанесло окончательный удар государству Гупт, сильно ослабленному обострением внутренних противоречий. В течение почти столетия северные и центральные районы Индии не могли оправиться от тяжелых последствий этих событий и только в 540 г. они окончательно освободились от владычества гуннов. Последним независимым крупным государственным объединением на севере Индии было государство Харша (или Канаудж), существовавшее в VII в. в течение 40 лет, со столицей Канаудж. С распадом империи Гупт центр тяжести социально-экономической и культурной жизни Индии переместился за пределы Виндхийских гор — на юг, где соперничали между собой два соседних крупнейших феодальных государства — одно династии Чалукиев и Раштракутов, другое династии Паллавов. В этих государствах феодализм стал развиваться, возможно, одновременно с северными районами.

Становление феодализма в Индии проходило в специфических условиях, отличных, например, от условий Западной Европы. Индия не претерпела таких, как Европа, сильных внешних потрясений, способных разрушить до конца старую культуру рабовладельческого строя. Раннесредневековая Индия унаследовала от древности хорошо сохра-

Аджанта. Фрагменты стенных росписей вихары, зал № 17, конец V в. н. э.
Апсары — небесные девы

Аджанта. Фрагмент росписи плафона вихары, зал № 1, VII в. н. э. Сцена приема персидских послов чалуйским царем

Аджанта. Фрагмент стенных росписей вихары, зал № 17, конец
V в. н. э. Сцена во дворце

Чек древней индии

нившиеся экономические и культурные центры и города с налаженным ремесленным производством.

Индия с давних пор представляла страну высокоразвитой земледельческой культуры. Главным занятием жителей было земледелие и основным видом поселения всегда оставалась деревня. Жизненная необходимость ведения земледелия при сложных оросительных системах вынуждала Индию и в период феодализма придерживаться крупных государственных объединений, опиравшихся прежде всего на сельскую общщину.

Таким образом, феодальная земельная собственность развивалась при наличии общинного землепользования. Сельская община, сочетающая в себе занятия земледелием и ремеслом, оставалась незыбленным ядром индийского общества почти на всем протяжении истории Индии, в силу своей особенности задерживая на отдельных этапах ход ее развития. Задержав в свое время формирование крупного рабовладения, сельская община вросла в феодальное общество, затормозив развитие торговли, рост городов и ремесленного производства в них. Вместе с сельской общиной раннесредневековая Индия унаследовала от древности сословное деление общества на варны, сформировавшиеся впоследствии в невиданную в мире, прочную, сохранившуюся до наших дней, кастовую систему.

С конца VI по VIII в. наблюдается дальнейшее утверждение в общественной экономике господства феодалов и брахманского жречества. Все более усложнялась политическая структура феодального общества. Феодал выступал не только владельцем своего поместья, но и в роли государя на своей земле. Вместе с этим возникла очень сложная иерархия. В кастовой иерархии теперь, с оформлением сословно-кастового строя, брахманы заняли высшее место. Законы Ману гласят: «Знайте, что десятилетний брахман и столетний кшатрий относится один к другому, как отец и сын, но из них двоих брахман есть отец»¹. Самой низшей касте шудрам «владыка предписал безропотно служить трем (высшим) кастам»².

Под давлением развивавшихся новых производственных отношений преобразовывались формы и содержание общественного религиозного мировоззрения. Буддизм трансформировался, в новом свете предстал завоевавший господствующее место брахманизм — и тому, и другому стали присущи черты идолопоклонства.

В V в. в Индии буддизм отживал свой век и государственной поддержкой как на Юге, так и на Севере в государствах Гупт, Раштракутов и Паллавов стал пользоваться брахманизм. Его идеи, связанные с укреплением сословного деления общества, отвечали интересам вос-

¹ Законы Ману. Перев. с санскрита С. Д. Эльмановича, СПб, 1913.
² Там же.

Остров Элефанта. Рельеф в скальном храме VIII в. Шива, исполняющий танец создания Вселенной.

средает (шнор)

Гора Абу. Штат Раджастхан. Рельеф в храме XI в. Поклонение зодчих Sarasvati — богине науки и искусства.

ходящего класса феодалов, поддерживаемых брахманским жречеством. Смена господствующих религий не проходила мирным путем. Еще накануне краха империи Гупт наблюдалось усиленное строительство буддийских монастырей, похожих на неприступные крепости. Буддийские монахи искали наиболее недоступные места в скалах. Им приходилось защищать накопленные от жестокой эксплуатации трудового населения огромные состояния не только от мятежных крестьян и внешних врагов, а прежде всего от новых представителей эксплуататорского класса — претендентов на богатство и власть — феодалов и брахманских жрецов. Известно, что в Канчипурэ, бывшем во II в. до н. э. буддийским центром Южной Индии, не осталось и следа от многочисленных буддийских построек, уничтоженных главным образом в VI—VII вв. при паллавском царе Махендравамане I. Это он возмущался тем, что в Индии развелось слишком много монахов и монахинь, ведущих паразитический образ жизни и ставших тяжелым бременем для государства.

Возможно, что сложный процесс крушения старого и созидания нового, захвативший в V—VII вв. все области жизни народов Индии, начался еще во времена расцвета Кушанского государства в первых веках нашей эры. Гандхара оказалась международным торговым и культурным узлом, связывавшим Восток и Запад, где в то время бурлила активная экономическая и культурная жизнь, зарождались новые общественные явления и идеи.

Именно в Гандхаре, как известно, впервые появились скульптурные, ранее не допускавшиеся буддийской религией изображения Будды и соответственно изменившейся концепции появились первые храмы, в которых стояли статуи божеств. В Гандхаре зародилась новая форма буддизма — махаяна, повлиявшая на религиозное воззрение Китая и Средней Азии, а также Ближнего Востока. В каждой из этих стран одна общая характерная для эпохи феодализма идеологическая основа воплотилась в разных национальных формах. Идея могущества единого бога нашла воплощение в колоссальных статуях Будды, в гигантских изваяниях джайнских святых и богов Шивы и Вишну.

Совершенно очевидно, что наметившиеся в ранний период крушения крупнейших рабовладельческих государств на Севере новые явления в общественной жизни, искусстве и архитектуре, завершаются в VII—VIII вв. в Декане. Причем, судя по сохранившимся памятникам архитектуры и искусства, процесс общественного развития, начавшийся на северо-западе, захватил сначала в сферу своего влияния бассейн Ганга с его центром Паталипутрой, постепенно проникая в глубь страны, в Декан, и позднее завершаясь на Крайнем Юге. Здесь, за пределами Винджийских гор, служивших с незапамятных времен до некоторой степени определенным барьером для внешних завоевателей,

богатое культурное наследие Севера нашло себе благодатную почву для дальнейшего развития.

Памятники раннего средневековья, возникшие на рубеже двух эпох, в период отмирания старых видов и форм мировоззрения, искусства и становления новых, весьма разнообразны по идеино-художественному содержанию и формам.

Столкновение классов, материальных и политических интересов, религиозных и эстетических воззрений — это столкновение старого и нового порождало образы в искусстве удивительно контрастные и противоречивые: невозмутимый в своем спокойствии и безразличии к окружающему Будда и многорукий Шива, увлеченный неистовым движением танца создания Вселенной. Трудно поверить, что оба произведения принадлежат одной эпохе. Одновременно создавались разные и похожие, стоявшие рядом друг с другом постройки различных культов — буддизма, джайнизма и брахманизма. Великолепные и изысканные по убранству интерьеры пещерных сооружений контрастировали с еще далеко несовершенными по своей технике ранними храмами, сооруженными в каменной кладке.

К новым веяниям эпохи, отражавшим мировоззрение восходящего класса феодалов и брахманского жречества, можно отнести выпущенные в V в. в литературной обработке брахманские религиозные сборники «Пураны», древние эпосы «Махабхарата» и «Рамаяна». Духу современности, насыщенной острыми социальными противоречиями, отвечали появившиеся в записи народные сказания «Панчтантра» и «Курал». Согласно им перед нами, по словам Луначарского, встает «...не Индия благочестивых отшельников и строгих брахманов, создавших гимны Вед и мифы Брахман, не Индия гордых воинов и суровых кшатриев, создавшая великий эпос «Махабхарата», а Индия изнеженных горожан и предприимчивых торговцев, ловких ремесленников и практических земледельцев, страна со сложной экономикой и политическим строем, с высоко развитой торговлей, с изысканными формами быта, с резкой дифференциацией каст»¹.

С утверждением господства феодалов и жречества усиливались роль и влияние религии в индийском средневековом обществе. К этому времени окрепла сформировавшаяся на основе буддизма, народных верований и возрожденных идей брахманизма, прочная и эластичная, устоявшая до наших дней религиозная система индуизма. С этих пор литература, философия и все виды изобразительного искусства теряют свое самостоятельное значение и независимость. Все подчинено религии и без ее санкции не имело права на существование. Особенно сильное влияние религии испытывала монументальная архитектура.

¹ Панчтантра. Избранные рассказы. Предисловие А. В. Луначарского. Перев. с древнеиндийского, М., 1930.

Остров Элефанта. Скальный храм VIII в. Трехлиное изваяние Шивы в интерьере

Синтез архитектуры и скульптуры становился в эпоху феодализма могущественным средством воздействия на сознание средневекового человека, сильнее всех других проводников идеологического влияния, таких, как литература и живопись.

В VIII в. сильно возросло могущество брахманского жречества. Об этом ярко свидетельствует развернувшееся массовое храмовое строительство, крупные масштабы, величественные формы храмовой архитектуры и скульптуры, требовавшие огромных материальных затрат. Накопление богатств в руках брахманского жречества несомненно сопровождалось острой классовой борьбой и вызывало сложные противоречивые явления в общественной жизни. Захваченные общим напряженным ритмом эпохи, художники не могли не отразить его в своих произведениях.

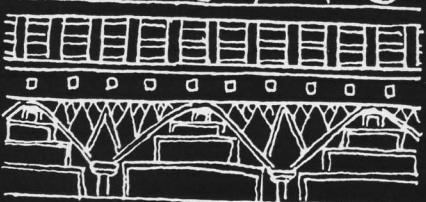
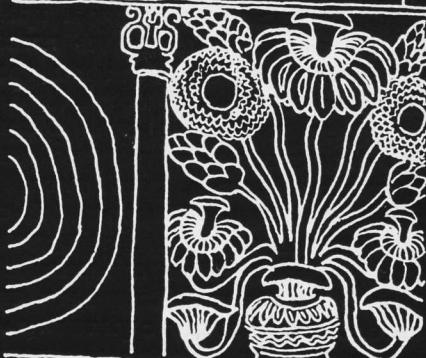
Драматизмом содержания, динамикой и бьющей через край жизненной энергией наполнены монументальные каменные композиции с изображениями брахманских богов и мифических героев. Главным героем в композициях выступает бог Шива. Захваченный стремительным движением этот многорукий могущественный бог в одном случае беспощадно расправляется со злыми силами, в другом — он в ликующем танцевальном экстазе создает вселенную. Бог Шива выступает во многих образах, отражая различные стороны общественной деятельности земных повелителей.

В поисках большей силы выразительности художники VIII в. отказались от сравнительно плоского рельефа, спокойной уравновешенной композиции и широкой свободной повествовательной манеры, характеризующей, например, рельеф Гангаватарама в Махабалипураме. Порывистость движений, сложные многофигурные композиции, глубокий пространственный рельеф, создающий сильные контрасты света и тени, отличают их произведения.

Победное торжество утвердившихся идей индуизма нашло прекрасное выражение в знаменитом гигантском бюсте трехглавого божества Махадео-Шива, помещенном в пещерном храме на острове Элефанта. В монументальном образе выразилась главная идея индуизма: всемогущий бог Шива воплощает в себе силы трех богов: созидания (Брахмы), разрушения (самого себя) и сохранения мирового порядка (Вишну). В этой скульптуре выражена сила могущественного заказчика, продиктовавшего содержание скульптуры, наполненное абстрактными понятиями и сложными идеями религиозной философии, вылившейся в сильно обобщенный идеализированный образ. В этот переходный период социально-экономические и идеологические преобразования в обществе наиболее заметно отразились на монументальной архитектуре. Медленно и постепенно отживали старые формы, типы, виды и методы строительства. Наряду с развитием в монументальном зодчестве нового ведущего типа — средневекового храма в каменной кладке, отражавшего в своих формах идеи утвердившегося господствовавшего мировоззрения, продолжалось в течение четырех столетий скальное строительство и сооружались буддийские монастыри и храмы.

Мало затронутым происходившими социально-экономическими изменениями оставалось гражданское строительство, которое продолжало следовать традициям тысячелетней давности.

Строительная техника

охранение древнейших традиций, уходящих своими корнями к цивилизациям, возникшим на берегах рек Инда и Ганга, прослеживается во всех областях жизни индийского народа и имеет не меньшее значение для архитектуры рассматриваемого периода.

Большую роль в сохранении традиций в архитектуре сыграли существовавшие с древнейших времен строительные корпорации — шрени («сени», или «нигама»), а также, возможно, возникшая одновременно с ними единая система канонов и правил строительного дела и прикладного искусства — «Шильпашастра».

О существовании с незапамятных времен своеобразных строительных объединений, охватывающих нередко целые деревни, становится известным из рассказов «Джатаки». Джавахарлал Неру пишет: «Джатаки свидетельствует о существовании одного, довольно необычного явления, а именно, создания специальных поселений или деревень для людей, занимавшихся определенным ремеслом. Так, например, существовала деревня плотников, состоявшая, как указывается, из тысячи семейств; деревня кузнецов и т. д. Эти специализированные деревни располагались неподалеку от города, который поглощал их продукцию и в свою очередь снабжал их различными предметами первой необходимости. Вся деревня, по-видимому, объединялась на кооперативных началах и выполняла большие заказы. Вполне вероятно, что из этой обособленной жизни и организации развилась кастовая система. Примеру брахманов и знати последовали мало-помалу ремесленные корпорации и купеческие гильдии¹. В «Джатаке» говорится о 18 ремес-

¹ Джавахарлал Неру. Открытие Индии. М., 1955, стр. 215.

ленных союзах, но фактически упоминается только пять: деревообделочники, каменщики, кузнецы, кожевники и маляры. Известное значение к тому времени приобрели торговые общества и ремесленные гильдии.

Перси Браун относит возникновение строительных корпораций — шрени к VII в. до н. э. и считает, что вначале существовала система ученичества — антевасика, подобная той, которая была известна в средневековой Европе, когда ученики жили и работали у своего хозяина. Позднее профессии стали передаваться по наследству, что было естественно в условиях кастового деления общества¹.

Подобная организация ремесленников, в том числе и строителей, несомненно способствовала непрестанному совершенствованию архитектуры. Она была пожизненной школой мастерства. С раннего детства усваивались ремесла, приобретались навыки под постоянным руководством старших мастеров. Приобретенный опыт и навыки передавались из поколения в поколение и, как пишет К. Маркс: «Лишь накопленная из поколения в поколение, передаваемая по наследству от отца к сыну специальная сноровка сообщает индусу, как и пауку, его виртуозность»².

Накапливавшийся опыт строителей принял форму «Шильпашастра». «Шильпашастра» долгое время не фиксировалась письменно, а передавалась потомкам изустно. Молодые мастера заучивали правила наизусть и в процессе работы повторяли как молитву. Руководствуясь этими правилами, строители были в определенной степени гарантированы от совершения крупных ошибок и промахов в выполнении своих работ.

Впервые термин «Шильпа» употребляется в древнейших текстах «Брахманах» как искусство, охватывающее области пения, танцев, живописи и скульптуры. Более определено о существовании «Шильпашастра» в виде сборника теоретических положений по искусству и архитектуре говорится в «Махабхарате». Джон Маршалл высказывает мнение, что «Шильпашастра» базируется в вопросах строительства и архитектуры на традициях Мохенджо-Дара и Хараппы³. По крайней мере, ранние письменные тексты «Шильпашастра» относятся к первым векам до н. э. Практические руководства «Шастра» по 18 различным дисциплинам были хорошо известны в V—VI вв⁴. Среди них значительное место занимали многочисленные книги, в которых излагались отдельные теоретические положения и практические руководства по вопросам архитектуры, скульптуры, живописи и прикладного искусства.

¹ Brown P., Indian architecture vol. 1, 1946, p. 78.

² К. Маркс. Капитал, т. I, 1955, стр. 347.

³ Marshall J. Taxila. Cambridge, 1951, vol. 1, p. 12.

⁴ Pillai C. K. The way of the Silpis. Allahabad, 1948, p. 29.

В V—VI вв. появились письменные специальные тексты по архитектуре на санскрите. Сведения по архитектуре и строительству содержали также общие социально-экономические, политические и философские трактаты, переизданные в это время. Из них большую известность получил социально-политический трактат «Артхашастра», в котором отводится большое место вопросам градостроительства и жилища. Руководство по архитектуре и строительству «Ваштвидия», или «Вастушастра», содержит сведения о сооружениях как культового, так и светского назначения и включает огромное число технических правил и предписаний.

Из многочисленных сохранившихся текстов «Ваштвидия»¹ наиболее полноценным текстом можно считать трактат по архитектуре «Манасара». Это — подробное руководство по вопросам градостроительства, конструкций, соблюдения пропорций в частях и деталях здания, применения изобразительных средств в архитектуре. Датировка «Манасара», отнесенная П. К. Ачария примерно к VI в., довольно убедительно оспаривается другим ученым — Бхаттачария. Последний относит составление текста «Манасара» к XI в., полагая, что многие его утверждения распространяются главным образом на архитектуру Южной Индии².

«Шильпашастра», подобно другим древнеиндийским текстам, содержит в себе, наряду с цennыми практическими указаниями и сведениями, целый ряд символических толкований, описаний религиозных обрядов, церемоний, жреческих заклинаний, которыми в тех условиях неизбежно сопровождалось любое дело, в том числе и строительство даже обычного жилого дома. В некоторые, удобные в обращении и широко распространенные в практике геометрические формы, как, например, квадрат, куб, круг, и в отдельные числовые соотношения «Шильпашастра» вкладывала символический или религиозный смысл.

Строительные корпорации шрени, как правило, часто передвигались по стране, а иногда, оседая на одном месте, посвящали всю свою жизнь и даже жизнь нескольких поколений созданию какого-либо одного грандиозного сооружения. При наличии подобных строительных организаций и существовании единой системы канонов и правил «Шильпашастра» становится понятным, как могло получиться, что одинаковые типы зданий и многие архитектурные и конструктивные формы и приемы могли возникнуть на юге и севере Индии в разные периоды времени.

¹ Один из крупнейших исследователей древнеиндийских текстов по архитектуре — П. К. Ачария насчитывает их более трехсот. Acharya P. K., Architecture of Manasara. London, 1933, p. 46.

² Bhattacharya T., A Study on vastuvividya. Patna, 1948, p. 15.

Последовавшее в эпоху феодализма укрепление сословного деления и развития кастовой системы повлекло за собой дальнейший рост и процветание ремесленных и торговых объединений и строительных организаций. Находят печати этого времени, принадлежавшие корпорациям торговцев, ростовщиков и ремесленников. В надписях на памятниках, датированных V—VI вв., имеются конкретные сведения об их деятельности. По ним можно судить, что наряду с крупными феодалами в роли заказчиков выступали и разбогатевшие цеховые организации. Например, на храме, построенном в 456—466 гг. (в районе современного штата Уттар Прадеш), имеется надпись, которая гласит о том, что организация маслодельщиков (шрени) получила в постоянную собственность храм, посвященный богу Солнца, и на его содержание выделила натуральный оброк в форме определенного количества масла.

На другом храме Солнца в Дасапуре имеется надпись, свидетельствующая о его постройке в 437—438 гг. по заказу ремесленного объединения (шрени шелкопрядов) в городе Дасапур и последовавшей в 473—474 годах реконструкции и ремонте храма на его же средства.

Архитектор занимал, если судить по литературным источникам, довольно почетное место в обществе. В «Рамаяне» встречаются термины «стхапати», «вардхаки», «такшака» и «шутрадхара», означающие соответственно: архитектор, скульптор, помощник мастера и ремесленник. В «Рамаяне» приводятся имена легендарных архитекторов Майя и Вишвакарма. Они были известны — один в Южной, а другой в Северной Индии. В этом же эпическом произведении с большим уважением говорится о зодчих, как об экспертах сложного архитектурного мастерства, овладевших к тому же другими видами искусства. Легендарного архитектора Вишвакарма недаром называют мастером тысячи видов искусств. Архитекторы чаще всего были выходцами из высшей касты брахманов и храмовым строительством нередко руководили брахманские священники.

Подготовка профессии архитектора была очень длительной. К изучению специальных предметов архитектуры и строительства допускались лишь те ученики, которые сумели в течение многолетнего обучения последовательно овладеть в совершенстве искусством танца, музыки, живописи, скульптуры и прикладных видов искусства. Благодаря многостороннему образованию архитектор был способен руководить всем процессом строительства, подчиняя своему замыслу работу скульпторов, художников, каменщиков и тем самым добиваясь идейно-художественной целостности произведения.

Известно, что к строительству храмов нередко привлекались мастера различных профессий и из разных провинций: ювелиры, столяры, плотники, кузнецы, скульпторы и художники, которые создавали еди-

ный большой творческий коллектив. Так, например, в исполнении рельефов ворот ступа в Санчи принимали участие резчики по слоновой кости. Тесное сотрудничество архитектора, скульптора и мастеров прикладных искусств является одной из характерных черт индийского зодчества.

Значение неразрывной взаимосвязи, существовавшей в древней и средневековой Индии между поэзией, музыкой, танцами, живописью, скульптурой и архитектурой неоднократно подчеркивал в своих работах Хавелл¹, который писал, что в этом отношении Индия отличается от многих стран — отдельные виды ее искусства и архитектуры не могут рассматриваться археологами или искусствоведами изолированно друг от друга, а иначе исследователи могут прийти к ошибочным выводам и заключению в отношении каждого из них.

Деревянное зодчество. Многие характерные черты гражданского строительства, повлиявшие на индийскую монументальную архитектуру, сложились в глубокой древности в главных центрах индийской культуры — в бассейнах рек Инда и Ганга, в местностях с жарким и влажным климатом, аллювиальной почвой и лесами. В этих районах строительными материалами издавна служили дерево, обожженный кирпич. Леса, занимающие в настоящее время одну пятую часть территории Индии, в древности покрывали ее почти сплошным массивом. Исключительно богаты лесом были районы Двуречья Ганга и Джамны, Западной Индии (ее полуостровной части Катхиавара) и Dekана. В архитектурных памятниках этих районов особенно сильно сказалось влияние деревянного зодчества на каменное.

Лесные богатства при их необычайном изобилии и многообразии ценных и прочных пород дерева, легко поддающихся обработке, а следовательно, при дешевизне и быстроте воздвигаемых построек, обеспечили дереву, несмотря на его неогнестойкость господствующее место среди других строительных материалов жилищного и гражданского зодчества в Южной Индии, Катхиаваре и других районах.

Дерево издавна широко применялось в кораблестроении, производстве колесниц и повозок, в плотничьем и столярном деле. Из дерева в Индии строились крепости, дворцы, храмы, дома горожан, крестьянские жилища и хозяйствственные постройки. Такое разнообразное использование дерева способствовало развитию особой виртуозности и совершенства в владении деревом как материалом. Поэтому неудивительно, что деревянное зодчество, развивавшееся в Индии более чем два тысячелетия, достигло очень высокого уровня развития еще задолго до появления каменных построек.

В период средневековья дерево продолжало служить основным строительным материалом, особенно в гражданском зодчестве.

¹ Havell E. B. The Ideals of Indian art. London, 1911.

Наиболее распространенным в строительстве Индии было тиковое дерево, крупные размеры (диаметр 70—80 см), прямой и прочный ствол которого позволяли употреблять его для конструкций больших сооружений. Эластичная неколюющаяся структура особенно благоприятна для художественной резьбы. Хорошая сопротивляемость гниению обеспечивала долговечность построек.

Близко по этим качествам другое дерево — сал, встречающееся в районах Гималаев и Декана, богатых также и другими ценными для строительства породами как дуб, сосна, кедр. Редкое многообразие исключительно ценных пород характерно для Южной Индии. В лесах Малабарского побережья, например, произрастает более 20 видов пальм, многие виды бамбука, тик, сандаловое дерево, самшит, красное дерево, черное (или эбеновое) дерево, бабур, деревья с древесиной, не уступающей по прочности березе, а по легкости — пробке.

Бамбук, в изобилии произрастающий по всему морскому побережью (особенно восточному), нашел широкое применение в строительстве; он употреблялся на изготовление изгороди, балюстрады, бамбуковой решетки — пиночра, каркасной конструкции, кровли стоек для верхних этажей, легких павильонов. Бамбуковые колышки служили своего рода «гвоздями» для соединения деревянных частей.

Редкое дерево бабур (с древесиной твердой почти как металл) применялось в исключительных случаях, когда, например, требовались опоры, выдерживающие каменное перекрытие. Сандаловое, красное и черное (или эбеновое) дерево употреблялось преимущественно для отделочных работ, дверных полотниц во дворцах и храмах.

Тиковое дерево использовалось в строительстве хорошо обтесанным, в виде брусьев различного сечения, чаще всего квадратного, максимальных размеров от 60—80 см в диаметре и длиной ствола, достигающей 30 м. Большое распространение имели круглые в сечении обтесанные бревна, употреблявшиеся для вертикальных опор.

В постройках Мохенджо-Даро, XXX—XX вв. до н. э., и в Прибрежном храме в Махабалипураме, VII в., и в других местах сохранились расположенные на высоте перекрытия гнезда для деревянных балок размерами 30,5×50,6 см. В зданиях, как правило, отсутствуют внутренние столбы или встречается очень редкая их расстановка, что предполагает применение балок, превышающих пятиметровую длину.

Главными орудиями плотника были, по-видимому, топор и пила. Долото, сверло и другие инструменты употреблялись для тонкой художественной обработки.

Памятники деревянного зодчества, к сожалению, не сохранились, но его формы, конструктивные и художественные приемы, архитектурные детали были воспроизведены с документальной точностью в более поздних произведениях скальной архитектуры и особенно отчет-

ливо прослеживаются в каменных сооружениях Южной Индии VII—VIII вв., а также отражены в рельефах ворот ступа в Бхархуте, Санчи и стенописях Аджанты.

Балочно-стоечная система была в деревянном зодчестве основной. Междуетажные и верхние перекрытия укладывались по вертикальным опорам-столbam. Столбы в индийском зодчестве почти во всех местностях, за исключением, возможно, Ориссы и Бенгалии, являются основной несущей конструкцией. Они поддерживают перекрытие в многоэтажных зданиях, плоские кровли в галереях, террасах и служат также основой каркасной стены.

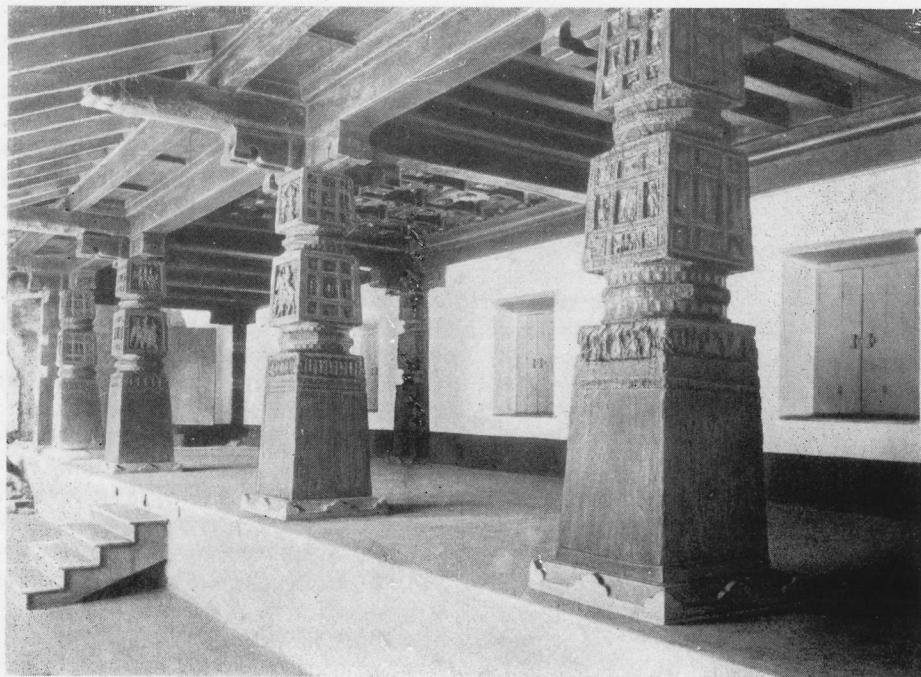
В гражданском и культовом строительстве широко применялись отдельно стоящие вертикальные опоры из толстых обтесанных бревен, четырехгранных, восьмигранных и круглых в сечении. В южноиндийском зодчестве были приняты столбы четырехгранные в верхней и нижней трети ствола, а в средней, промежуточной, — восьмигранные. Подобные столбы воспроизведены в южноиндийских пещерных храмах VII в. Тиручираппалли, Паллаварамс и других городах. Очень похожие на них столбы сохранились в деревянном дворце Чоутари XVII в. в Мудабидри (Южная Кеннара). Это массивные четырехгранные сужающиеся вверх столбы, разделенные по высоте на три части профилированными, как бы врезанными, круглыми поясками. На эти столбы положены подбалки, поддерживающие продольные и поперечные балки, несущие в свою очередь перекрытие.

В архитектуре Декана были широко распространены, судя по росписям Аджанты и каменным сооружениям Мамаллапурама¹ и Канчиapurama VII—VIII вв., деревянные колонны круглого сечения, а базы изображенных колонн похожи на каменные обручи. Каменные базы для деревянных стоек до настоящего времени встречаются в жилых домах Южной Индии и Сиама. В практике южноиндийского каменного зодчества имеются случаи применения деревянных колонн, о прочности которых можно судить по тому, что они выдерживали каменное перекрытие.

В строительстве из кирпича и камня широко использовались деревянные перемычки для дверных и оконных проемов. Следы деревянных перемычек находят в стенах построек Мохенджо-Даро и более поздних построек, например, в кирпичном храме Уттарешвара в Тере, датируемом V или VI вв.

В индийском деревянном зодчестве большое место с древнейших времен занимают разнообразные конструкции кронштейнов, подкосов и подбалок, необходимость в которых возникла при перекрытии

¹ Мамаллапурам — древний порт, названный в честь его основателя Паллавского государя Махамаллы (сокращенно Мамаллы), стоящий на месте современной деревни Махабалипурам.

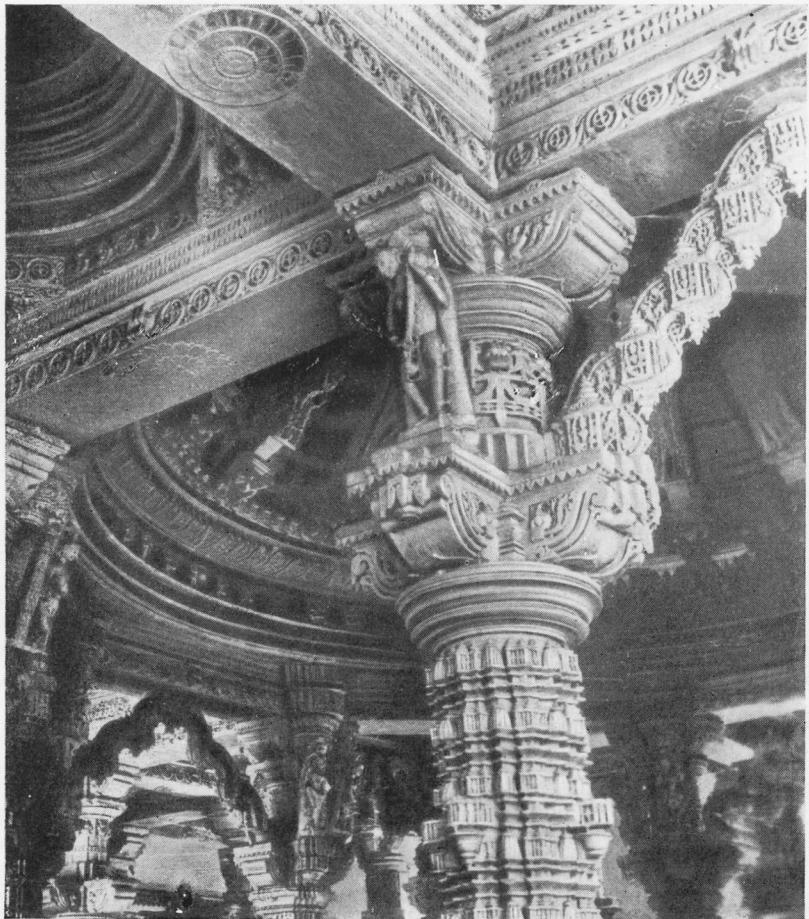

Весна
Терраса деревянного дворца Чоутари в Мудабидри (Юг Индии), XVI в.

больших пролетов. При такой конструктивной системе балки подпирались столбами, поверх которых укладывались подбалки или подкосы, иногда кронштейны пристраивались к вершине столба. Конструктивная роль подкоса или подбалки заключалась в том, чтобы предупредить возможный прогиб балки, увеличивая площадь опоры в месте ее сопряжения с колонной.

Кронштейны, крепящиеся на вершине столба под балкой, способствуют уменьшению скальвающих усилий в местах соединения столба с балкой и уменьшают вероятность излома последней. Кронштейны, обычно расположенные с четырех или двух сторон колонны, носят характер самостоятельной надстройки. Форма кронштейна нередко сливается с формой капители.

Основной стеновой конструкцией в индийском зодчестве, судя по памятникам Декана, являлся каркас. Стойки зажаты между верхними и нижними горизонтальными обвязками. Заполнением стен служит глинобитный материал или кирпичная кладка.

Дильвара в горах Абу. Кронштейн в интерьере мраморного храма,
XI в. н. э.

Стены из бревен, уложенных горизонтальными рядами, по-видимому, не применялись в индийском деревянном зодчестве. Вертикально поставленные бревна употреблялись в качестве свай и, по всей вероятности, имели место лишь в крепостных сооружениях. Сохранились остатки частокола из тикового дерева городских стен Паталипутра от III в. до н. э. Это были бревенчатые щиты, забитые в землю на глубину

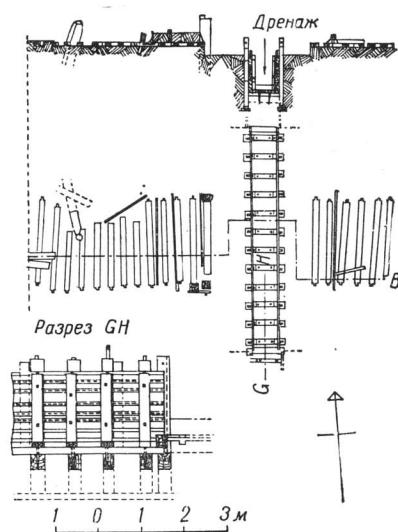
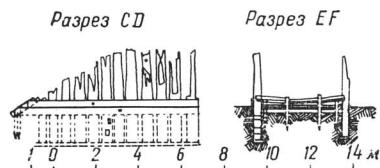
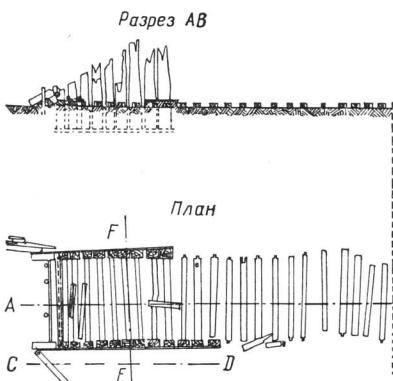

Паталипутра. Раскопки крепостных стен, V в. н. э.

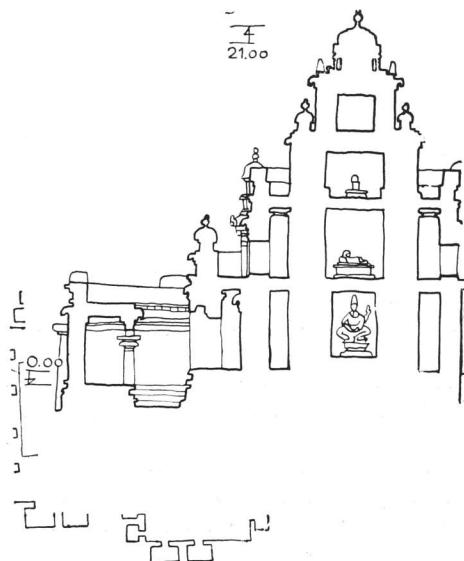
1 м рядами через промежуток, равный 50—60 см (т. е. толщине бревна). Щиты были сбиты из вертикально поставленных бревен, зажатых в горизонтальном направлении поперечноложенными бревнами. Толщина крепостной стены, таким образом, должна быть не меньше ширины щита, составленного из 6—7 бревен, т. е. более 3,5 м.

Многоэтажные сооружения из дерева создавались, насколько можно судить по письменным свидетельствам и позднейшим каменным сооружениям в форме ступенчатой пирамиды с уменьшающимися по высоте этажами. Такая форма была принята в целях облегчения нагрузки на нижние опоры. Лучшее представление о многоэтажном здании дает монолитный храм-ратха Дхармарараджа в Махабалипураме VII в. и святилище в комплексе Кайласанатха в Канчиapurame VIII в.

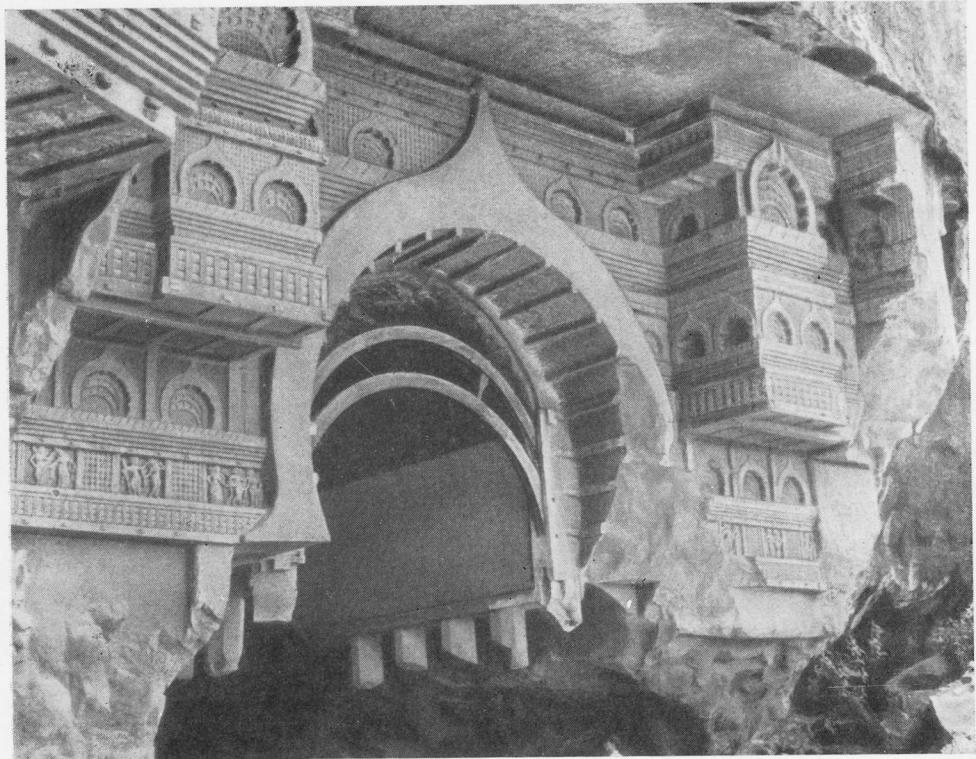
Формы перекрытия раскрывают многие особенности индийской архитектуры. Индийские зодчие проявили большую изобретательность и виртуозность в довольно несложных строительных приемах.

Паталипутра. Конструкции частокола,
V в. н. э.

Храм Кайласанатха, VIII в. н. э. в Канчикураме. Святилище, сложенное из теплого камня и кирпича

Кондайн. Чайтая, высеченная в скале, II в. до н. э.

В Индии с давних пор существовали два основных вида деревянного покрытия: плоское балочное, опирающееся на столбы, и двухскатное сводчатое. Оба вида покрытия могут быть проиллюстрированы на примере высеченного в скале буддийского монастыря в Кондейне I в. до н. э. Здесь представлены два покрытия: плоского над прямоугольным, почти квадратным в плане залам (вихара) и сводчатого опирающегося на деревянные фермы над продолговатым в плане помещением чайтая. Различные формы покрытия, установившиеся в деревянных постройках, обнаруживаются впоследствии в памятниках монументального зодчества Южной Индии. Так, например, плоское балочное перекрытие по столbam было принято для перекрытия многостолпных залов — мантапам, а формы сводчатого перекрытия были приняты для надвратных башен — гопурам. Купольные ребристые пе-

перекрытия четырех- или восьмигранной формы стали завершением квадратного в плане помещения святилища виманы.

Плоский вид покрытия для террас, галерей, павильонов встречается на изображениях стенных росписей Аджанты. Плоское перекрытие обычно завершает павильон (предназначенный для отдыха странников), так называемый дан, широко распространенный в Южной Индии и на острове Цейлоне. Простой тип дана представляет квадратную в плане веранду, опирающуюся на четыре столба (изображение на стенописи в Аджанте, зал № 1*). Ее плоское перекрытие состоит из балок и деревянного настила, покрытых сверху тростниковой соломой. В более крупных сооружениях дан — большое перекрытие, поддерживаемое большим числом столбов. Система плоских перекрытий тщательно продумана и разработана. Деревянный настил укладывался по балкам, которые в свою очередь настилались по поперечным или продольным прогонам, уложенным по столbam. Завершение этой конструктивной системы остается неизвестным. Плоский вид крыши был, по-видимому, широко распространен в жилищном строительстве многих районов Индии. Плоская крыша с земляным слоем по деревянному настилу встречается в домах Таксилы. Такое покрытие могло быть использовано как открытая терраса.

По пещерным сооружениям типа чайтья можно судить, что в Индии с древнейших времен были известны довольно сложные и разнообразные конструктивные системы сводчатых перекрытий. Свод возводился по деревянным арочным фермам или по изогнутым дугой деревянным ребрам. Создавались кубовые перекрытия, заменяющие купольные.

В классическом по форме буддийском храме типа чайтья в Карли (I в. до н. э.) в камне воспроизведен деревянный свод, выведенный по изогнутым дугой ребрам. Сохранились остатки деревянных стропил двухтысячелетней давности, поддерживающих подковообразный проем окна и дугообразные деревянные ребра, прикрепленные к каменному своду.

Происхождение сводчатого перекрытия многие исследователи относят к бамбуковой конструкции. Джон Маршалл пишет: «Применение бамбука привело к сводчатому типу кровли, которая была затем воспроизведена в дереве, а впоследствии — в камне. Отсюда получает свое развитие арка-чайтья, применяемая в дверных и оконных проемах»¹. Насколько это предположение соответствует действительности, судить трудно. Не могли ли сводчатое перекрытие и арочный проем развиваться в дереве независимо от бамбуковой конструкции? В этой

* Здесь и далее используется общепринятая нумерация скальных сооружений Аджанты.

¹ Marshall S. Cambridge. History of India, vol. 1, p. 167.

связи интересно отметить развитие аналогичного сводчатого перекрытия килевидной или бочкообразной формы в деревянном зодчестве Древней Руси, где, как известно, происхождение от бамбуковой конструкции исключается.

Имеется возможность проследить развитие этого типа свода на примерах пещерного зодчества — самого раннего сооружения, высеченного в скале Ломас Риши (холмы Барабара, Бихар) III в. до н. э., в Бхадже (Декан) III в. до н. э. и чайтая в Карли. В пещерном сооружении в Ломас Риши представлен в камне деревянный свод, образованный досками, согнутыми по длине дугой, сложенными в несколько раз и подпертыми снизу в продольном направлении брусками. Наклоненные внутрь столбы как быдерживают внутренний распор свода.

В сооружениях Бхаджа представлена в камне ясная конструкция соединенных между собой, наклоненных также внутрь вертикальных опор и деревянных ребер криволинейного очертания, по которому ложатся в продольном направлении рейки и сводчатые покрытия.

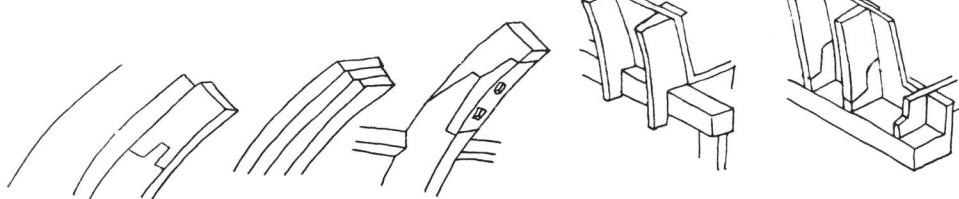
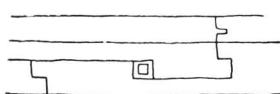
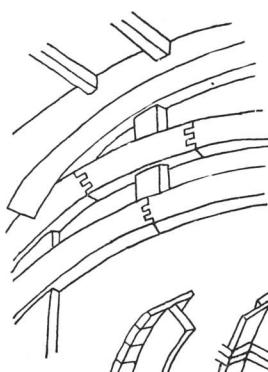
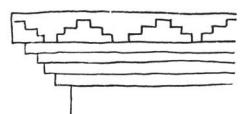
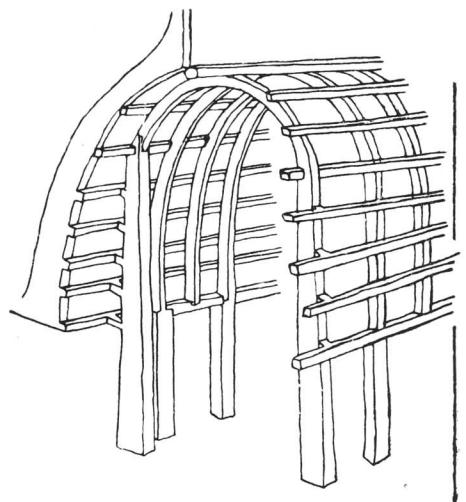
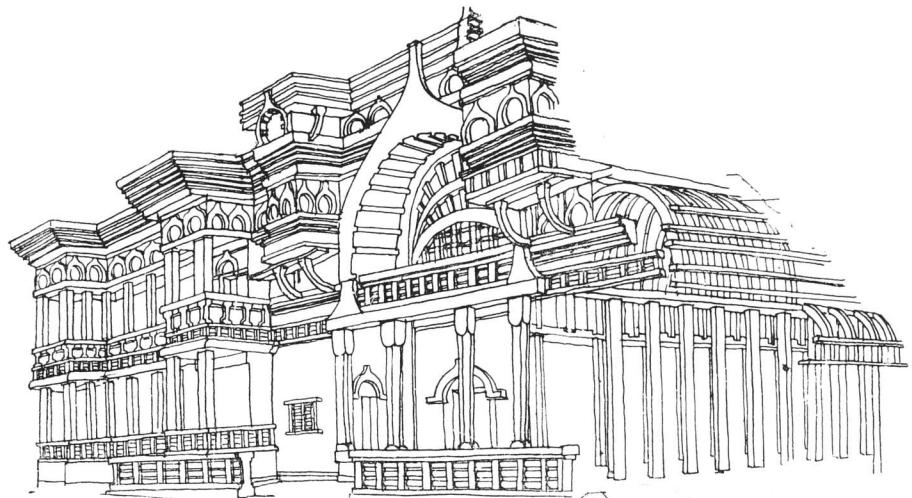
Особенно наглядны деревянные конструкции свода чайтая в Карли, запечатленные в камне скульптурным способом. Причем каменщики, видимо, затруднялись воспроизвести в скале отдельные формы деревянных конструкций, как, например, ребра свода, стропильную ферму, поддерживающую арку оконного проема, и они были вынуждены для полной иллюзии изображаемого деревянного, принявшего каноническую форму, сооружения, прикреплять деревянные конструкции к каменному своду. Почти невероятным в истории мирового зодчества является тот факт, что сохранились двухтысячелетней давности, подвешенные к скале, деревянные стропильные фермы и подпирающие свод выгнутые в поперечном сечении ребра. Вся конструкция, воспроизведенная со всеми деталями в скале в Ломас Рише и в Бхадже вполне тектонична. В интерьере чайтая же в Карли заметно несоответствие отдельных частей конструкции: деревянные ребра повисли в воздухе, ни на что не опираясь, и колонны не являются опорой перекрытия.

Куполы Известны своеобразные купола, в основе построения которыхложен то же принцип, что и в килевидных сводах, только перекрытие имеет не два, а четыре или восемь скатов.

В массовом строительстве применялись, естественно, более дешевые и доступные породы дерева, бамбук и тростник. Верхнее покрытие

Деревянные конструкции и формы, воспроизведенные в памятниках каменного зодчества

предполагаемая конструкция в дереве чайтая и вихара по сооружениям в Кондайне II в. до н. э.; сводчатая конструкция чайтая в Бхадже, 150 г. до н. э.; сохранившиеся фрагменты деревянной фермы чайтая в Карли, I в. до н. э.; детали деревянных конструкций

тие из тростника было наиболее распространенным. Стены из тростника, обмазанные глиной и оштукатуренные, до сих пор встречаются в строительстве крестьянских изб в Бенгалии.

О развитии других видов перекрытий и конструктивных систем на Севере и в других районах Индии трудно судить по немногим уцелевшим памятникам раннего средневековья.

Строительство из кирпича. Строительство из обожженного кирпича, судя по многим свидетельствам, не прекращалось в отдельных районах Индии со времен древнейшей цивилизации Инда. Остатки кирпичных зданий, построенных в различные периоды со II в. до н. э. по XII в. н. э., были обнаружены в Матхуре, Таксиле (Северо-запад Индии), в городах, расположенных в бассейне реки Ганга: Паталипутре, Раджгрихе, Наланде, Будх-Гайе, Сарнатхе, Бхитагаоне. Кирпичные постройки встречаются даже в Южной Индии, небогатой аллювиальными почвами (Чайтья в Тере и в Шолапуре V—VI вв.), где в общем преобладало деревянное зодчество. Обожженный кирпич широко использовался в строительстве плотин и резервуаров для воды. В этих случаях водонепроницаемым материалом служил битум. О строительстве подземных туннелей, облицованных кирпичом, узнаем из рассказов «Джатаки» (примерно первые века до н. э.). В одном из них описывается строительство огромного туннеля с примыкающими к нему подземными многочисленными помещениями. В строительстве было занято более 60 тыс. солдат. Стены туннеля были облицованы кирпичом и оштукатурены, в отдельных помещениях имелись стенные росписи.

В строительстве из кирпича индийские зодчие, наряду с обожженным кирпичом, широко пользовались сырцом. В условиях жаркого климата здания, выложенные из сырца, сравнительно со зданиями из обожженного кирпича, обеспечивают внутри большую прохладу. Процесс изготовления сырца значительно проще и дешевле. В Синде, в Мохенджо-Даро до настоящего времени строятся здания из обожженного кирпича, облицованные изнутри сырцом.

В общем, необходимо отметить, что в индийском зодчестве еще со времен цивилизации предпочтение в жилищном строительстве было отдано обожженному кирпичу, что объясняется главным образом сильной влажностью климата. Соображения экономии в затрате труда и материала, по-видимому, не играли большой роли. Хорошо обожженный и очень прочный кирпич неоднократно применялся в строительстве различных зданий и в течение многих веков оправдывал себя. Об этом свидетельствуют обнаруженные в Мохенджо-Даро целые

¹ Bhattacharya T. A Study on vastuvidya., p. 35.

штабеля уже использованного ранее кирпича и приготовленного для нового употребления, а также подтверждается раскопками в Наланде, где встречается кирпич, применявшийся при строительстве многих зданий, относящихся к различным эпохам. В результате такой практики не смогли сохраниться в оригинале многие древнейшие памятники архитектуры. Многократному употреблению одного и того же кирпича в различных целях способствовало применение в кирпичной кладке вяжущего раствора, приготовленного из местных речных наносов. Этот раствор не обладал достаточной силой сцепления, поэтому здания, сложенные из кирпича на этом растворе, легко разбирались и кирпич при этом не страдал и мог быть вновь использован. Известковый раствор в строительстве применялся лишь в редких случаях, иногда только в первых рядах кладки, а остальные выкладывались на илистом растворе. По-видимому, индийские строители считали нецелесообразным затрачивать такой ценный материал, как известняк, в качестве вяжущего вещества, тем более, что известняк употреблялся для широко практиковавшихся штукатурных работ.

Весьма примечательным в строительной практике является факт сохранения одних и тех же пропорций, а в некоторых случаях и размеров кирпича с времен древнейшей цивилизации Инда до средневековья. В текстах «Вишнудхарммоттарам» и «Агни самхита»¹ размеры и пропорции кирпича приводятся те же, что были обнаружены при раскопках в Хараппе. Соотношение сторон кирпича (обожженного и необожженного), как правило, соблюдается равным 4:2:1. Размеры кирпича, наиболее распространенные в Мохенджо-Даро и Хараппе, следующие: 28×13,3×5,7 см и 26×12,7×5,7 см. Крупный кирпич размерами 52×21,6×5,7 см предназначался для перекрытия канализационных коллекторов, оконных проемов и т. д. Для мощения полов обычно использовался более мелкий кирпич. Размеры необожженного кирпича, как правило, несколько крупнее обожженного.

Размеры кирпича, приведенные в текстах Шильпаратнам², 22,86×11,43×5,71 см; 45,72×22,86×11,43 см; 45,72×45,74×12,24 см; 45,72×45,72×22,86 см.

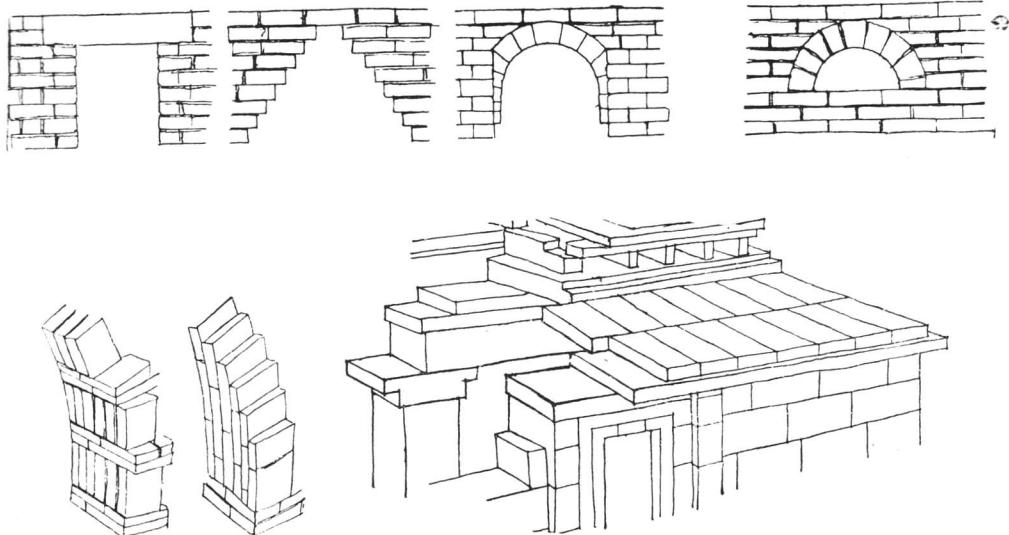
Размеры кирпича, примененного в постройках чайтья³: в Тере, V в. (Декан) 42,50×22,50×7,50 см, в храме в Бхитагаоне (в бассейне р. Ганга) VI в. 43,7×26,5×7,5 см. Полье или желобчатые кирпичи не встречаются. Клинообразные кирпичи применялись в устройстве колодцев, но нет следов применения клинообразных кирпичей в сводах и арках.

Арка с горизонтальным распором не имела места в древнем и средневековом зодчестве, начиная со времени цивилизации Инда и

¹ Bhattacharya T. A Study on vastuvidya., p. 94.

² Маккей Э. Древнейшая культура долины Инда. М., 1951.

³ Cunningham A. Archeological Survey of India. 1907—1908.

Конструкции в кирпиче и камне

каменная балка над проемом в кирпичном здании; ложная арка методом напуска рядов кирпичей или камней; кирпичные арки храма в Бхитаргаоне, V в. н. э.; кирпичные арки храма Будх Гайя, VII в. н. э.; покрытие из каменных плит

почти до XII в. По-видимому, индийские строители не доверяли этому способу перекрытия, по их выражению, «арка никогда не спит». Ложные арки и своды строились методом постепенного напуска горизонтальных рядов кладки.

Кладка велась различными способами. Часто применялась цепная перевязка швов, т. е. чередование тычков и ложков. Встречается кладка, где ряды тычков перемежаются с рядами,ложенными из тычков и ложков. Во всех случаях кирпич друг к другу пригонялся очень тщательно.

Формовка кирпича производилась в открытых формах того же самого типа, который распространен в Индии до настоящего времени. Формы наполнялись составом из местных речных наносов, а излишки или удалялись деревянной лопаткой.

Существовало несколько методов наложения декора в кирпичном сооружении:

1) метод формовки, когда рисунок орнамента воспроизводился вместе с самим кирпичом;

2) нанесение резьбы по кирпичной поверхности, независимо от швов, после того, как работы в кирпичной кладке были закончены;

3) нанесение декора перед обжигом, на сырце.

Широко применялся метод глубокого рельефа в терракоте и штукатурке. В постройках Мохенджо-Даро был обнаружен неизвестный состав, обладающий блестящей, очень прочной, похожей на глазурь поверхностью, покрывающей верхним слоем вымощенные кирпичом полы. Панели с терракотовыми плитами встречаются в постройках в Бхитагоне и в Махете.

Строительство в камне. Камень в качестве строительного материала употреблялся редко, главным образом в тех районах, где нельзя было добывать глины и дерева.

Хорошо известны монолитные каменные столбы, получившие широкое распространение в III в. до н. э. в качестве отдельно стоящих мемориальных столбов — стамбха. Монолитные столбы встречаются также в виде опоры для перекрытий во дворце Ашоки в Паталипурте, датированном III в. до н. э. И те и другие колонны отполированы до зеркального блеска. Подобное качество полировки встречается в стенах первых известных пещерных буддийских сооружений, и в каменных отдельно стоящих скульптурах, относящихся к III в. до н. э. Впоследствии эта техника полировки каменной поверхности была утрачена. Есть предположение, что она была занесена в Индию мастерами, приглашенными из Персии, с которой в тот период поддерживались тесные связи.

Имеются сведения об использовании камня в форме булыг для фундаментов зданий. Строительство в кладке из тесаного камня в Индии началось сравнительно поздно (в северо-западных районах Индии с I в. н. э., в центральных районах — около V в., а на крайнем юге — с VII в.) и при этом, как правило, ограничивалось культовыми сооружениями.

Специфическим видом каменного строительства в период древности и средневековья были сооружения, высеченные в скалах, известные в Индии с III в. до н. э. и продолжавшие создаваться вплоть до начала X в. В результате каких обстоятельств возникло в Индии скальное строительство, была ли эта практика занесена извне, или появилась независимо от каких-либо веяний, пока что не установлено. Скальные сооружения были еще известны задолго до этого в Древнем Египте в XVI в. до н. э., в Малой Азии в VIII—V вв. до н. э. и других странах. Позднее скальное строительство развивалось в Китае. В индийском скальном зодчестве различаются два типа сооружений: пещерный, когда в скалах высекался только интерьер и обрабатывалась фасадная плоскость со стороны входа, и монолитный вид сооружения, при котором в монолите скалы вместе с интерьером со-

здавались наружные архитектурные формы. Скальные гробницы Малой Азии при всем разнообразии форм нередко представляли лишь один фасад, высеченный в скале, не имея за ним каких-либо помещений.

Индийские монолитные скальные сооружения VII—VIII вв., приближающиеся по методу обработки и по другим качествам скорее к скульптурным произведениям, представляют уникальные примеры в истории мирового зодчества.

Скальная техника заключалась в следующем: сооружения различного типа высекались в монолите скалы скульптурным методом. Скалы сначала придавали отвесную поверхность, затем на ней намечали сетку квадратов из горизонтальных и вертикальных линий со стороной квадрата не больше 60 см. После того как на фасадной плоскости были намечены контуры проемов и столбов и было вынуто из скалы достаточное количество излишнего материала, начиналась работа над интерьером и детальная обработка столбов в тех случаях, когда они имелись.

При сооружении монолитных храмов, высеченных целиком из массива скалы, соблюдалась несколько иная последовательность работ, чем при пещерном строительстве.

Огромные каменные глыбы при помощи скульптурной, по сути, обработки были обращены в архитектурные произведения. Лонгхерст описывает их таким образом: «Избранная глыба скалы первоначально уменьшалась до необходимых размеров. Работы начинались сверху, для грубой ориентировки положения горизонталей и вертикалей в скале делаются углубления и ступени. Положение перпендикулярных друг другу линий намечалось в форме маленьких квадратных отверстий, высеченных в правильных промежутках вдоль углублений. В эти углубления заколачивались деревянные рейки, которые служили для поддержания подмостей и крепления веревочных лестниц»¹.

Ранние памятники индийского скального зодчества расположены в Барабарских холмах долины Ганг, в Аджанте, Бхадже, Бедсе, Карли, Насике, Гунтупале, Сангхараме. Наиболее значительные раннесредневековые памятники расположены в Багхе (Мадхия Бхарат), в Удайгири (Бхилса, штат Бхопал), в Аджанте, Эллоре, Бадами, на острове Эlefанта, в Ундавали, в Бхайраваконде, Тиручираппалли, Махабалипураме и других местах.

При всех своих отличительных свойствах памятники скального строительства, возникшие в различных странах и в разное время имеют общее ценное для исследователей качество. Выполненные в наиболее прочном естественном материале, они прекрасно сохранились без каких-либо последующих дополнений, изменений, переделок и реставраций.

¹ Longhurst. Pallava architecture M.A.S. of India, № 33.

При недостаточности уцелевших памятников гражданского строительства в Индии от древности и средневековья скальные сооружения приобретают особую ценность. В скале навечно запечатлены с документальной точностью конструктивно-строительные и декоративные формы, выработанные в строительстве в таких недолговечных материалах, как дерево, бамбук, кирпич, глина и другие.

Строительство с применением каменной кладки. Имеются довольно ранние примеры использования кладки из необработанных камней в виде булыг и щебня, главным образом в фундаментах зданий. Среди древнейших городов цивилизации Инда известны два больших поселения, защищенных массивными каменными укреплениями¹. Укрепление состоит из двойного ряда стен, сложенных из необработанных глыб и из грубо обтесанных каменных блоков размерами 60×30×30 см. Нижние этажи зданий, стоящих внутри цитадели, построены в камне, а верхняя несохранившаяся часть была, вероятно, сложена из сырцового кирпича или из тростника, обмазанного глиной, поскольку во внутренних помещениях не было обнаружено камней, которые можно было бы счесть за последствие обвала.

Второй пример применения камня в древности относится примерно к VI в. до н. э.— это остатки циклопической каменной кладки стен древнейшего города Раджагриха (в бассейне Ганга)². Стена сооружена из грубо отесанных, тщательно пригнанных и связанных друг с другом штырями камней циклопических размеров (от 90 см до 1,5 м) и отличается большой прочностью. В стене между двумя вертикальными рядами циклопической кладки имеется заполнение из более мелких камней. Следов связующего раствора не было обнаружено. Единственным соединением служили металлические штыри. Каменная кладка стены поднималась на 3,5 м, а над ней, по-видимому, возвышалась стена из смешанной кладки камня и кирпича, или из дерева и кирпича.

Известны случаи применения камня в жилищном и крепостном строительстве поселений Таксилы, начиная со II в. до н. э.³. В Бхирманде для фундамента и первых этажей зданий использовалась бутовая кладка из местных пород камня известняка и канджура. Это была грубая беспорядочная кладка с применением щебня. Каменные стены протяженностью около 5,5 км были воздвигнуты, возможно, бактрийскими греками во II в. до н. э. вокруг своего нового поселения Сиркапа. Толщина стен варьировалась от 4,5 до 6,5 м, а высота, по-видимому, достигала 6—9 м. Усовершенствование в обработке и кладке из камня в постройках Таксилы замечается лишь с первой половины

¹ Маккей Э. Древнейшая культура долины Инда. М., 1951.

² Brown P. Indian architecture, vol. 1, p. 5.

³ Magchall S. Taxila, vol. 2; Ильин Г. Ф. Древнеиндийский город Таксила. М., 1958.

Мамаллапурам. Неоконченная скальная мантапам-терраса, VII в. н. э.

I в. н. э. За это время сменилось несколько завоевателей города и не исключено, что вместе с ними были завезены в Таксилу чужеземные мастера-каменщики. Появилась «узорчатая» кладка, в которой сочетались крупные, частично отесанные камни с мелкой щебенкой.

Во II в. н. э. происходит дальнейшее совершенствование кладки, ставшей значительно более прочной, с применением хорошо отесанных камней, уложенных правильными рядами.

Широкое применение кладки из тесаного камня началось по существу в период раннего средневековья. С этих пор открывается новая эра индийского монументального зодчества. Тесаный камень, требующий для своей обработки большой квалификации и значительной затраты времени и труда, стал применяться только в уникальных постройках Индии — использовался почти исключительно вплоть до XIII в. лишь

в храмовом зодчестве. И даже в случае строительства одного здания нередко использовалась смешанная кладка из различных пород камня и камня с кирпичом. Подобная строительная практика была особенно характерна для Южной Индии. Сочетание разнообразных материалов вызывалось соображениями целесообразного распределения веса в верхних частях, добавления прочности в нижних несущих, а также необходимостью облегчения и удешевления процесса строительных работ.

Храмы V—VII вв. строились главным образом из мягких пород камня, преимущественно из известняка желтоватого и сероватого цвета. На юге Индии применялся песчаник и гранит, причем при выборе строительного материала учитывались местные условия и соответственно им принимались решения. Так, например, для Прибрежного храма в Махабалипураме, стоящем на самом берегу моря, в условиях сильного выветривания и влажности, строительным материалом был избран гранит, а для храма Кайласанатха в Канчилипураме, расположенного вдали от моря,— песчаник и кирпич.

Добыча строительного камня производилась в карьерах. Там же подвергались первоначальной обработке квадры, монолитные столбы. Дальнейшая обработка производилась на строительной площадке. Такой метод строительства обеспечивал экономию в транспортировке материала.

Каменные блоки соединялись между собой на строительной площадке при помощи заранее намоченных деревянных клиньев, которые забивались в просверленные в блоках отверстия или же при помощи металлических штырей. Каменные блоки обрабатывались молотками, затем выравнивались и шлифовались другими инструментами. Скульптура также обрабатывалась в каменоломнях и соединялась с остальными частями здания на месте, поэтому не всегда она была точно рассчитана для того места, в которое она была предназначена. Об этом свидетельствуют обнаруженные швы в отдельных скульптурных фрагментах.

Такой метод строительных работ позволяет предполагать, что осуществлялись здания по проекту, в котором были определены все его размеры. Возможно, были распространены заранее изготовленные модели зданий, так, например, в одном из литературных произведений упоминается, что архитектор Шурадева изготовил модель и показал ее своему заказчику в Паталипурте¹.

Каменное зодчество развивалось под сильным и постоянным влиянием конструктивно-строительных приемов и архитектурных форм, сложившихся в строительстве из дерева, кирпича, глины и других ма-

¹ Brown P. Indian architecture, vol. 1, p. 13.

териалов. Сознательная, очень упорная имитация форм, сложившихся в недолговечных материалах, достигла крайнего предела в скальных сооружениях, где высекались ненужные балки и прогоны, воспроизводились головки гвоздей, и даже в отдельных случаях к своду, высеченному в скале, подвешивались для полной иллюзии деревянные стропила. Строители не проявляли намерения выявить качества нового для них материала камня и продолжали воспроизводить в нем привычные старые формы, освященные традицией и религией. Имитация в камне деревянных форм продолжалась в монументальном храмовом зодчестве на юге Индии до XIX в., тем самым лишний раз подтверждая, что главным строительным материалом здесь оставалось дерево.

В Южной Индии широко применялись, даже в каменных сооружениях, деревянные колонны и столбы, чаще всего из тикового дерева. Встречались случаи, когда плоский каменный потолок был уложен по деревянным балкам, которые в свою очередь опирались на деревянные столбы. Возможно, что по мере того, как деревянные столбы приходили в ветхость, они заменялись в течение столетий каменными, вытесанными по форме старых деревянных столбов. Каменному блоку придавали форму тонкой деревянной стойки с большими выносными консолями, а в каменном перекрытии выводили ненужные прогоны, имитирующие деревянные.

В исключительных случаях в монументальных сооружениях применялись монолитные каменные блоки. Потолочные балки из камня, уподобленные деревянным балкам, создавались из монолитного каменного блока. Оригинальной являлась конструкция, применяемая в Майсуре до XIII в. и встречающаяся также в других районах Юга, когда длинные узкие монолитные каменные плиты перекрытия соединялись между собой по тому же принципу, по которому соединяется деревянный настил, уложенный в шпунт, т. е. одни плиты в месте шва имеют пазы, а другие — гребни (храм Ладкхана в Айхоли).

Медленно и постепенно индийские зодчие отказывались от слепого подражания деревянным формам и переходили к освоению каменных. Для этого потребовалось несколько столетий. И все же в более позднем строительстве с применением каменной кладки продолжали сохраняться старинные приемы и формы. Так, например, от деревянного зодчества перешла в каменное стоечно-балочная система, при которой междуэтажные и верхние перекрытия укладывались по вертикальным опорам — каменным столбам. На внешних каменных стенах нередко изображалась каркасная основа. В камне воспроизводились характерные для деревянной конструкции подбалки, кронштейны и подкосы. В камне продолжали выкладываться двускатные килевидные своды и ребристые купола по форме деревянных. Каменные

плиты верхнего перекрытия иногда соединялись, наподобие деревянного настила, вшпунт.

Пирамидально-ярусная композиция, характерная для деревянных многоэтажных зданий, перешла в формы шикхары (башенного верха над святилищем южноиндийского храма). Некоторые характерные конструктивно-строительные особенности были унаследованы в каменном строительстве от кирпичного еще со временем городской цивилизации Хараппы. Так, например, в каменной кладке также не применялся известковый раствор, вместо него употреблялся илистый (из местных наносов ила). Для соединения каменных блоков употреблялись металлические и деревянные штыри. В камне, так же как и в кирпиче (за редким исключением), не выводили арок и сводов, а создавали «ложные» путем напуска горизонтальных рядов кладки. Свод, таким образом, получался непропорционально высок по отношению к перекрываемому пролету; нередко свод маскировался подвесным деревянным плоским потолком, как это мы видим в кирпичном храме в Тере.

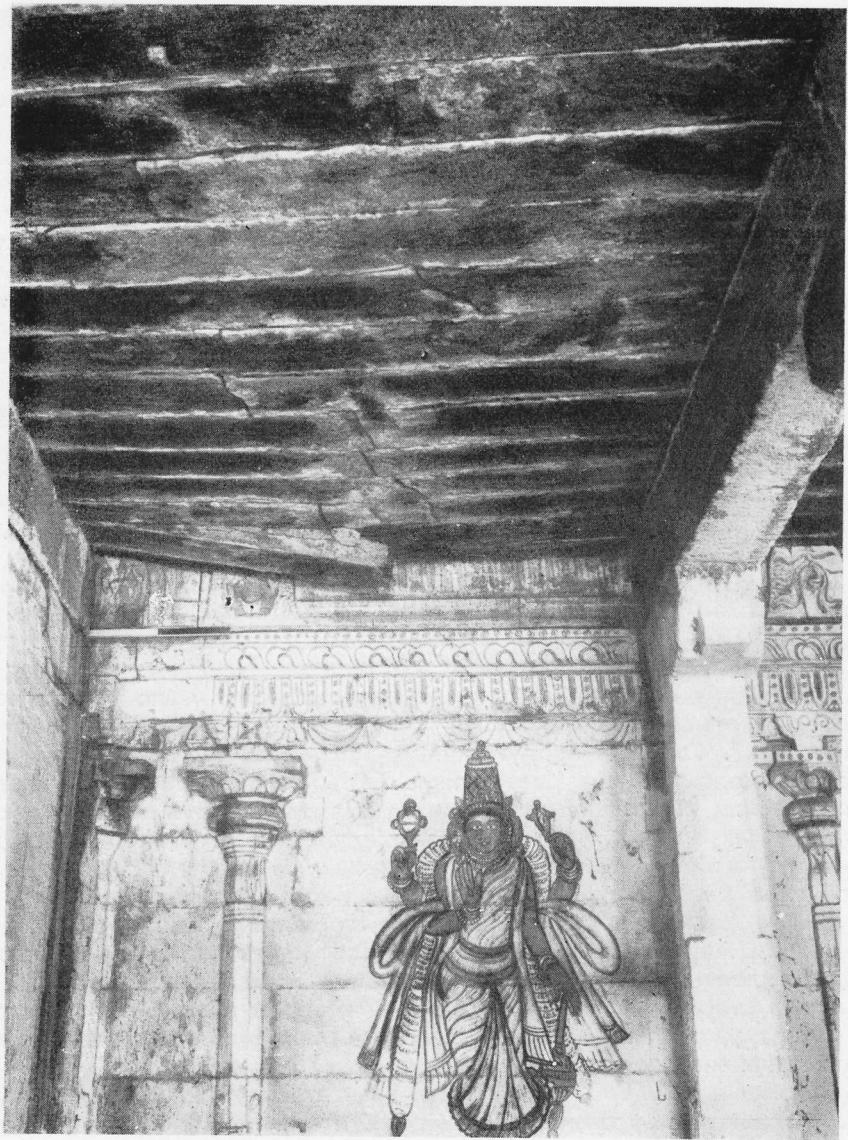
Фундаменты, цоколи, полы. В постройках городов древнейшей цивилизации Хараппы фундаменты под стенами зданий, как правило, возводились из сырца. В более ответственных случаях под все здание подводилась сплошная площадка из сырца.

Обычно в более поздних сооружениях фундаменты выводились не сплошными, а только под стенами и определенными опорами. Для фундамента на углах здания использовались более твердые и прочные породы материалов.

О фундаментах зданий раннего средневековья мало что известно. Интересно описание сооружения фундамента, приведенное в тексте «Манасара»¹. Глубина сооружения фундамента должна быть равна высоте цоколя. Со дна рва должна быть выкачана вода. Фундамент из камня или кирпича выкладывается в виде столбов на четырех основных углах здания. Промежутки между столбами заполняются тщательно утрамбованными слоями различных материалов: нижний земляной слой речного происхождения (из песка и глины); второй и третий слой — горного происхождения (из щебенки разных пород), сверху насыпается морской песок, затем опилки, и все эти слои заливаются жидким kleевым составом, приготовленным из коровьих рогов. Посыпанные сверху цветы лотоса и лилий и зерна восьми сортов пшеницы имеют уже символическое значение. Сложная подготовка фундамента заканчивается заливкой известковым раствором.

Формы и размеры фундамента зависят от этажности здания. Глубина должна быть равной его ширине или меньше ее на $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{5}$ или $\frac{1}{4}$. Ширина заложения фундаментов равняется ширине главного стол-

¹ Acharya P. K. Manasara, p. 110—121.

Дарасурам. Потолок из каменных плит в храме, XI в. н. э.

ба здания или меньше на $\frac{1}{8}$ или должна составлять $\frac{3}{4}$ его ширины. Толщина основания бассейна должна быть равной человеческой ладони.

В монументальных зданиях фундаменты под стены выкладывались из кирпича, в более скромных постройках обычно выводились цоколи из булыг или щебенки, на которых сооружались сырцовые стены, причем между цоколем и сырцовой кладкой помещались деревянные прокладки. Таковы были указания «Манасара» по устройству фундаментов. Узорчатые полы в жилых домах Индии, как правило, отсутствуют, так как они обычно устилаются циновками. В крестьянских жилищах, как правило, полы глинобитные или хорошо утрамбованные земляные, смазанные коровьим пометом. В домах зажиточных людей очень часто применялась выстилка пола кирпичом, главным образом в ванных комнатах и внутренних дворах.

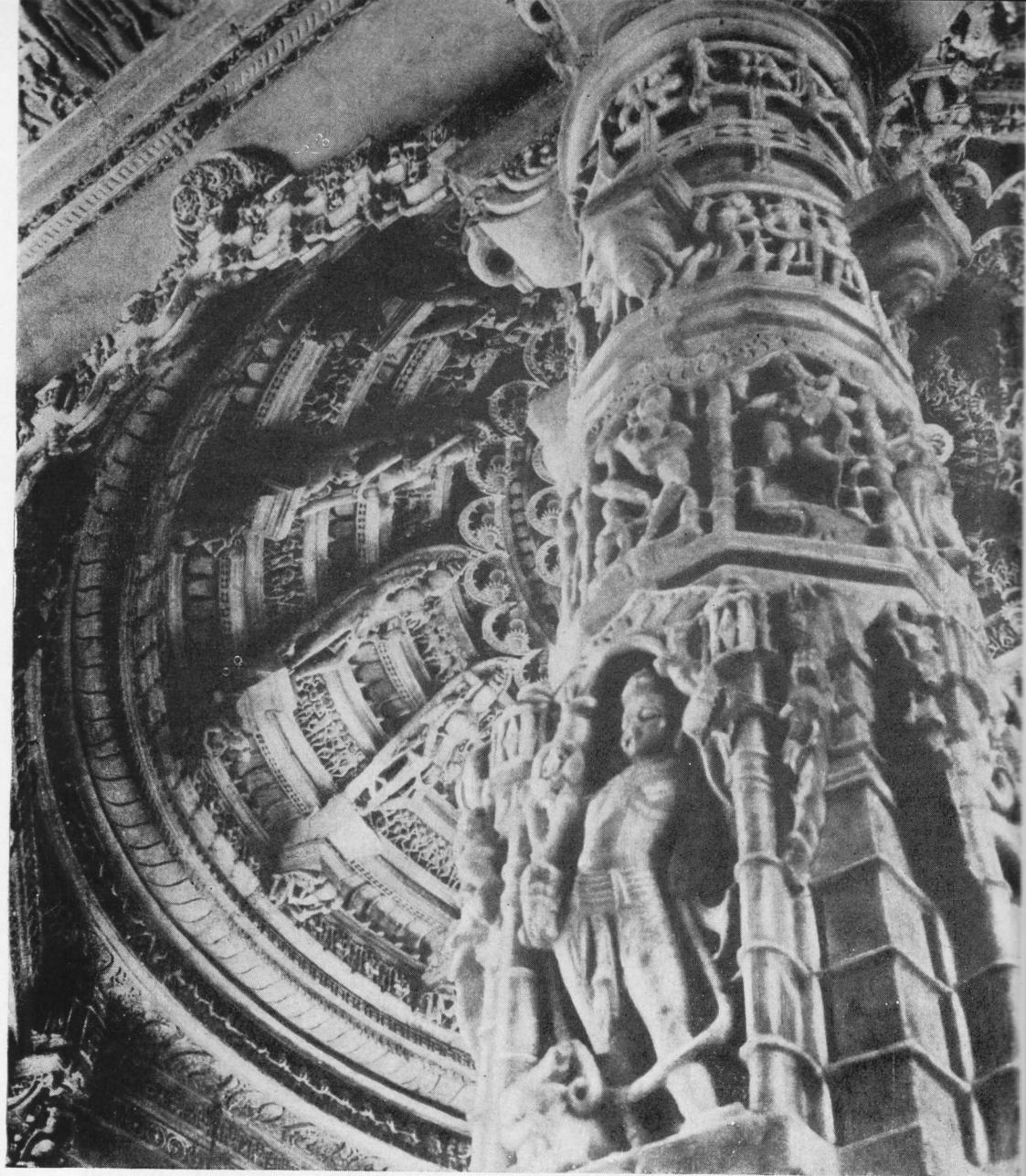
Полы чаще всего находились на уровне цоколя. Сравнительно высоко приподнятый от земли цоколь является характерной чертой как культовых, так и гражданских зданий. Особенной высотой отличается цоколь в зданиях, расположенных в районах, подвергающихся частым наводнениям. Наличие высокого цоколя в индийских сооружениях объясняется главным образом условиями влажного климата страны и необходимостью защищаться от насекомых и ползучих животных.

В древнеиндийских текстах большое внимание уделяется архитектурной разработке цоколя и приводятся десятки различных вариантов. Среди многих употребляемых для цоколя терминов наибольшее распространение получили два: адхистана и питха. Подцокольная часть, придающая большую высотность зданию, называется уапитха.

Применение штукатурки. Оштукатуривание зданий ведет свои традиции от построек древнейшей цивилизации Инда и не прекращалось с тех пор. Следы штукатурки несколько пожелтевшего и темно-красного цвета терракоты были обнаружены во многих жилых постройках в Мохенджо-Даро и других городах XXX—XV вв. до н. э.

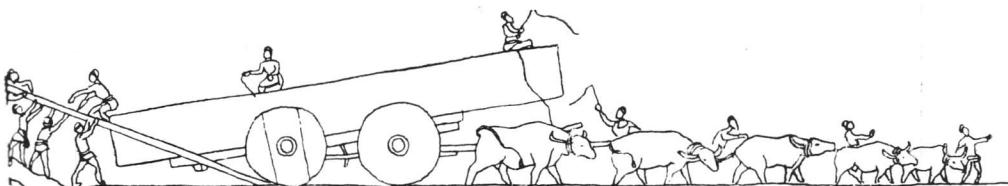
Во многих древнеиндийских текстах¹ говорится о применении штукатурки в постройках различного назначения. Дом, покрытый белой штукатуркой, называемый саудха, был излюбленным для индийцев типом здания. Одной из причин широкого применения штукатурки в строительстве, возможно, была необходимость скрыть различия в фактуре разнородных материалов, часто сочетаемых в постройках. Другой не менее важной причиной могло быть стремление предохранить здания от жары и влажности воздуха. В крестьянских жилищах так же, как и в домах Таксилы, штукатурку заменял толстый

¹ Крамрич С. The Hindu Temple, vol. 1. Calcutta, 1946, pp. 121—125.

Дильвара. Интерьер храма Адинатха. Тончайшая резьба в мраморе, характерная для сооружений Раджастхана XI—XII вв.

бс Новод.

Транспортировка монолитных каменных блоков

слой глины, смешанный с рубленой соломой; стены покрывались обмазкой изнутри и снаружи и чаще всего белелись.

Штукатуркой покрывали не только глинобитные или кирпичные здания, но и здания, сооруженные в камне. Ее следы находят на монолитных, высеченных из скалы сооружениях Махабалипурама и Эллоры. По-видимому, индийские зодчие при этом руководствовались теми же соображениями, что и античные греки, которые покрывали мрамор тонким слоем штукатурки и окрашивали его. Штукатурка, применявшаяся индийскими строителями, была особого состава, отличалась блестящей полированной поверхностью и необыкновенной прочностью и называлась ваджралепа (бриллиантовая).

Фа-Сянь, китайский путешественник V в., видавший в своей стране прекрасные образцы подобной работы, был поражен качеством оштукатуренных стен. Состав штукатурки в целом не был установлен, известны лишь отдельные составные части. В нее входил порошок, приготовленный из тертых ракушек — судаксила и клеевой раствор из животных и растительных веществ, каучуковых деревьев и из рогов и копыт животных. Приготовление раствора штукатурки занимало от двух до четырех месяцев, в течение которых все составные части по несколько раз очень тщательно перемешивались, после чего они приобретали цвет слоновой кости. Сверкая белизной, блестящая, как стекло или эмаль, поверхность сооружений могла создавать впечатление богатства и великолепия. С белизной у индуев, кроме того, связано представление о чистоте и святости.

В оштукатуренных зданиях скульптурные работы производились вначале вчерне в камне, а затем более тщательно повторялись в штукатурке, причем отдельные декоративные детали, отличающиеся особым тонкостью, выполнялись только в толстом слое штукатурки.

Основы градостроительной культуры раннего средневековья

труктуру и архитектурный облик городов, существовавших в период раннего средневековья, и развитие градостроительства в это время трудно представить по немногим уцелевшим фрагментам поселений и письменным свидетельствам современников. Индийские исследователи считают, что определенные планировочно-структурные принципы, характерные для городов древнейшей культуры Хараппы¹, сохранили свое значение для градостроительства не только раннего средневековья, но и более позднего периода. В доказательство этого положения обычно приводят планировку города Джайпуря, заложенного в XVIII в. по образцу Айодхии — древней столицы государства Магадха, а также целый ряд теоретических положений по градостроительству, изложенных в древнеиндийских текстах, которыми продолжали руководствоваться средневековые строители.

Культура Хараппы² зародилась и выросла в бассейне великих рек Инда и Ганга. Обнаруженные в долине реки Инд идентичные два города Мохенджо-Даро и Хараппа, стоящие на расстоянии друг от друга 660 км, по уровню градостроительной культуры превосходили современные им известные поселения Древнего Востока. Прошло, по-видимому, не одно тысячелетие, прежде чем культура Хараппы достигла

¹ Культуру Хараппы до последних археологических открытий, предпринятых в 1950—1958 гг. в долине Ганга и Катхиаваре, было принято называть «Цивилизацией Инда».

² Маккей Э. Древнейшая культура долины Инда. М., 1951.

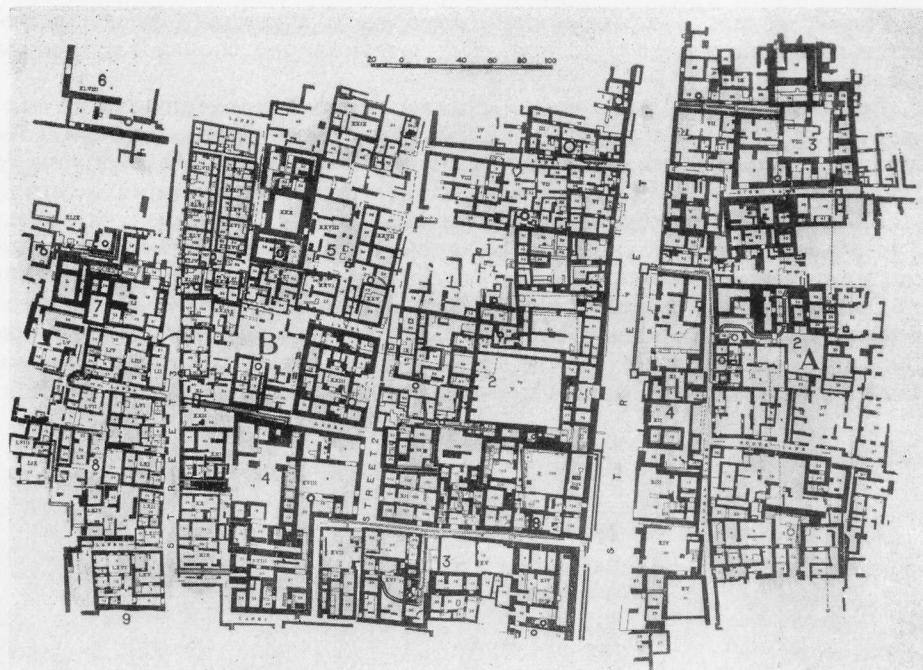
этой высокой стадии развития, на которой ее застали археологи между XXX—XV вв. до н. э. Государство Хараппы оставило на своей довольно обширной территории много однородных по характеру планировки, но различных по масштабу поселений — от крупного административного центра (какими были два города-близнеца — Мохенджо-Даро и Хараппа до небольшой деревни. Поселения обычно окружались стенами иногда в несколько рядов с укрепленными воротами, дозорными вышками. Большинству селений свойственна довольно регулярная внутренняя планировка и ориентирование главных улиц по странам света¹, применение в жилищном и крепостном строительстве хорошо обожженного очень прочного кирпича.

Поселения располагались, как правило, на берегах рек или поблизости от них. В результате сильных наводнений города Мохенджо-Даро и Хараппа несколько раз оставались жителями и вновь застраивались, причем каждый раз старая планировка сохранялась. Таким образом, в Мохенджо-Даро было обнаружено семь однотипных городов, погребенных друг над другом, а в Хараппе — шесть, в Лотхале — четыре. Города Мохенджо-Даро и Хараппа были застроены с самого начала по заранее установленной планировочной схеме, отвечающей их назначению крупных административных и торгово-ремесленных центров. Государство Хараппы вело, по-видимому, довольно оживленную торговлю с внешним миром. Каждый из городов разделялся широкими и прямыми улицами (ширина улиц доходила до 9—10 м) на крупные кварталы из блокированных домов. Над городом на искусственном холме возвышалась цитадель, укрепленная двойными стенами, мощными башнями и воротами. Внутри цитадели расположены крупные архитектурные комплексы, но их назначение до сих пор не установлено. Предполагают, что цитадель являлась одновременно административным и религиозным центром государственного значения, в котором были сосредоточены общественные и административные здания, учебные заведения и комплексы, необходимые для свершения культовых обрядов².

Обнаруженный в Мохенджо-Даро выложенный из кирпича водоем (размерами 11,9×7 м и глубиной 2,43 м), окруженный террасами и галереями с примыкающими к ним большими залами и целым рядом отдельных крошечных комнат, имеет большое сходство с обществен-

¹ Э. Маккей предполагает, что установившаяся ориентация улиц по странам света обусловлена в основном преобладанием северных и южных ветров: главный поток ветра, идущий по широким улицам, вытягивал застоявшийся воздух из пересекающих их под прямым углом более узких второстепенных улиц и переулков, которые таким образом получали отличную вентиляцию.

² Культовых построек в городах Хараппы пока не обнаружено. Подозревают, что таковые могли быть, например, в городе Мохенджо-Даро на месте ступа, построенного в III или IV в. н. э.

Мохенджо-Даро. План города, XXX—XX в. до н. э.

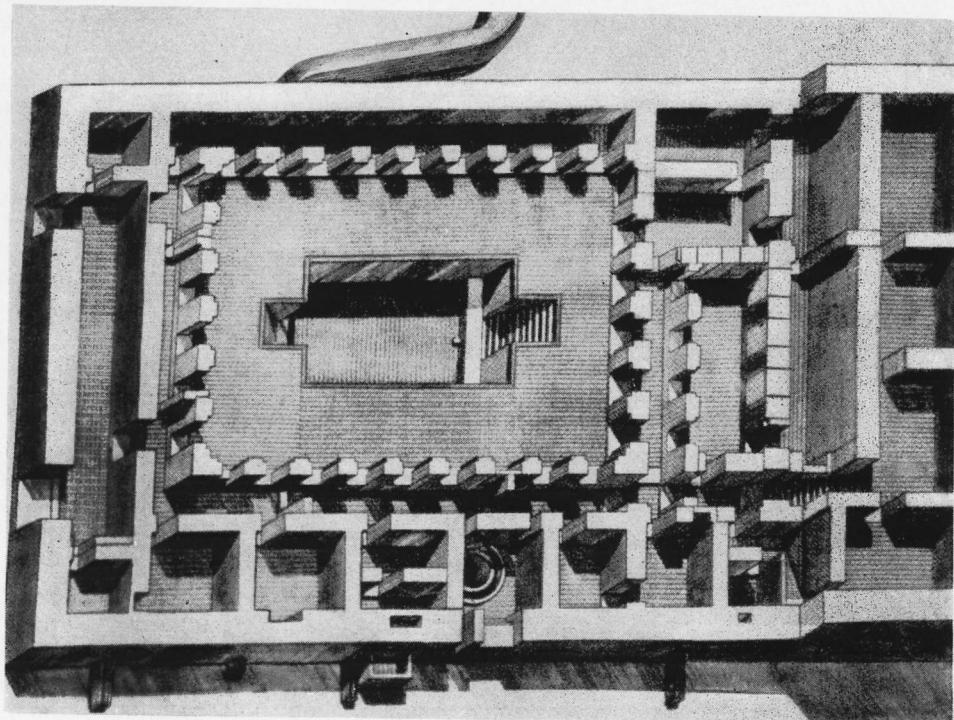
ными бассейнами при южноиндийских средневековых храмовых комплексах.

На территории обоих городов, раскинувшихся у подножия цитадели, были открыты крытые рынки, здания, похожие на харчевни и постоянные дворы, склады и ремесленные мастерские.

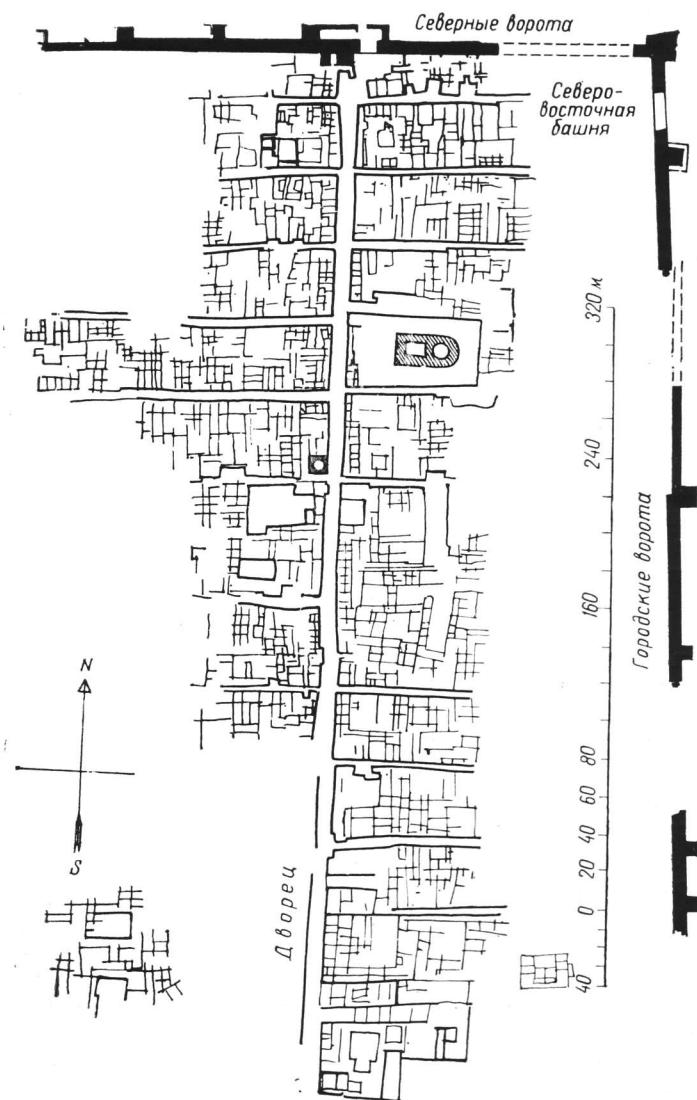
Жилые здания в городе различались по величине и благоустройству. Планировочная же структура жилья оставалась для всех примерно одинаковой; неотъемлемой ее чертой был внутренний открытый двор и расположение жилых помещений на втором и третьем этажах, которые очевидно нередко были деревянными и имели плоскую крышу, используемую в качестве террасы. Наряду с многокомнатным жильем были дома, похожие по типу на гостиницы, имелись более скромные и менее благоустроенные здания. Обращает внимание (предназначенный, видимо, для рабочих) квартал однородных жилых ячеек казарменного типа, находящийся рядом с огромным зернохранилищем и местом для обмолота зерна.

Таким образом, в планировке городов и жилища Хараппы выявляется существовавшее в то время социальное расслоение городского населения.

Распространение типизации и стандартизации строительства на территории Хараппы и обнаруживающийся при этом поразительный консерватизм в конструктивно-строительных и архитектурно-планировочных приемах и методах, сохранение на протяжении тысячелетия жесткой планировочной градостроительной схемы — все эти явления указывают на устойчивость социальной экономической структуры, наличие прочной централизованной государственной власти, а также хорошо разработанной системы административного управления страной. Кроме того, такому постоянству в типах и формах строительства также способствовало установление строгих канонов и правил, освященных религией. Однако, архитектура Хараппы в целом отличается от архитектуры древних теок-

Мохенджо-Даро. Общественный бассейн, XXX—XX в. до н. э.

Таксила. План поселения Сиркапа, 50 г. до н. э. — 150 г. н. э.

ратических государств Египта и Месопотамии — она по своему характеру более демократична.

В строительстве Хараппы не встречаются гробницы, храмы или царские чертоги, подавляющие человека своей грандиозностью, подобные тем, какие сооружались в других странах Древнего Востока. Городская цивилизация Хараппы впервые в истории мирового зодчества обеспечила большинству своих жителей сравнительно высокий (для своего времени) уровень благоустройства и комфорта. При раскопках было найдено много искусно сооруженных, выложенных кирпичом колодцев. Ванная комната и место для мусора являлись неотъемлемой принадлежностью почти каждого дома. Общегородская система канализации с магистральными каналами, отстойниками, стоками для отвода дождевых вод отличалась большой продуманностью и тщательностью исполнения.

Причины упадка и гибели цивилизации Хараппы неизвестны. Кроме стихийных бедствий, исследователи предполагают внешние вторжения более сильных кочевых племен, поселения деревенского типа которых находят в верхних слоях разрушенных городов Хараппы. Наиболее уцелевшим из городов с гражданскими постройками древнего периода является Таксила¹. Можно ли считать сохранившиеся поселения Таксилы одним из связующих звеньев в градостроительстве древности и средневековья Индии? На этот вопрос трудно ответить. Раскопки позволяют проследить историю Таксилы примерно с VI—V вв. до н. э. до V в. н. э., т. е. в тот период, когда Северо-Запад Индии подвергался вторжениям со стороны персов, греков, щаков (саки), парфян, кушан и, наконец, гуннов-эфталитов, разрушивших в V в. н. э. город почти до основания. Таксила, так же как и другой не менее важный город Матхура (к сожалению почти не сохранившийся), лежал на основной магистрали, которая проходила через Кашмир и Бактрию, связывая Северную Индию с Ираном и Средней Азией.

За все это время г. Таксила оставался важным экономическим, культурным и административным центром Северо-Западной Индии, коренное население которого составляли индийцы и основной уклад жизни и культуры оставался в основном индийским. В результате раскопок на месте Таксилы были обнаружены три укрепленных поселения городского типа, расположенных поблизости друг от друга: Бхирмаунд, Сиркап и Сирсукх, созданные в разное время между VI в. до н. э. и V в. н. э. Наиболее ранний из трех — Бхирмаунд, основанный, возможно, персами на месте древнеиндийского города, не обнаруживает каких-либо черт, свойственных индийскому градостроительству: город имеет

¹ Название, данное древними греками. Индийцы называли Таксила, а на санскрите Такшамила. См. в кн. Ильина Г. Ф. Древнеиндийский город Таксила. М., 1958.

хаотическую планировку, отсутствуют цитадель, культовые или общественные сооружения, сады, парки.

Бактрийские греки, завоевавшие этот район во II в. до н. э., построили рядом с Бхирмаундом новое поселение Сиркап, расположив его в удобном месте, защищенном с юга горами, а с севера рекой. Неизвестно, определилась ли прямоугольная сетка улиц Сиркапа под влиянием практики древнеиндийского градостроительства или эллинистического. В течение двух с половиной веков регулярная планировка Сиркапа не изменялась, несмотря на то, что он неоднократно разрушался и перестраивался. Город был окружен каменной стеной протяженностью около 5,5 км с высокими (толщина стен варьировалась от 4,5 до 6,5 м) башнями, имеющими бойницы. Единственные городские ворота со своей сложной системой укреплений представляли сами по себе миниатюрную крепость.

С середины I в. н. э. и до конца III в. Северо-Запад Индии и часть долины Ганга входили во владения могущественной Кушанской империи, распространившей свою власть на значительную часть территории Средней и Центральной Азии и Ирана и не уступавшей по своему величию и значению Римской, Парфянской и Ханьской империям. Кушаны создали на месте Таксилы новое поселение, называемое теперь Сирсукх. Город в плане был прямоугольным (со сторонами 1,3×1 км), окружен крепостными каменными стенами (толщиной около 6 м).

В городском ансамбле доминировали крупные монастырские комплексы, в которые входили культовые сооружения (ступа и чайтья), жилые и хозяйственные постройки. Со временем в условиях усилившейся в IV в. н. э. опасности для буддийского монашества со стороны как внешних, так и внутренних врагов монастыри стали больше походить на крепости. В 460 г. Таксила была опустошена эфталитами, и дальнейшая его судьба остается почти неизвестной.

От многочисленных городов и построек древности и раннего средневековья, упоминаемых в древнеиндийской литературе, сохранились остатки лишь немногих.

Крупнейшим торговым городом была Паталипутра, бывшая в IV—III вв. до н. э. столицей Маурьев, а IV—V вв. н. э.—столицей государства Гупт. В раскопках были обнаружены фундаменты городских стен и фрагментарные остатки дворца Ашоки от III в. до н. э.

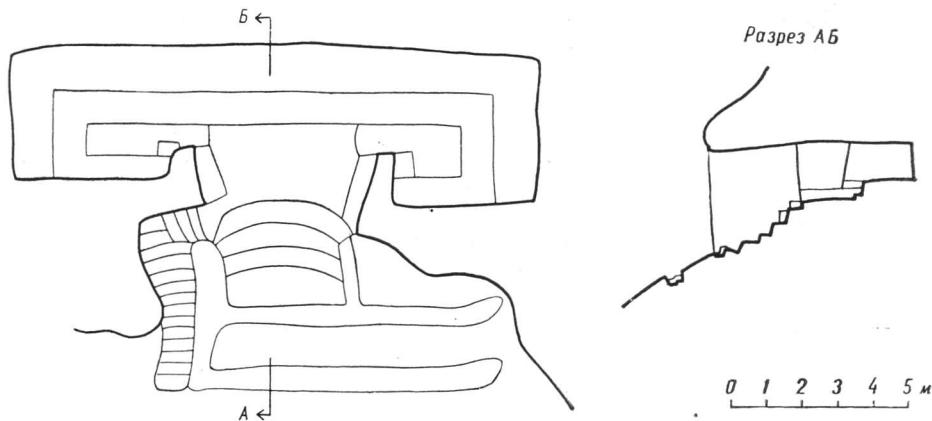
На пути, соединявшем Паталипутру с важным западным портом на побережье Аравийского моря—Бхригукачха (Броch), стояли древние города Уджаяни, бывший когда-то блестящей столицей государства Магадха, Санчи с уцелевшим в нем монастырским комплексом от I в. до н. э. и XII в. н. э., в котором прославились ступа № 1 III в. до н. э.—I в. н. э. и храм № 17 V в. н. э., Бхархут, в котором от известного ступа осталась лишь ограда с воротами, хранящимися теперь в Калькуттском

музее, Удайгири со скальными сооружениями брахманских храмов, Деогарх с одним из немногих уцелевших ранних брахманских храмов. Вблизи от этого торгового пути буддисты избрали в III в. до н. э. место для своих монастырей, высеченных в скалах Аджанты, Эллоры, Карли, Бхаджи, Насика, Канхери и других местах. К северной границе современного Непала вела дорога через города Шравасати и Вайшала, которые известны лишь по письменным источникам. Оживленным был речной путь по Гангу из Паталипутры и Варанаси (Бенарес), по которому суда направлялись в восточный порт Тамралипти (Тамлук), оттуда на Цейлон, в Египет и Рим.

Вдоль берегов Ганга и Джамны расположились важные торговые и культурные центры: Наланда, Сарнатх, Раджгриха, Варанаси. От города Раджгриха, бывшего в VI в. до н. э. столицей государства Магадха, сохранились лишь остатки циклопической кладки городских стен. В Наланде и Сарнатхе — крупных научно-религиозных центрах, еще процветавших в V—VII вв. н. э., — стоят в руинах огромные монастырские комплексы, сложенные из кирпича.

Большой интерес представляет уникальное сооружение театра, высеченное в III в. до н. э. в скалах Рамгарха (штат Мадхия Прадеш, Центральная Индия) довольно миниатюрного, всего на 60 зрителей. Стоит отметить, что театр по характеру планировки с двумя боковыми помещениями и двухступенчатым устройством мест для зрителей приближается к театрам, описанным в трактате Бхарата «Натияшастра», и это дает основание предполагать о создании в Индии подобных сооружений независимо от иноземных влияний. О драматических представлениях очень часто упоминается в древнеиндийской литературе на санскрите и пали (древнеиндийских языках). Обнаруженные у входа в театр фрагменты высеченных на скале надписей на диалекте пракрита раскрывают назначение театра не только как место драматических представлений, а также танцев и выступлений поэтов. Это довольно романтическое изречение звучит примерно так: «Поэты благородные по натуре и добрые сердцем, которые ... (далее надпись утрачена)... В праздник качелей во времена полнолуния, когда вокруг царят шутки и веселье, звучит музыка и люди, украшенные жасминовыми гирляндами...» (надпись обрывается). В другой надписи говорится о любви танцовщицы, выступавшей в этом театре, к художнику, расписавшему стены близлежащего к театру сооружения.

В этих редких древнеиндийских памятниках раскрываются мало известные стороны светской жизни народов Индии. В этом отношении большой интерес представляют памятники, сохранившиеся в Нагарджунаконде — столице небольшого государства Икшваку, расположенной на слиянии рек Тунга и Бхадра, от III—IV вв. н. э. Вместе с остатками буддийского монастыря в столице были обнаружены уникальные

Рамгарх. План театра, высеченного в скалах, II в. до н. э.

для Индии сооружения открытого стадиона на семь тысяч зрителей с высеченными вокруг него в скалах галереями, крытого театра и искусственного озера, окруженного ступенчатыми скамьями для зрителей спортивных соревнований. Государство Икшваку, так же как и другие государства на юге Индии, вело широкую торговлю с Римом и могло заимствовать характерные для Древнего Рима типы спортивных и зрелищных сооружений.

Однако трудно более определенно сказать об этих очень интересных памятниках, открытых сравнительно недавно, во время строительства в 50-х годах нашего столетия гидроузла в этом районе. Насколько широко были распространены в Древней Индии подобные сооружения, пока что невозможно ответить на этот вопрос, к сожалению, Индия остается еще недостаточно исследованной, и главное внимание ученых чаще всего сосредоточивалось на культовых памятниках.

К созданным в период раннего средневековья городам принадлежит Мамаллапурам. Трудно вообразить на месте современной деревушки, где среди скал и песчаных дюн едва выделяются скальные сооружения и стройные башни Прибрежного храма, большой портовый город, бывший в VII—VIII вв. важным центром могущественного влияния индийской культуры на близлежащие страны Южной Азии.

Можно предположить, что город окружали оборонные стены с укрепленными воротами, дозорными вышками, похожими на те, которые изображены в рельефах Санчи. Возможно, здесь существовали прямые, как стрелы, улицы, ориентированные, подобно улицам в го-

родах Хараппы, по странам света, разделявшие город на кварталы, в которых люди селились согласно своего социального положения, сословно-кастовой принадлежности и профессиональным занятиям. Если следовать свидетельствам древнеиндийских письменных источников, большой портовый город, каким был Мамаллапурам, должен был иметь крытые рынки, склады, постоянные дворы, здания типа гостиниц, игорные и публичные дома, спортивные и зрелищные сооружения и целые кварталы для портовых рабочих, грузчиков, слуг и других неимущих, бесправных людей, вынужденных трудиться и обслуживать представителей высших сословий.

Ничего не осталось от гражданских построек Мамаллапурама, кроме груды щебня и кирпича, каменного трона с изваянием льва — символа Паллавской власти, стертых от времени нескольких каменных ступеней, обнаруженных на месте возвышавшейся над городом цитадели паллавских царей.

Следы обширной системы каналов и бассейнов, охватывавшей всю территорию города, находят в Мамаллапурме, бывшем не только крупным портом, а также служившим своего рода морским «курортом». Зная изысканность придворного быта и следуя описаниям очевидцев, можно представить здесь искусно разбитые в былое время сады и парки со струящимися фонтанами, бассейнами, окружающие дворцы с многочисленными и разнообразными по формам легкими и нарядными павильонами и галереями, беседками, подобными тем, какие можно видеть в росписях Аджанты. С дворцовых террас на восток открывалась безбрежная даль морских просторов с подплывающими к городу суднами из далеких и близких стран: Китая и Византии, с островов Суматра, Цейлон, Ява. А внизу у подножья утеса на торговой площади и улицах можно было наблюдать кипучую деятельность торгового и ремесленного люда.

С тех же дворцовых террас в сторону запада перед взором открывалась далекая перспектива на плодородные долины, покрытые густой сетью оросительных каналов, плотин и мостов, широкие мощенные дороги и поблескивавшие воды сооруженных в это время огромного искусственного озера и канала, по которому в столицу Паллавов следовали иностранные корабли, груженные товарами, а вместе с ними рыбакские простые лодки и увеселительные шхуны и яхты.

Дороги и каналы вели не только в столицу, но и в другие города. В праздничные дни, видимо, большие толпы людей двигались в направлении бывшей столицы Икшваку—Нагарджунаконду, где в выстроенном еще в IV в. н. э. грандиозном стадионе собирались тысячи зрителей спортивных соревнований, массовых танцев, драматических представлений, о которых известно из древнеиндийского трактата по театрально-му искусству «Натияшастра».

Сохранившиеся лишь в камне памятники Мамаллапурама представляют небольшую часть многочисленных сооружений этого большого делового и культурного центра VII—VIII вв. н. э.

Важным источником познания индийского градостроительства являются дошедшие до нас многочисленные древнеиндийские тексты «Шильпашастра». При всей исключительной их ценности тексты, к сожалению, как уже отмечалось, страдают существенным недостатком. В большинстве случаев трудно установить дату и место их возникновения и тем самым почти невозможно определить по ним какие-либо исторические этапы развития индийского градостроительства.

Индийские ученые предполагают, что основы «Шильпашастры» были заложены в то время, когда складывалась градостроительная культура Хараппы. Так это или нет,— вопрос, требующий специального исследования. Даже при самом поверхностном сопоставлении археологических данных по цивилизации Хараппы и отдельных теоретических положений, изложенных в руководствах по строительству, «Шильпашастра», обнаруживаются общие связывающие эти источники черты.

Общность в характере форм расселения, проявляющаяся в культуре Хараппы¹ и в теоретических работах, дошедших до нас от древности, могла быть обусловлена тем, что основу экономики страны всегда составлял один и тот же способ производства — оседлое земледелие.

Могла лишь временно прийти в упадок строительная техника в связи с общим упадком культуры Хараппы, вызванным по всей вероятности обострением классовых конфликтов, нашествием варварских племен и в дополнение ко всему рядом стихийных бедствий. До образования крупных рабовладельческих государств после падения Хараппы, когда еще не было налажено хозяйство и замерла внешняя торговля, не могло быть мощных городских центров, а деревня была основным видом поселения.

Различные виды и типы населенных пунктов, известные в культуре Хараппы и в классификации городов и селений по «Шильпашастре», судя по всему, должны были входить в одну административную централизованную систему. Будь то деревня, торговый порт или фортификационный пункт — все они находились в политической зависимости от города, в котором был сосредоточен управленический аппарат. Даже те ранние города, образовавшиеся в местах, благоприятных для внешней торговли, не смогли отделиться и превратиться в самостоятельные политические единицы. Древняя Индия, по-видимому, не знала городов наподобие греческих полисов. За исключением крупных религиозных и торговых центров и портов индийские города в своем большинстве

¹ Многие особенности культуры Хараппы не могут быть раскрыты из-за того, что шрифт найденной клинописи до настоящего времени еще не был расшифрован.

развивались не только в период древности, но и средневековья не на базе отделения ремесла и торговли от сельского хозяйства, а как административные центры с укрепленными резиденциями правителей и крупных чиновников. Если правитель терпел неудачи или поражения в часто возникших междуусобных войнах и был вынужден покинуть свою резиденцию, город, не имеющий своей самостоятельной экономической базы, быстро прекращал свое существование. Индийские правители предпочитали, как правило, не оставаться в унаследованных от предшественников резиденциях, а строить для себя на новом месте новые дворцы, не заботясь о реставрации или перестройке старых зданий. Вокруг новой царской или княжеской резиденции возникал нередко целый город, сооружения которого отвечали новым вкусам и требованиям.

Столицы государств (а их в Индии всегда оставалось великое множество, политическая раздробленность — наиболее характерное состояние для Индии) часто менялись и переносились. Так, например, столицы государства Магадха переносились в течение 300 лет не менее 7—8 раз (существуют и другие, более поздние примеры — Дели, вокруг которого во времена мусульманского владычества выросло 7 городов-резиденций различных правителей, или Гвалиора с примыкающими к нему городами Багха и Лашкара).

В какой-то степени специфические условия градостроительства в Индии стимулировали развитие архитектуры, и не случайно этим вопросам уделялось большое внимание в древнеиндийских текстах. В предназначенному для правителей, например, известном политико-экономическом трактате «Артхашастра» (датируемом III в. до н. э.) в отдельных главах имеется довольно подробное изложение руководства по строительству городов, укрепленных пунктов, поселков, а также по системе административного деления¹.

Судя по этому трактату и другим свидетельствам, деревня, называемая грама², оставалась основным видом расселения.

Для защиты от военных нападений и диких зверей, так же как и в ранний период, строились различного рода укрепления в виде земляных валов и крепостных стен. Чаще всего укрепления сооружались вокруг нескольких деревень (их число иногда доходило до нескольких сотен). Правителю какого-либо княжества или государства рекомендовалось установить размеры деревни с населением из представителей шудра (четвертого сословия), занимающихся главным образом земледелием, не менее ста и не более пятисот семей с границами в одну или две кроши (3,5 км). Границы между селениями должны быть установлены естественными — по рекам, горам или лесам.

¹ Артхашастра. М., 1959, стр. 52—54, 57—61.

² Практически термин нередко распространяется на целую область.

На 800 селений полагалось создать крупный административный окружной центр, на 400 селений — районный центр, на 200 населенных пунктов — волостной центр, а объединенные 10 селений должны были иметь местный центр. По границам территории всего владения должны быть поставлены крепости и установлены сторожевые посты.

Город должен находиться посреди населенной, хорошо укрепленной по границам области и с одобрения зодчих он должен быть расположен у слияния рек, на берегу пруда или искусственного водоема. Питьевой водой снабжались из колодцев и специальных резервуаров даже в тех случаях, когда города располагались на берегах рек и водоемов, что, по-видимому, объясняется соображениями гигиенического порядка.

Город должен быть окружен наполненными водой рвами, каждый шириной 20 м, а также хорошо утрамбованным (при помощи слонов) земляным валом высотой около 11 м, на котором должны быть воздвигнуты кирпичные стены толщиной от 3 м до 6 м и высотой от 6 м до 12 м. На определенных расстояниях друг от друга должны стоять сторожевые вышки, а между ними — надвратные двухъярусные башни, соединенные между собой балконами. В надвратной башне по тому же описанию «Артхашастра» должны находиться комнаты, большой зал, колодец, две веранды и верхний терем. Внутри, за укрепленными стенами должны быть расположены: склады для боеприпасов и продуктов, здание для женщин и детей, оросительные сооружения, рощи и культовые здания, отстоящие от других построек на 180 м. Стены должны иметь 12 ворот, ориентированных по странам света. К городу должен примыкать торговый поселок.

Для царской резиденции отводилось наилучшее место застройки, в котором она занимала $\frac{1}{9}$ часть. Главный фасад дворца обращался на восток или на север. К дворцу с северо-востока примыкали здания для жрецов, советников, для жертвоприношений, а с юго-востока — здания хранилищ, кухонь, слоновых столов и т. п. За пределами царской резиденции размещались торговые ряды, ремесленные мастерские, воинские склады, арсеналы, а в центре города — культовые здания и сокровищницы.

В «Артхашастра» так же как и в других текстах рекомендуется варьировать ширину городских улиц и дорог в зависимости от их значения; дороги отводились отдельно для пешеходов, для транспорта на слонах, для верблюжьих караванов, для повозок на лошадях и других животных. Для военных дорог и караванных путей ширина проезда устанавливалась равной 7,2 м, для дорог, ведущих к месту кремации, — 14,4 м.

Письменные источники подтверждают, что градостроительные предписания «Артхашастра» осуществлялись в жизни, так, например, извест-

но, что город Гиривриджа, бывший в 800 г. до н. э. столицей государства Магадха, опоясывался несколькими рядами стен. Внешний пояс стен, окружавший, по-видимому, город вместе с прилегающими селениями, был протяженностью около 50 км, имелось 64 въезда в город и 32 больших ворот, специально защищенных башнями, сложенными из булыжных камней.

Близкой по характеру к Гиривридже была Паталипутра, бывшая столицей Маурьев и Гупт, если судить по дошедшему до нас описанию Мегасфена — греческого посла при дворе Маурьев от 300 г. до н. э. Более или менее постоянное место для столицы Паталипутры определилось благодаря важному в стратегическом отношении расположению города у слияния рек Ганга и Сона. Глубокие рвы и мощные крепостные стены с сотнями дозорных вышек, с 64 входными воротами подъемными мостами окружали территорию города, почти прямоугольного в плане (периметр $14 \times 1,5$ км), вытянутого вдоль берега Ганга. Паталипутра отличалась прекрасной планировкой широких и прямых улиц, многочисленными зданиями типа гостиницы, имелись — постоянный двор, игорный дом, зал собраний ремесленников и купцов, спортивные и зрелищные сооружения, крытые рынки и базары. Большинство зданий было из дерева, некоторые из кирпича, но не было зданий, сложенных из камня. В центре города среди парка с декоративными деревьями и искусственными прудами возвышался царский деревянный дворец¹.

Городское управление следило за соблюдением правил по строительству, за водоснабжением, канализацией и общим санитарным состоянием города.

Прекрасным дополнением к письменным источникам служат изображения городов Капилавасту и Кусинагара на рельефах южных ворот ступа № 1 в Санчи (I в. н. э.). Оба города принадлежат к одному уставновившемуся типу крепостного города. Высокие стены завершены ступенчатыми зубцами наподобие зубцов, изображенных в ассирийских рельефах, имеют мощные угловые башни и ворота, фланкированные с обеих сторон почти квадратными в плане пилонами. Снаружи вокруг стен глубокие рвы, по-видимому, заполненные водой. Крепостной характер внешнего облика города нарушают расположенные на большой высоте от земли нависающие балконы, крытые веранды и галереи, соединяющие между собой угловые и надвратные башни, широкие арочные проемы и прилепившиеся на самом верху деревянные пристройки жилого вида.

В многочисленных текстах «Шильпашастра» рекомендуются различные планировочные схемы городов и поселков, причем, любое строительство рассматривается независимо от его масштаба — будь то

¹ Brown P. Indian architecture, vol. 1, p. 13.

строительство большого города или крошечной деревушки — как дело священное. В одинаковой степени должна быть заранее хорошо обдумана и установлена строго определенная схема, соответствующая характеру населенного пункта, с учетом местных условий и требований жителей, а также принимая во внимание принципы, заложенные в будущей планировке. Сообразно организации общественного и личного быта людей, их привычкам и обычаям каждая деревня или город имели один или несколько общественных центров, различных по своему характеру и назначению.

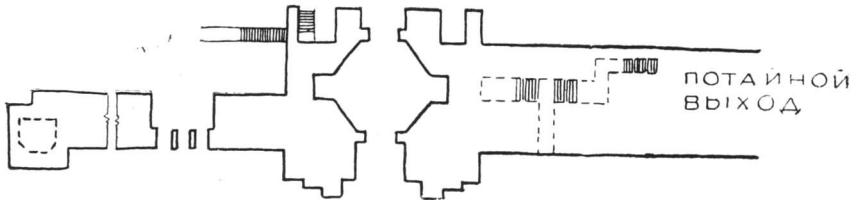
Планировочные схемы населенного городского или деревенского пункта, приведенные в «Шильпашастра», чаще всего сводятся в основном к регулярной планировке с главными улицами, ориентированными по странам света. Так, наиболее распространенная схема прямоугольного в плане города, состоящего из четырех кварталов, образуемых пересечением под прямым углом глазных улиц, ведущих к городским воротам, рекомендована легендарным архитектором Маха-Говинда в V в. до н. э. (имя этого архитектора впервые упоминается в летописях буддийского писателя Дхаммапала) и повторяет планировку городов Харрапы.

Наиболее уцелевший из строительных древнеиндийских текстов архитектурный трактат «Манасара»¹ имеет два раздела, посвященных руководству по строительству деревень и городов. Независимо от того, когда возник этот текст и дошел ли он до нас в первоначальном или переработанном виде, основные положения по градостроительству, по всей вероятности, сохранили свое значение для периода раннего средневековья.

В градостроительных главах трактата больше, чем в других его разделах, раскрывается характер социальной структуры индийского общества, его классовое и сословное расслоение и становится совершенно очевидной социально-классовая обусловленность образования тех или иных видов населенных мест и особенностей их архитектурно-планировочной композиции.

Жесткая регламентация по классовому, сословному и профессиональному принципу проводилась не только во внутренней планировке населенного пункта, а касалась формы расселения жителей в целом (т. е. в общегосударственном масштабе). Для представителей привилегированных слоев общества (высших каст или варн) предоставлялись лучшие участки в самом городе или поселке, отделенные парками и садами от других кварталов, в которых селились ремесленники и торговцы с их мастерскими и торговыми рядами и другой рабочий люд. Иногда создавались специальные поселения для представителей тех или иных варн, так, например, планировочные схемы типа «Дандака» и

¹ Achāguya R. K. Manasara, p. 63—98.

План входа в крепость. Рисунок по тексту «Манасара»

«Сарватобхадра» предназначались для браминов, тип «Кармука» — для представителей торгового класса — вайсия, тип «Чатурмукха» — для представителей варны шудры (город, населенный только шудрами, называется кхета), в которую входили рабочие, слуги.

Кроме того, расселение города или деревни производилось согласно профессиональным занятиям жителей. К дворцу примыкали резиденции министров и других высокопоставленных чиновников, служителей культа, особняки куртизанок, танцовщиц и полицейские участки. Ремесленники расселялись в отдаленных районах. Люди, занятые молочным хозяйством, располагались в квартале между восточным и юго-восточным направлениями; на территории, расположенной между югом и западом, селились люди, занятые в текстильном, портняжном и сапожном производстве. В районе между западом и северо-западом селились кузнецы, рыбаки, лесники. Лучший район между севером и северо-западом предназначался для архитекторов, врачей (вайдия), писарей (шринара) и людей других высококвалифицированных профессий. На окраине города или деревни разрешалось селиться людям, рожденным от смешанного брака (например, отца — брамина и матери, принадлежащей к касте вайсия). Худшие земли, обычно на южной стороне, отводились для представителей низших слоев общества. За пределами города селились неприкасаемые и сжигатели трупов.

Полученная в наследство от древности форма расселения по классово-сословному и профессиональному признаку получила дальнейшее развитие в период раннего средневековья, когда еще больше стало углубляться классовое расслоение индийского общества. Сохранившуюся до позднего средневековья систему внутреннего зонирования города, согласно кастовому и профессиональному принципу, можно проследить в Джайпуре, заложенном в начале XVIII в. Прямоугольный в плане город разделен главными улицами, ориентированными по странам света, на восемь кварталов. Самый крупный квартал в Джайпуре (примерно $\frac{1}{7}$ часть города) отведен под крепость и царскую резиденцию, в примыкающем к нему квартале селилась придворная знать, следующий

Гвалиор. Вход в крепость XVI в.

квартал служил жилым районом для привилегированных слоев общества, за ним расположены торговые ряды, ремесленные мастерские и жилые дома. Представители низших сословий (шудры) селились за пределами города, обнесенного крепостными стенами со сторожевыми башнями и воротами для въезда.

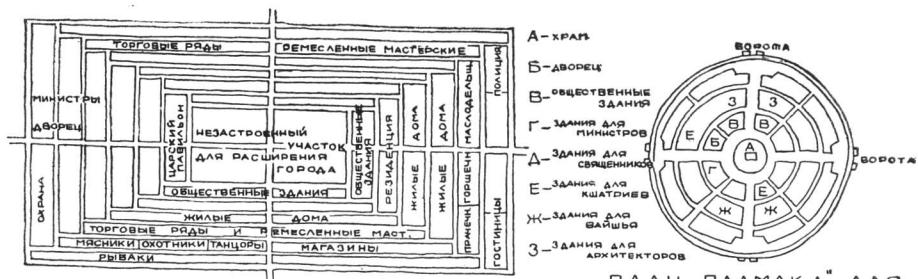
В градостроительстве Индии регламентировалось не только территориальное расселение жителей, согласно их социальному положению, но также этажность и высота зданий, общие размеры и даже строительные материалы, из которых сооружались жилые здания. Так, например, шудры (представители низших сословий) не могли воздвигать дома выше одного этажа и употреблять в строительстве камень, кирпич, а должны были довольствоваться применением глины, камыша, бамбука. Остальные жители должны были соблюдать в этажности жилых зданий определенную градацию соответственно с занимаемым положением.

«Манасара» классифицирует населенные места по их ведущему назначению, по составу населения и характеру планировочной структуры. Имеются в виду административные или торговые центры, порты, центры ремесла и торговли, деревни, населенные земледельцами, поселки для престарелых людей, крупные города, имеющие цитадель, совмещающие в себе многие функции и заселенные представителями различных сословий и каст, военные поселения, укрепленные пункты, имеющие стратегическое значение, перевалочные пункты, крепости и другие виды населенных мест.

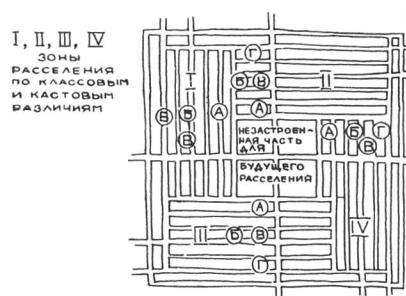
«Манасара» различает восемь видов деревень и восемь типов городов, причем вначале рассматриваются деревенские поселения и в тексте указывается, что планировочные принципы деревень остаются верными и для городов. Город отличается от деревни наличием укрепленного пункта — крепости, или специальных оборонных стен. Деревня, так же как и город, может быть населена торговцами, ремесленниками и иметь царскую или княжескую резиденцию, в этом случае она называется пурой, так как по численности населения и своему характеру приближается к городу. Рекомендуемые в «Манасара» планировочные схемы поселений сохраняют характерную черту: магистральные улицы пересекаются под прямым углом и ориентированы по странам света. Исключение составляют типы «Кармука» и «Падмака». Планировка «Кармука» предназначалась для торгового города, расположенного на водных путях и в зависимости от местных условий могла принимать различные формы, иногда приближающиеся к дугообразному очертанию¹.

«Падмака» в плане приближается к кругу, или многоугольнику с радиально-расходящимися от центра улицами. Необходимо отметить, что

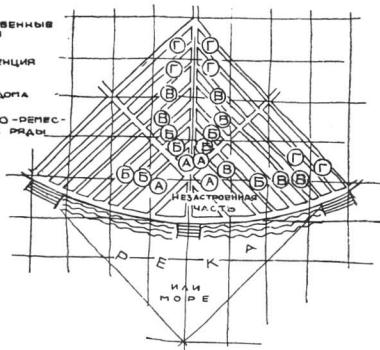
¹ В Южной Индии название Кармука закрепилось за торговым городом.

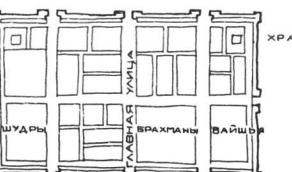
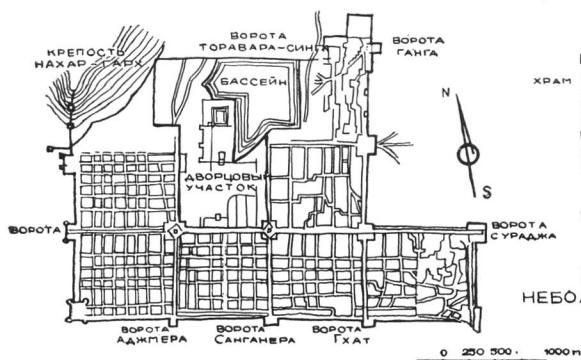
ПЛАН "НАНДИВАРТА"
ДЛЯ СТОЛИЧНОГО ГОРОДА

ПЛАН "СВАСТИКА"
ДЛЯ БОЛЬШОГО ГОРОДА

ПЛАН "КАРМУКА" ДЛЯ ПОРТА
ИЛИ ТОРГОВОГО ЦЕНТРА

ПЛАН "ДАНДАКА" ДЛЯ
НЕБОЛЬШОГО НАСЕЛЕННОГО ПУНКТА

ПЛАН ГОРОДА ДЖАЙПУРА • XVIII ВЕК.
ОСУЩЕСТВЛЕННОГО ПО ПЛАНУ ДРЕВНЕГО гор. Айодхия

Гланировочные схемы городов и поселений, рекомендуемые в древних текстах
Шильпашастра

радиально-кольцевая система в планах городов Индии не встречается, но, как видно, рекомендуется в теоретических работах.

Тип небольшого населенного пункта, подходящего для отдельной резиденции, или же для местожительства людей престарелого возраста, или людей, ищущих уединения¹, называется «Дандака». Для этого вида поселений рекомендуется прямоугольный план с наиболее распространенным соотношением сторон — 1 : 2. В таких пропорциях был выдержан древнейший город Дварха (X в. до н. э.), город Айодхия был более вытянут в длину, превышающую ширину в 4 раза.

Планировочная схема «Нандиварта» предназначалась для столицы. О численности населения подобного города можно судить по числу проживающих в нем браминов. Оно колебалось от 50 до 4 тыс. человек. Прямоугольный план поселения этого типа принципиально отличается от типа «Дандака». Если по последнему в центре поселения предполагалось сосредоточить ремесленные и торговые предприятия вместе с жильем, а на периферии разместить жилые резиденции и парки, то в городе типа «Нандиварта» создается обратная картина — вся деловая жизнь рассредоточивается по окраинам города, а к центру приближаются менее населенные кварталы с жилыми зданиями, резиденциями. Центральное же пространство города остается свободным от застройки и обычно занято садами и парками. В данном случае индийские зодчие исходили из практических соображений, учитывая, что небольшой населенный пункт типа «Дандака» лишен экономических предпосылок будущего расширения, в то время как в планировке крупного города типа «Нандиварта» такие возможности должны быть обязательно учтены, но так, чтобы жители терпели наименьшие недостатки и материальный ущерб.

Для преуспевания города считалось благоприятным его расширение в восточном или южном направлении.

Мало чем отличаются от типа «Нандиварта» планировочные схемы «Сарватобхадра» и «Свастика». Число участков, на которые делится территория, составляет в «Нандиварта» 81, в других — 64 или 49. Каждый участок выдержан в пропорциях 1 : 2. В селении типа «Свастика», предназначенном для правительственной резиденции, улицы должны образовать в плане форму мистического креста — свастики.

Во всех этих случаях рекомендуется культовые и общественные здания: храмы, гостиницы, игорные и публичные дома размещать не в центре, а по окраинам города.

«Манасара» приводит 8 типов укрепленных городов и 8 типов крепостей. Так, например, городской тип «Патана» рассчитан на крупный

¹ Браминам рекомендовалось по достижении определенного возраста покидать семью, занимаемое общественное положение, место и предаваться в уединении размышлению и молитвам.

портовый город, хорошо защищенный оборонными стенами и рвами, способный принять заморских купцов, имеющий большой торговый центр с крытыми рынками и складами для ценных товаров (как шелк, камфора), торговыми рядами, постоянными дворами и гостиницами и другими зданиями общественного назначения.

«Раджахания-нагара» — крупный столичный город с царской или императорской резиденцией, обязательно располагался на берегу реки или моря.

«Кевала-нагара» — обычный город без правительственные учреждений. Город окружен стенами с главными воротами, ориентированными по четырем странам света, с надвратными башнями — гопурам и сторожевыми будками. В городе много рынков, торговых рядов, храмов.

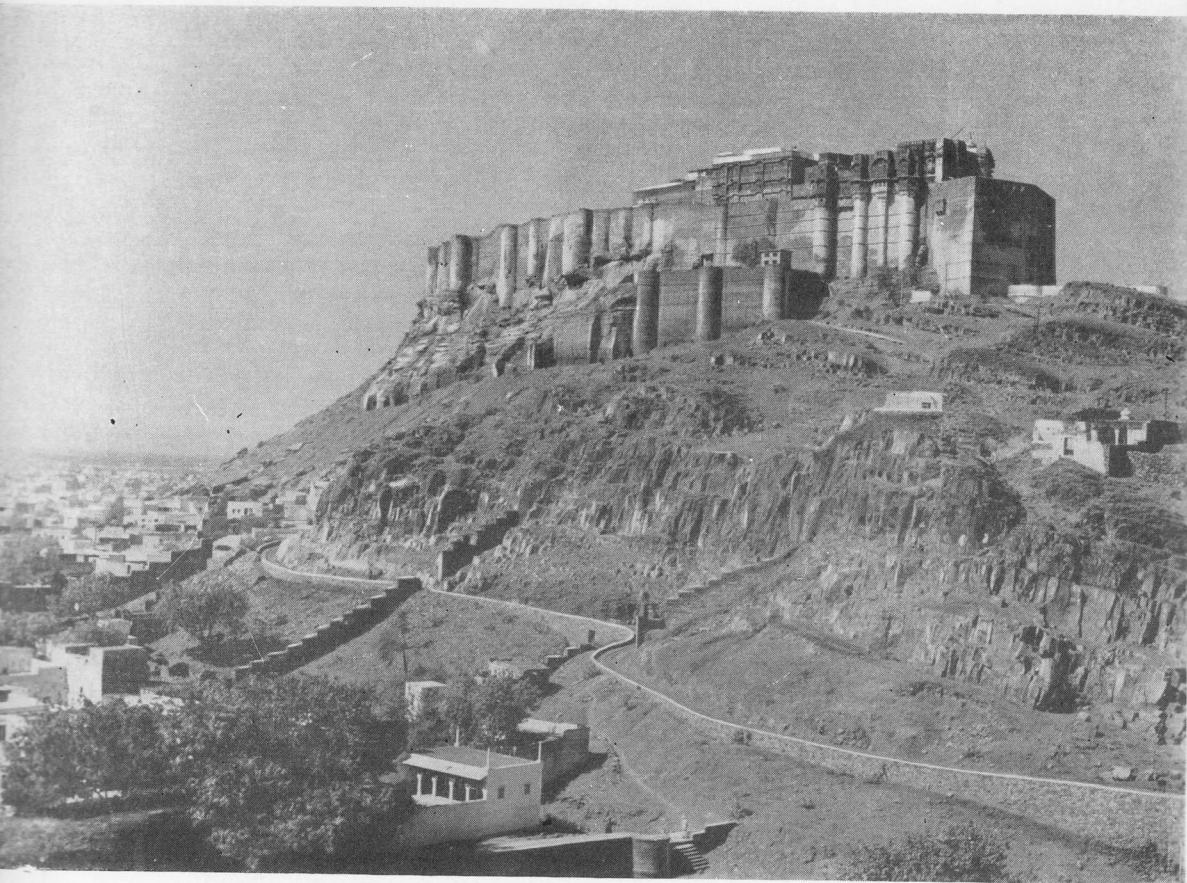
«Пура» — город с торговым центром и множеством храмов, населенный разного рода людьми, имеющий цветущие сады, парки и огороды.

«Кхарвата» — город окруженный пастбищами. «Кхета» — поселок для рабочих и слуг, расположенный поблизости реки или гор, защищенный высокими стенами. Город, размещенный между городами типа «кхарвата» и «кхета», называется Кубжака.

В тексте «Манасара» нет четкого разграничения между крепостью и укрепленным городом. Так, например, к типу крепости «Самвидха» принадлежит укрепленный поселок с резиденцией для браминов, находящийся недалеко от большой деревни с прилегающими к ней маленькими деревушками¹. Крепость типа «Самвидха» с резиденцией ма-харааджи (князя) в центре называется колака. «Стхания» — это целая система укреплений и оборонных стен, имеющая стратегическое значение. Она охватывает целую область или район, в которую входит постоянное место правительственной резиденции. Крепость «Сибира» — это город лагерного типа, в котором размещаются не меньше 10 тыс. «сильных солдат», мобилизованных правителем для выполнения трудовых обязанностей. Крепость «Драна» должна быть расположена в оживленном месте торговли на берегу реки, впадающей в море. «Скандхвара» — крепость с дворцами и резиденциями для военных (кшатриев), окруженная садами, спускающимися к реке террасами. Тот же тип крепости с населением, включающим браминов и вайсия, будет называться Кхери.

Крепости в строгом значении этого слова разделяются по роду укреплений и месту расположения. «Горная» крепость — это та, что расположена на вершине горы, или поблизости, или в долине, окруженнной горами. «Водная» крепость — это та, что занимает островное по-

¹ По-видимому, в данном случае имеется в виду, что брамины находятся на полном иждивении и обслуживании со стороны населения окружающих деревень.

Джодхпур. Штат Раджастан. Дворцово-крепостной ансамбль XI—XVI вв.

ложение. «Глиняная» крепость должна быть недоступна для врага и соединена с пещерами, высеченными в скалах. «Лесная крепость» имеет подземное водное сообщение и высоко расположенные входы. «Передвижная»¹ крепость — это место заключенных, изолированное от деревни, расположенное вдали от реки и леса. «Божественная» кре-

¹ Буквально в переводе крепость — колесница.

пость — это та, с которой можно сбрасывать камни в наступающего врага со смертельной силой. Крепость «Мисра» принадлежит к смешанному типу. Все крепости должны быть окружены рвами, земляными валами и оборонными стенами с хорошо защищенными воротами. Стены могут быть построены из кирпича, камня и других материалов и иметь высоту не меньше 5 м.

Расположение храмов¹ в населенных пунктах и их количество устанавливались в зависимости от характера и размеров города, а также соответственно тому, каким богам посвящались храмы. На главных улицах сооружались храмы, посвященные главным богам, например Шиве и Вишну, храм богини науки и искусства Сарасвати размещался поблизости от научного центра и учебных заведений. Храм кровожадной богини Кали, которой приносились иногда человеческие жертвы, рекомендовалось выносить за пределы города. С течением времени с изменением социально-экономических отношений в эпоху феодализма значение храма и его положение в городе меняется. Постепенно храм из отдельного объема превращается в целый комплекс сооружений различного назначения, окружается крепостными стенами, имеющими оборонное значение, и становится в городе в период расцвета феодализма центром общественной жизни. Подобным примером в градостроительстве может служить Канчишуром, унаследованный ранним средневековьем от древности, один из семи священных городов, упоминаемых индусами в ежедневных молитвах. Этот древнейший религиозный центр, бывший в первых веках до н. э. оплотом буддизма, не сохранил памятников, связанных с этой религией, также не уцелели какие-либо светские постройки от того времени, когда Канчишуром был столицей Паллавского государства. Канчишуром — это город храмов. В течение VI—XVII вв. город развивался в результате вновь сооружавшихся оборонных стен вокруг старых храмовых комплексов с возраставшими каждый раз по величине новыми надвратными башнями — гопурам. Внутри за стенами строились торговые ряды, мастерские, склады и все другие необходимые в жизни обычного города предприятия и здания, но центром продолжали оставаться храмовые сооружения. Вся городская жизнь не выходила из-под контроля брахманских жрецов и главного владыки — феодала.

¹ В тексте «Манасара» говорится о храмах и божествах брахманской религии, в первую очередь, буддийской и джайнской — в последнюю. Главным богом признается Шива. Этим самым как бы подтверждается предположение, что текст «Манасара» был составлен в Южной Индии, после того как утвердился там индуизм.

Жилищное строительство древности и раннего средневековья

илищная архитектура не только древней и средневековой, но и современной Индии до настоящего времени остается одной из наиболее неисследованных областей индийского зодчества.

Археологические открытия городов Хараппы (процветавших между XXXIII—XV вв. до н. э.) и городских поселений Таксилы (существовавших примерно между VI в. до н. э.—VI в. н. э.) позволяют установить планировочную структуру и характер благоустройства городского жилого дома древности, а также и строительно-конструктивные особенности. Дошедшие до нас различные письменные источники от древности и средневековья: строительные тексты «Шильпашастра», литературные произведения и письменные свидетельства помогают выявить, главным образом, функциональную и социальную обусловленность планировочной структуры, а также отдельные черты, характеризующие внешний облик зданий и строительную деятельность.

Наглядное представление о внешнем облике зданий древности и раннего средневековья дают нам рельефные и живописные изображения на памятниках Бхархута, Санчи (II в. до н. э.—I в. н. э.) и Аджанты (V—VII вв. н. э.), а также монолитные сооружения Мамаллапурама (VII в. н. э.), которые являются по существу моделями построек в натуральную величину. В стенных росписях Аджанты, главным образом пещерных залов № 16, № 17, № 1, и № 2 V—VII вв. лучше всего сохранились фрагменты с изображениями дворцовых залов, павильонов, галерей и других построек. По ним можно представить отдельные компози-

ционные и архитектурные приемы, формы и детали, применение цвета в гражданской архитектуре.

Все эти источники разновременны и каждый из них односторонне освещает вопрос, и потому трудно получить полную картину развития жилищного строительства в определенный исторический период, а именно раннего средневековья, не имея достаточных археологических материалов, относящихся к этому времени. Не исключено, что средневековое городское жилищное строительство следовало строительным традициям древнейшей культуры Хараппы.

Городское жилище по археологическим данным. Лучшие образцы городского благоустроенного жилища можно найти в Мохенджо-Даро. Создается впечатление, что это был город преуспевающих торговцев и многочисленных ремесленников, сумевших окружить себя достаточным комфортом и иметь довольно просторное жилище. Самый небольшой дом имел площадь 8×9 м, а крупные дома имели площадь вдвое больше. Кроме них имелись и более обширные дома, рассчитанные, по-видимому, на несколько семей, или же для сдачи в наем.

Крупные дома в Мохенджо-Даро, Таксиле и других городах обычно располагались в центре и вдоль главных улиц, а на окраинах города — более мелкие. Возможно, что не сохранились глинобитные жилища бедняков, селившихся за пределами города.

Вблизи зернохранилища и обмолота зерна в Мохенджо-Даро были построены рабочие бараки с двухкомнатными крошечными ячейками.

Дома, как правило, были сблокированы между собой, т. е. имели смежные стены и только в отдельных случаях стены отделялись друг от друга на 30 см. Очевидно, это делалось в том случае, когда между соседями возникали тяжбы.

Предполагают, что здания строились в несколько этажей, чаще всего в два или три этажа. Нижние этажи из обожженного кирпича, а верхние этажи, по всей вероятности, были сложены из сырцовых кирпичей, или были каркасным с глинобитным заполнением, или из тростника, обмазанного глиной, и оштукатуривались. Лестницы на вторые этажи, по предположениям, были деревянными, но встречаются и кирпичные, очень узкие, сплошные без подлестничного пространства с высоким подступенком. Дома такого характера строятся и поныне в провинциальных городах Индии.

Планировочная структура жилых домов, независимо от их размеров, однотипная. Все помещения группируются вокруг прямоугольного или квадратного внутреннего открытого двора, чаще застроенного с трех сторон, а с четвертой имеющей глухую стену с входным проемом.

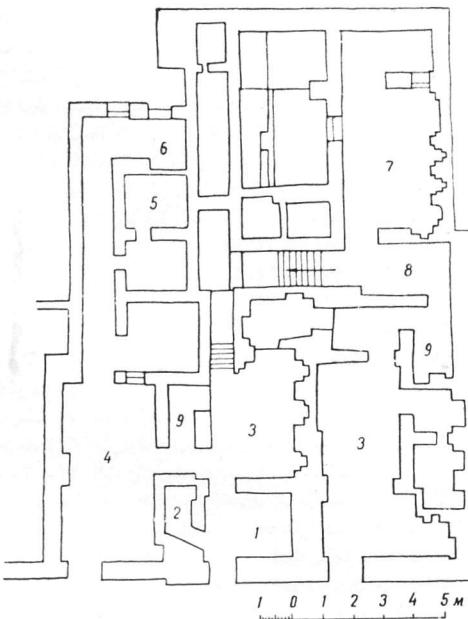
Двор, занимающий почти $\frac{1}{3}$ всей площади, служит центром всей хозяйственной деятельности обитателей дома. В нем готовили пищу, выполняли различные виды работ, нередко держали скот.

В зажиточных домах было несколько дворов различного назначения. Парадный двор в этом случае отделялся от хозяйственного, самостоятельный дворик имелся для женской половины дома. Кухня обычно устраивалась, так же как и теперь во многих индийских домах, в одном из углов двора под навесом на приподнятом месте (на 10—12 см от пола), где имелось углубление для очага. В кухне стояли глиняные бездонные сосуды для стока грязной воды.

На первом этаже, по-видимому, располагались различные хозяйствственные и служебные помещения, склады, а в некоторых случаях мастерские, лавки, помещения для слуг. На верхних этажах находились жилые помещения спален и гостиных.

Вход в дом с улицы размещался сбоку и вел, как правило, через довольно просторный вестибюль с комнатой для сторожа или в центральный двор, или же через боковой коридор в парадный двор, или гостиную. В одном из крупных домов с четырьмя внутренними дворами, окруженными 10 комнатами, на нижнем этаже имеется три входа и все они смешены с центральной оси здания. Это делалось с целью более экономного использования площади. Во избежание сквозного проветривания, что особенно было важно в условиях сильных ветров, характерных для Синда, оконные и дверные проемы не устраивались друг против друга. Жилые и спальные комнаты, гостиные помещались на втором этаже и имели балконы и открытые террасы по всему периметру внутреннего двора. Широко использовались плоские кровли в качестве террас, как это обычно принято на Востоке. С плоских кровель-террас ведут, как правило открытые лестницы.

В домах Мohenджо-Даро, подверженному частым наводнениям, не-

Мohenджо-Даро. Городское жилище, XXX—XX в. до н. э.
1 — вестибюль; 2 — комната сторожа; 3 — открытый дворик; 4 — дворик частично перекрытый; 5 — прачечная; 6 — колодец; 7 — парадный зал; 8 — коридор с лестницей на второй этаж; 9 — уборные

редко имеются запасные помещения, высоко приподнятые от земли, которые служили убежищем в дни опасности.

В каждом доме была предусмотрена вентиляция, устроенная в специальных нишах. Было известно воздушное отопление, судя по обнаруженной в одном из домов в Мохенджо-Даро под полом целой системы карниковых стен, устроенной с этой целью. Мусоропроводы выкладывались в толще стен; хорошо были организованы водоснабжение и канализация. Почти при каждом доме имелся колодец, выложенный из кирпича. Кроме того, существовали общественные колодцы.

В каждом доме имелась одна или две комнаты для омовений, расчитанные на мытье стоя с поливкой из кувшина, так же как это делается и теперь во многих домах провинциальных городов Индии.

Сточная вода и нечистоты из различных домов обычно не попадали прямо в каналы, а проходили через отстойники или выгребные ямы. Сточная вода с плоских крыш и верхних этажей поступала по гончарным желобам и трубам, соединенным муфтами и прикрепленным к наружным стенам, причем, судя по тщательности исполнения работ, эти трубы могли рассматриваться своего рода украшением на гладкой поверхности наружных стен. Водосточные каналы имели ступенчатый водослив со звеньями, расположенными под разными углами так, чтобы брызги стекающей воды не попадали на прохожих. Такую предусмотриительную канализационную систему можно встретить в современных жилых домах Синда. Характерно, что в городских постройках Хараппы не было обнаружено каких-либо следов декоративного убранства, что вовсе не исключает применения стенных росписей и резьбы по дереву.

Более тысячелетия отделяют от последних городов культуры Хараппы единственно известные за это время древнейшие памятники архитектуры в Таксиле, относящиеся к периоду VI в. до н. э. и V в. н. э.

Дома, обнаруженные при раскопках в Таксиле, имеют первые этажи, сложенные, как правило, из нетесаных камней, а верхние этажи могли быть, так же как и в Мохенджо-Даро, каркасными с глинобитным заполнением. До землетрясения дома в Таксиле обычно строились в три и четыре этажа, а после него стали строиться в два этажа.

В каждом из домов имелась выгребная яма в виде узкой шахты шириной до 1 м. Канализация в Таксиле предназначалась только для отвода дождевых вод со двора на улице и сточной воды из комнаты для смовений. Канализационные трубы были также гончарными, соединенными муфтами. Уличные канализационные каналы облицовывались плитами из шиферного сланца.

Планировочная структура в домах Таксилы сохранилась та же, что и в Мохенджо-Даро. Неотъемлемой чертой остался мощеный внутренний дворик или система дворов при зажиточных домах. Дома блоки-

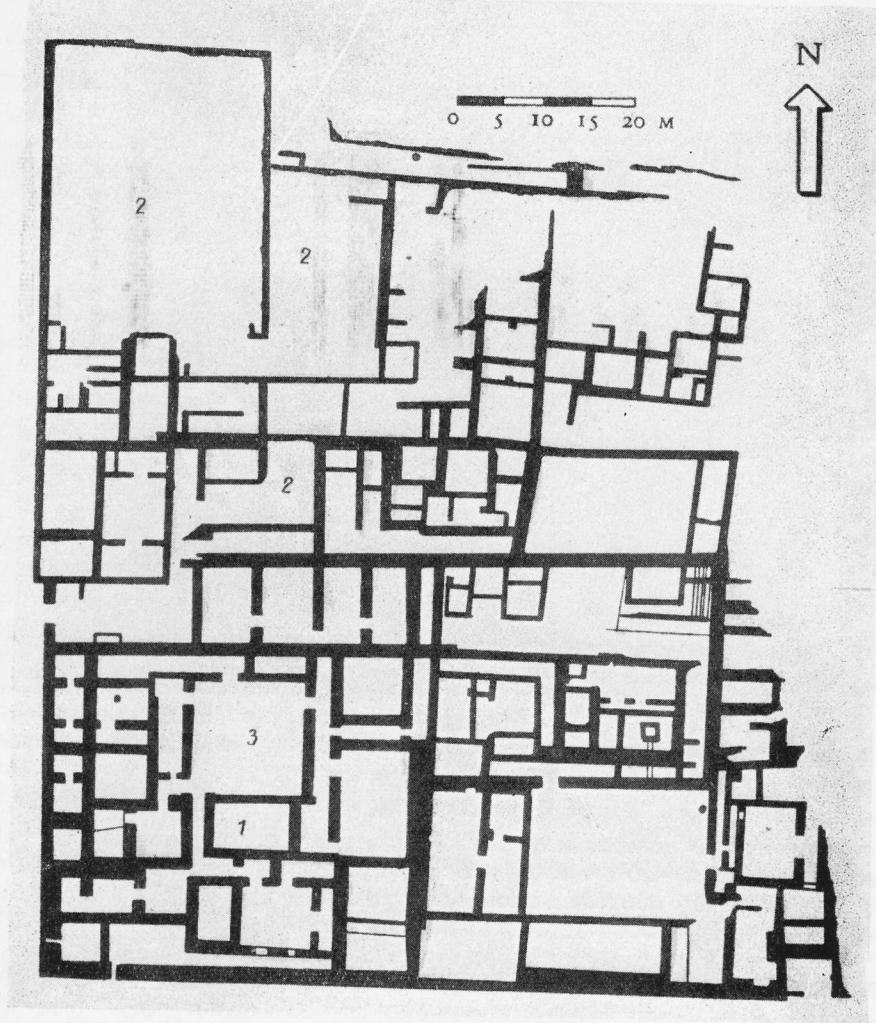

Мохенджо-Даро. Колодец, выложенный из кирпича, XXX—XX в. до н. э.

рованы. Фасады домов, выходящие на улицу, глухие или имеют узкие оконные щели 15—20 см шириной. Нижние этажи также отводились под хозяйствственные и бытовые помещения, комнаты для слуг, а иногда были заняты ремесленными мастерскими и лазками.

В Таксиле (в поселении Бхирмаунде) встречаются довольно крупные дома площадью в 200—300 м², $\frac{1}{5}$ этой площади отводилась под двор. В нижних этажах рассчитывалось около 15—20 комнат по 7—8 м² каждая, возможно рассчитанных для прислуги.

В одном из поселений Таксилы — Сиркапе II в. до н. э. — II в. н. э. обнаружен большой жилой комплекс, похожий на дворец, площадью 107×125 м со сложной внутренней планировкой, в которую входило несколько дворов, обширных залов по 100 м² каждый и большое число различных помещений. По свидетельству Дамиса, этот дворец был удивительно скромным по своему внутреннему и наружному убран-

Таксила. План дворцового комплекса I—II вв. н. э. в Сиркапе

1 — зал аудиенций; 2 — помещения женской половины дома; 3 — внутренний дворик в мужской половине дома

ству, что резко его отличало от великолепного дворца в Вавилоне и более позднего дворца Ашоки в Паталипурте.

Жилище по индийским литературным источникам. Большой разрыв в археологических данных по жилищному строительству, относящихся к памятникам, территориально разрозненным, в какой-то степени заполняется важными сведениями, почерпнутыми главным образом из древнеиндийских текстов «Шильпашастра», которые, по мнению многих современных исследователей индийской архитектуры, основываются на строительных традициях культуры Хараппы. Таким образом, судя по «Шильпашастра», наличие дворика при жилье, отмеченное в городских постройках Хараппы и Таксилы, остается характерным в одинаковой степени как для деревенского или монастырского комплекса жилых и хозяйственных помещений, так и для городского дома.

В «Шильпашастра» дворик или огороженное пространство, примыкающее к жилью, называется анканы; о нем говорится как о необходимом, главном организующем элементе жилого дома или усадьбы¹. «Шильпашастра» различает два вида анканы: отгороженное замкнутое пространство, примыкающее к наружным стенам жилой застройки — бахия-анканы (возможно приближающегося по характеру к типу прастада, характерного для эллинистических домов) и анканы в виде внутреннего открытого двора, замкнутого с четырех сторон жилыми и хозяйственными постройками (возможно типа перестильного двора, а в некоторых случаях типа атриума).

В условиях жаркого климата анканы — это очень важная часть жилого дома и любого комплекса общественных зданий, используемая так же, и даже больше, чем остальные помещения. По своему существу анканы в городских домах является общей для обитателей дома главной жилой комнатой без верхнего перекрытия, а в монастырях служила местом собраний.

Анканы в жилом доме представляла центр семейной жизни, заменная столовую, гостиную, а иногда и кухню. Помещения же спален, кла-довых и бытовых устройств размещались по внутреннему периметру двора. Поэтому, как правило, внутренний дворик — анканы — городского дома окружен крытыми верандами с четырех сторон. Веранды служили не только крытым проходом для сообщения между комнатами, но давали возможность использовать анкану при любой погоде. Веранды, расположенные на втором или третьем этаже, часто использовались как спальни. Двор обычно имеет квадратную или прямоугольную форму. Второстепенные постройки, окружающие двор, как правило, по высоте уступают главному жилому зданию: «Шильпашастра» обращает внимание на пропорции зданий: высота и ширина здания должны быть пропорциональны друг другу; чем шире здание, тем оно выше.

¹ Pillai C. K. The way of the Silpis, p. 238.

Для проветривания внутреннего двора «Шильпашастра» рекомендуется устраивать между постройками воздушные коридоры — анткааллы, предусматривая при этом такое устройство оконных и дверных проемов, которое бы обеспечило отсутствие сквозного проветривания. Самое высокое, главное жилое здание, расположеннное на южной стороне, заграждает поток горячих южных ветров и направляет его к востоку, к выходу через северо-восточный проход.

Большая высота придавала зданию не только внушительность, но и обеспечивала внутреннее пространство воздухом и прохладой. Заметно, что высота дворцовых залов и галерей, изображенных на росписях Аджанты, обусловленная, по-видимому, этими соображениями, достигает не менее 6—7 м.

В пещерном зале № 9 в Аджанте, II в. до н. э., имеется фрагмент с изображением двухэтажного жилого дома, со стоящим впереди прямоугольным внутренним двором. Двор окружают с трех сторон более низкие однотипные постройки, очевидно, хозяйственного назначения, перекрытые сводом и увенчанные по коньку шпилями. Небольшие, высоко приподнятые над землей квадратные оконца выходят на улицу, а в сторону двора помещения открыты глубокими лоджиями. По сторонам входа в главное жилое здание устроены лежанки, такие же, какие можно видеть в обычном современном провинциальном жилом доме. Второй этаж главного корпуса окружен галереей-террасой. На сравнительно тонких, широко расставленных столбиках держится сложное по виду перекрытие, состоящее из трех наложенных друг на друга рядов поперечных и продольных балок. Возможно, что эта сложная надстройка необходима для организации светового фонаря нижнего помещения или же для вентиляции и охлаждения плоской кровли. Не исключено, что изображенная надстройка представляет собой преувеличенно высокий парапет, за которым скрывается кровля.

В комплексе жилых зданий, изображенном на стенописях пещерного зала № 9 в Аджанте, легко представить за жилым домом декоративный сад, так часто упоминаемый в литературных произведениях Индии.

Внутренний двор занимает также центральное место в планировке резиденций раджей и дворцово-крепостных ансамблей. Вокруг него группируются все помещения: зал аудиенций, зал общих собраний, музыкальный павильон обычно с примыкающей к нему ареной для зрелищных развлечений, картинная галерея и другие помещения. К женской половине дворца примыкают регулярно разбитые парки с фонтанами и бассейнами. Хозяйственные постройки имели свой собственный двор.

В холодных странах архитектор стремится как можно больше обеспечить дом солнечным теплом и светом и поэтому для жилья предпочтительнее южная сторона. В Индии, стране жаркого климата,

цель архитектора — держать дом в прохладе и защищать его обитателей от солнца и жары. Поэтому жилые помещения обычно располагаются на северо-восточной стороне, а на юго-западной — зеленые насаждения, создающие тень и прохладу. Кухни, трапезные и прачечные «Шильпашастра» рекомендует располагать на восточной стороне, так же как и приемные залы, и спальные апартаменты, комнаты для оплакивания, для слуг, для хранения обмолотого зерна, уборные и конюшни следует помещать на южной стороне. Для военных складов, охраны, комнаты для занятий, суда, канцелярии отводится северная сторона. «Шильпашастра» предписывает окружать дворец укрепленными стенами и иметь для входа не менее четырех ворот в главных пунктах¹.

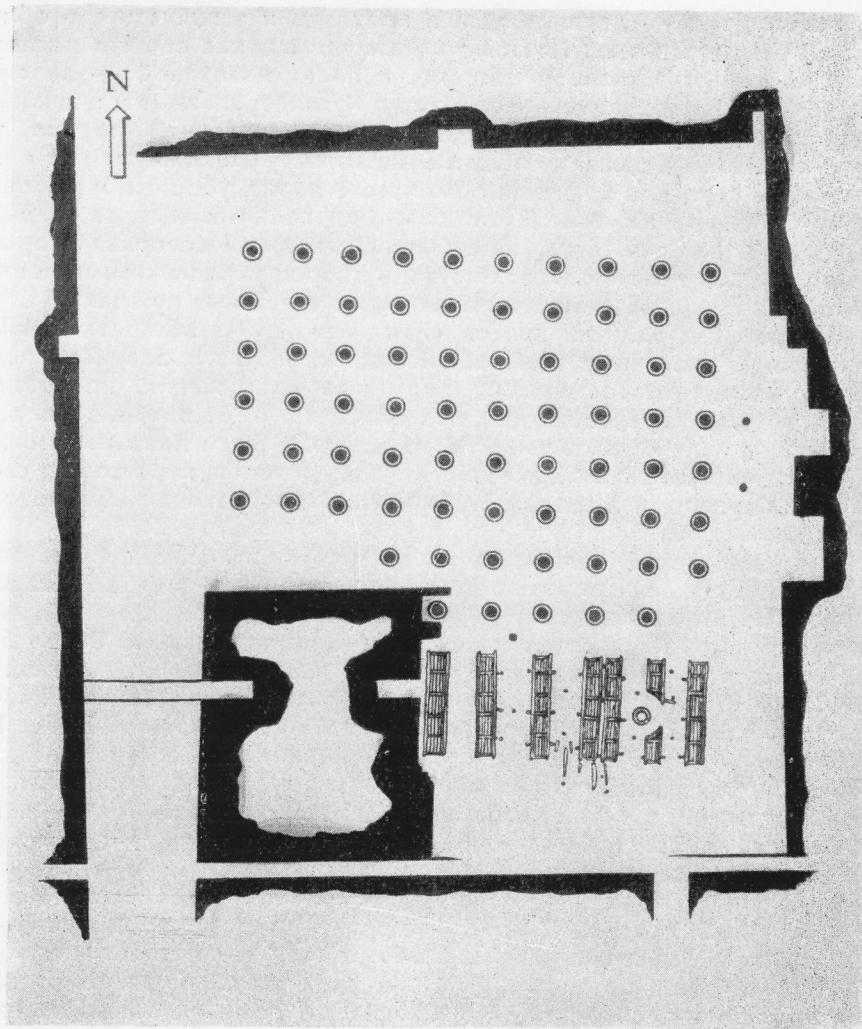
На страницах великих эпосов «Рамаяна» и «Махабхараты» упоминаются самые различные виды общественных и жилых зданий, склады, тюрьмы, больницы, гостиницы, зреющие сооружения, крепости и дворцы. Многие страницы отводятся описанию великолепных дворцов с сотнями комнат и залов (многие из которых были покрыты стенной росписью), многоэтажных домов богатых владельцев, перекрытых своеобразными куполами и сводами, увенчанными остроконечными позолоченными шпилями.

Но трудно порой полагаться на достоверность описаний поэтов, в богатом воображении которых дома нередко возносятся до облаков, а количество этажей исчисляется десятками; так, например, «Рамаяна»² повествует: «Дома все высоки и белы, целят небеса, как будто блеском месяца, солнце затмевает их краса». Мы узнаем, что «стеной со всех сторон столица чудною окружена». Крыши, очевидно, были сводчатые: «На покатых крышах ярки краски выглядят быстрей». Башни были покрашены: «окрашенные ярко башни держит весело она» (т. е. столица). Жилые дома многоэтажные, покрыты штукатуркой и побелены — «дома все высоки и белы». В окнах вставлены решетки — «решетчатые окна блещут множеством камней». Во дворцах колонны и стены были инкрустированы самоцветными и драгоценными камнями: «...В сокровищах колонны, стены, Виндхи вставил камни». Дворцы имели обширные внутренние дворы: «Широкие дворы у всех дворцов прекрасно дивны». Двери позолоченные: «...у каждой двери створки были золотые». Купола тоже позолочены: «...все разукрасили чудесно золотые купола». Упоминается о том, что «в каждом доме галерея из картин была» и о том, что «посажены повсюду были там сады и цветники».

Из сохранившихся остатков жилища от древности и средневековья наиболее приближающиеся по времени к раннему средневековью являются руины дворца Ашоки в Паталипутре.

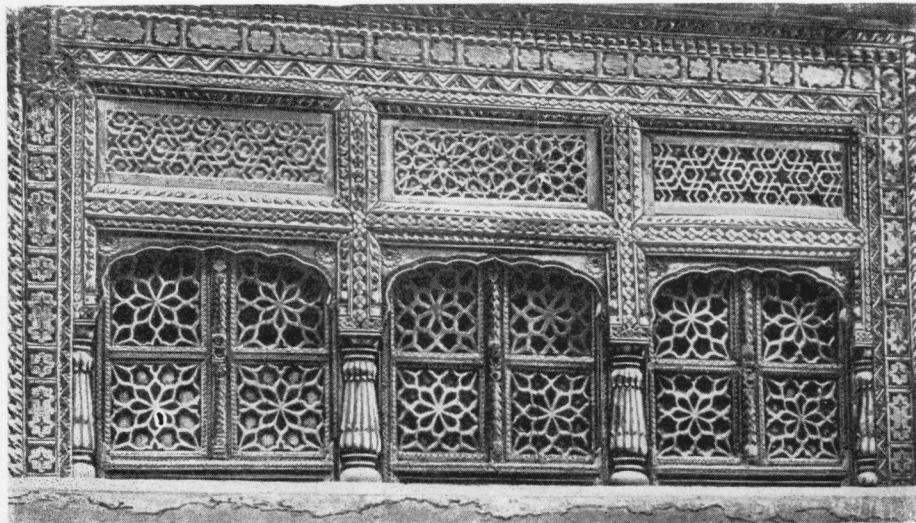
¹ Pillai C. K. The way of the Silpis, p. 180—182.

² Тулси Дан «Рамаяна». М., 1948, стр. 843—844.

Паталипутра. План дворца Ашоки, III в. до н. э.

Близость Паталипутры к Непалу дает основание предполагать, что находившийся в ней дворец Ашоки по своему архитектурному облику приближался к современным деревянным зданиям, встречающимся в

Насик. Ажурная деревянная решетка оконного проема в жилом доме.

Непале, Кашмире или Бирме. По масштабу и богатству внутреннего убранства из золота, серебра и драгоценных камней дворец затмевал, по словам Мегасфена, знаменитые персидские дворцы Сузы. В них стояли колонны, покрытые искусственной резьбой и золотыми гирляндами с изображениями растений и птиц, с инкрустацией из самоцветов.

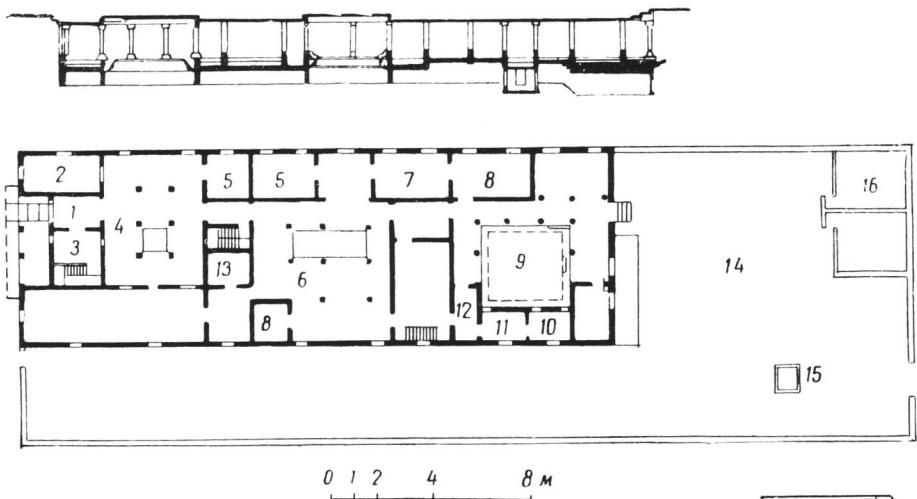
Установлено, что дворец был трехэтажным с многоколонными гипостильными залами, длиной около 77 м, с 225 каменными колоннами на каждом этаже. В ряду устанавливалось 15 колонн с интерколумнием, равным 4,75 м. Колонны были из песчаника и отличались необыкновенной, отполированной до зеркального блеска поверхностью. Террасы, галереи, висячие балконы окружали внутренние дверцы и наружные фасады здания дворца. Перекрытие было деревянным, стены, возможно, кирпичные на каменном цоколе. Потолок одного из этажей, возможно, поддерживался большими каменными фигурами карнатид — отдельные фрагменты их были обнаружены при раскопках.

Судя по восторженным описаниям китайского путешественника V в. Фа-Сяня, этот дворец, простоявший до него уже более шестисот лет, не утратил своего былого великолепия. По его словам, дворец мог быть сооружением, воздвигнутым неземными гениями, способными установить столь грандиозные стены, каменные колонны, выполнить

столы, искусные мозаичные работы и изумительную изящную резьбу¹. Во внутреннем убранстве дворцов несомненно играли большую роль ткани, слоновая кость, ширмы и палантины.

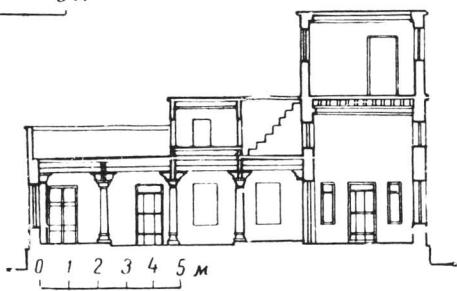
Современное жилище. За неимением достаточных данных по раннесредневековому жилищу и неизученности этого вопроса в настоящее время в какой-то степени могут дополнить общее представление о характере индийского жилища отдельные примеры, относящиеся к современности.

Тысячелетия отделяют современное городское жилище от древнейших памятников городской цивилизации Хараппы и более поздних примеров городского строительства в Таксиле и Паталипуре, тем не менее отдельные характерные черты жилищного строительства не утра-

**Мадураи. Современный жилой дом.
План и разрез**

1 — вестибюль; 2 — гостиная; 3 — кабинет хозяина; 4 — парадный зал; 5 — спальни; 6 — открытый дворик; 7 — кухня; 8 — кладовые; 9 — хозяйственный дворик; 10 — прачечная; 11 — ванная комната; 12 — молельня; 13 — сокровищница; 14 — сад; 15 — колодец; 16 — уборные

¹ Brown P. Indian architecture, vol. 1, p. 13

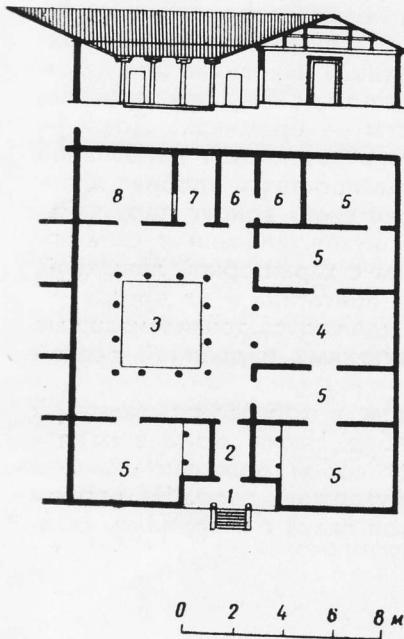
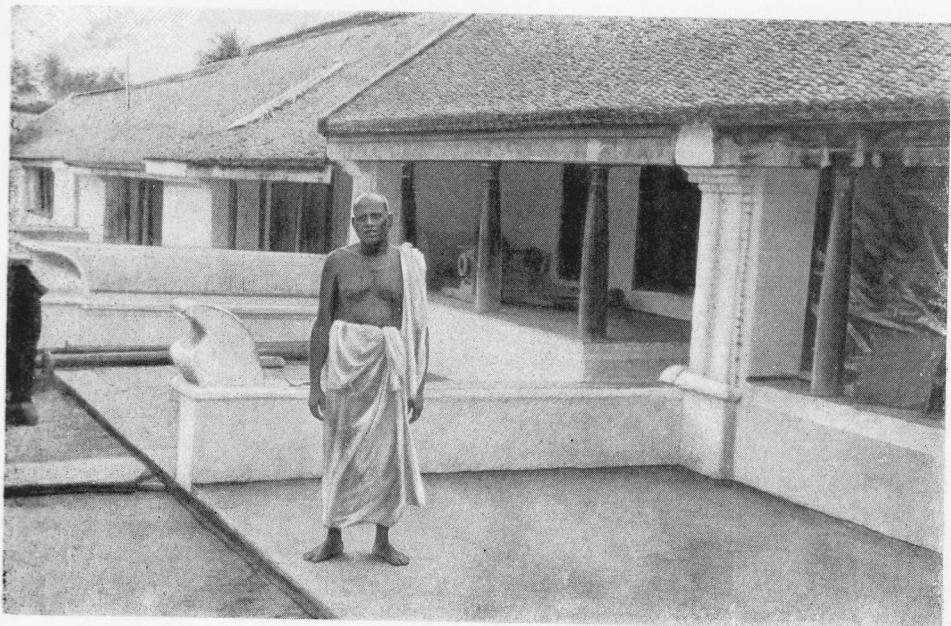
тили своего значения до наших дней. Не столько климат, сколько специфика общественного развития Индии предопределили сохранение древнейших культурных традиций и многих пережитков различных формаций, укоренившихся в быту и жизни народов современной Индии.

Так, например, пережитки родового строя можно встретить не только в деревне, но и в городе. Нередко жилой дом рассчитан на большую патриархальную семью, состоящую из членов нескольких поколений. В таком доме еще до сих пор имеется разделение на женскую и мужскую половину, причем, как правило, парадные помещения дома рассчитаны для мужчин и приема их гостей. Примером может служить довольно типичный южноиндийский дом зажиточной семьи в Мадураи. Здесь мы видим главный вход ведет через террасу, коридор в парадный зал с верхним светом — это вроде греческого андрона — мужская гостиная с кабинетом для хозяина. Затем следует более интимная часть дома с двумя внутренними открытыми двориками, окруженными террасами и примыкающим сзади садом, здесь протекает в основном вся жизнь женщин, занятых домашним хозяйством. Лестница ведет на второй этаж и плоскую кровлю, предназначенную для спален под открытым небом, что является естественным в условиях постоянной жары на юге Индии. Весь участок огорожен высокой стенной с массивными деревянными воротами, через которые в праздничные дни в случае необходимости могут зайти в сад для отдыха слоны и участники торжественных процессий.

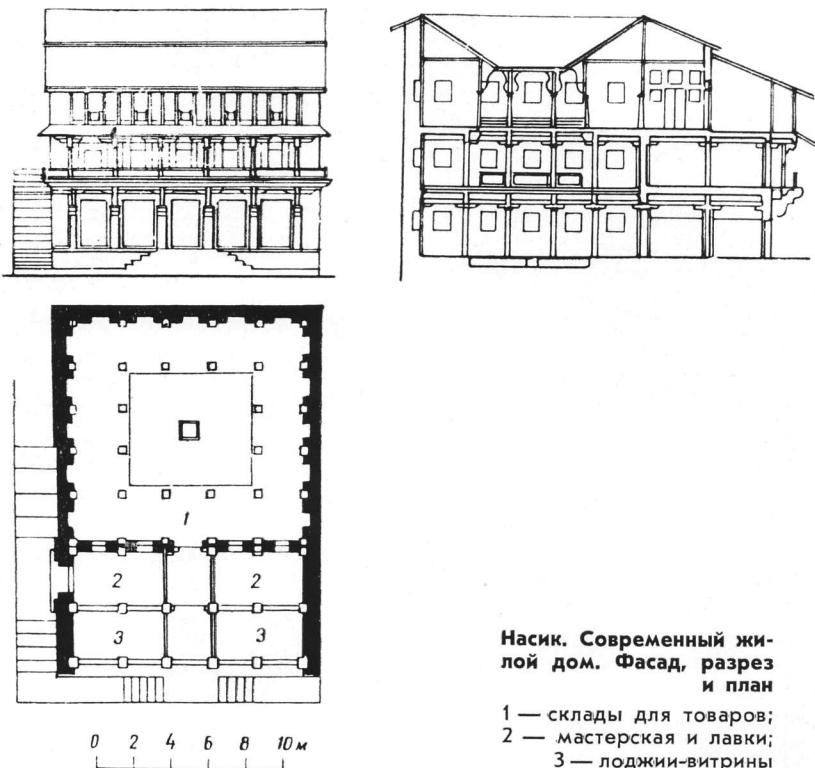
В другом южноиндийском городе Канчишураме, рядом с его древнейшими памятниками, на окраинах выросли новые современные одноэтажные блочные однотипные жилые дома, рассчитанные на самостоятельную отдельную небольшую семью отставного чиновника или административного работника. Причем жители этих домов, как правило, принадлежат к представителям высшей касты — браминам. Дома — кирпичные, оштукатуренные с обеих сторон с двускатной деревянной кровлей, крытой черепицей. Планировка дома простая и удобная вполне отвечает характеру быта и нравов его жителей: вокруг перестильного двора сосредоточены общая комната, кухня, спальни и санитарный узел. На улицу выходят глубокая лоджия с характерной лежанкой, на которой обычно скрестив ноги сидят его обитатели и их друзья.

На фоне гладких белых стен красиво выделяются тонкие изящные коричневые стволы колонн с резными капителями и дверной резной портал.

Совсем иной характер носит жилой дом в торгово-ремесленных центрах Индии, таких как Джайпур, Ахмедабад, Насик. Дома в подобных городах 3—4-этажные и представляют собой довольно замкнутый комплекс, но его центром остается внутренний двор. На первом этаже размещаются мастерские, или торговая лавка с витринами, скла-

Канчиપурам. Современный жилой дом. Общий вид, план и разрез [обмеры автора]
 1 — терраса; 2 — вестибюль; 3 — открытый внутренний дворик; 4 — гостиная; 5 — комнаты; 6 — санитарный узел; 7 — кладовая; 8 — кухня

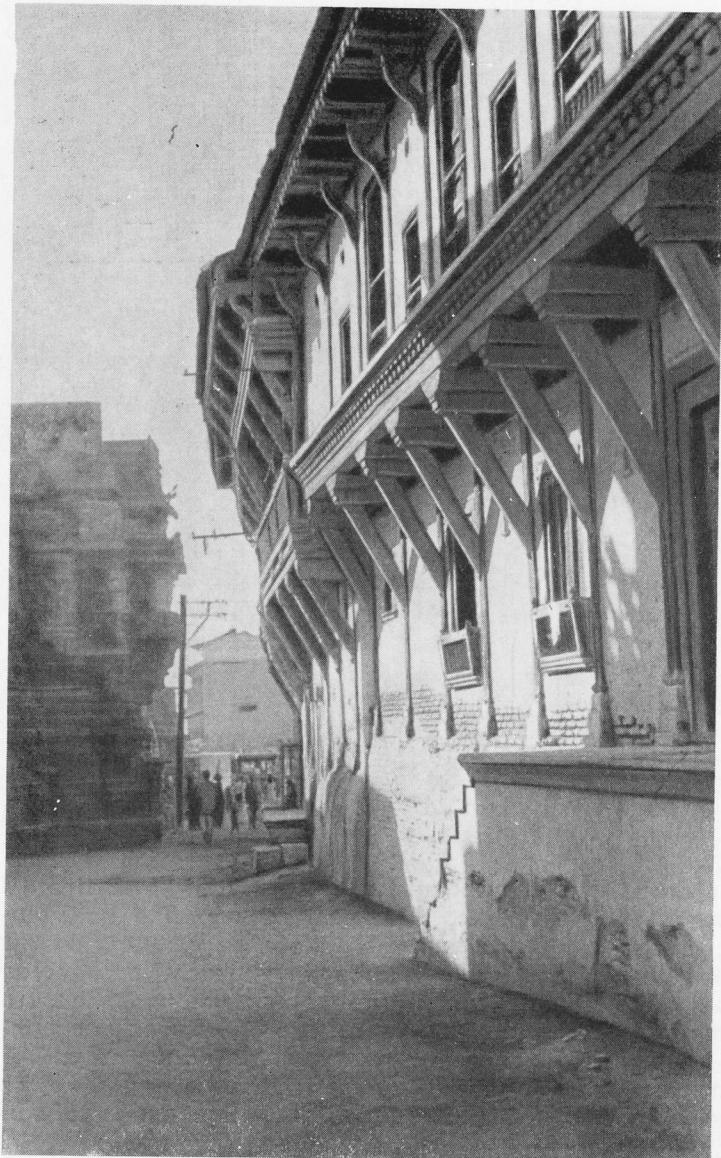
Насик. Современный жилой дом. Фасад, разрез и план

1 — склады для товаров;
2 — мастерская и лавки;
3 — лоджии-витрины

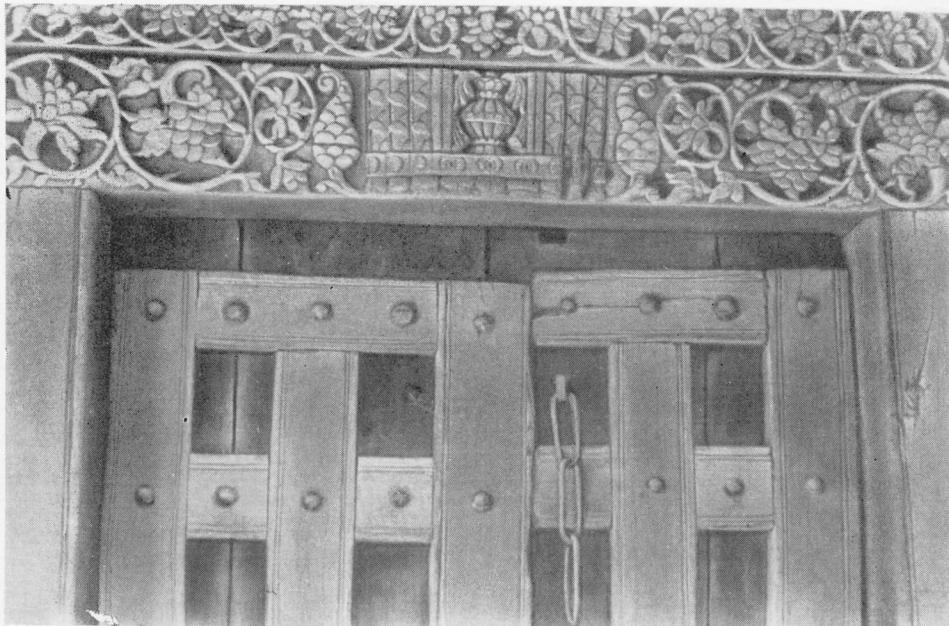
ды товаров, а на втором и третьем этажах жилые комнаты. В этом случае широко используются крытые балконы, нависающие на мощных деревянных консолях над внутренним двором и улицей. В этих домах обычно весь декор сосредоточивается на уличном фасаде: на резьбе деревянных колонн и консолей, поддерживающих балконы. Дома в Насике, как правило, деревянно-каркасные с кирпичным заполнением, стоят на каменном цоколе и оштукатурены с обеих сторон.

Весьма характерным для домов Джайпура и Ахмадебада является заполнение оконных проемов ажурной деревянной или алебастровой решеткой.

Яркие и самобытные памятники дворцово-крепостной архитектуры оставила Раджпутана, относящиеся к более позднему времени, но и в них можно проследить сохранение древнейших строительных традиций.

Дабхой. Штат Гуджа-
рат. Жилой дом, об-
щий вид и фраг-
мент деревянной
двери.

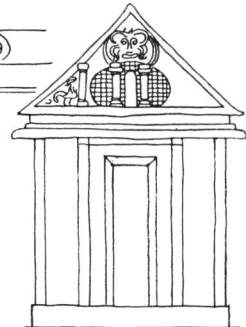
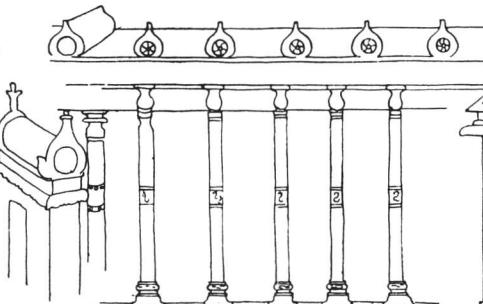
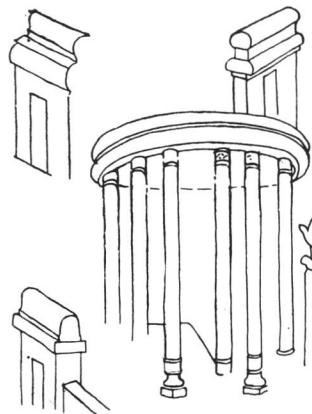
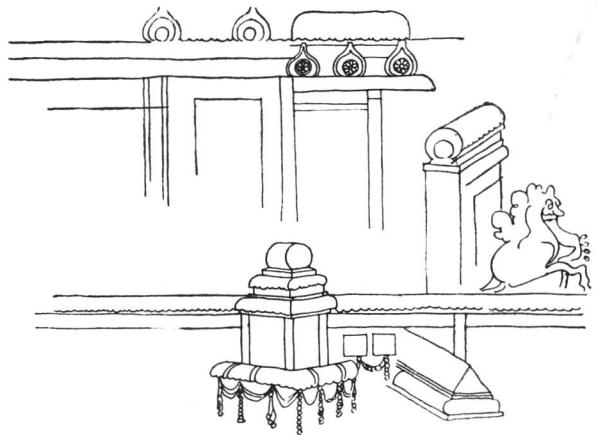

Гражданские постройки в росписях Аджанты. В стенных росписях пещерных залов № 16 и 17, отделенных по времени создания на столетия от залов № 1 и 2, встречаются изображения одних и тех же типов зданий и архитектурно-конструктивных форм. В одном случае создается впечатление (залы № 1, 16), что изображен один и тот же дворец, сохранивший те же колонны и даже ту же окраску, которые он имел столетие назад. Можно с большим основанием предположить, что за прошедшее столетие не произошло каких-либо изменений в характере гражданского строительства, в котором установились традиционные формы тысячелетней давности. Светлая и гладкая поверхность зданий на стенописях Аджанты по-видимому, означает побелку оштукатуренных стен. В торцовой части сводчатых перекрытий обнаруживаются торцы деревянных реек и стропил.

На росписях в залах № 1 и 16 изображена одинаковая терраса, опоясывающая снаружи первый этаж здания дворца; терраса имеет сложные и довольно вычурные очертания в плане: выступы и западающие лоджии; ее высокий цоколь богато профилирован и ярко раскрашен, так же как декоративно оформленные лестничные спуски. На темном фоне стены цвета терракоты сильно выделяются круглые колонны, стволы которых выкрашены киноварью, а капители — в ярко-голубой

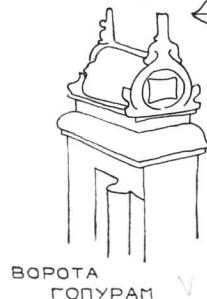
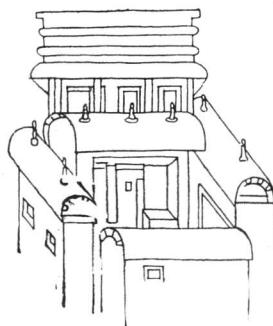

ПАВИЛЬОН ТИПА
МАНТАПАМ И ГОПУРАМ
/ЗАЛ N 1/

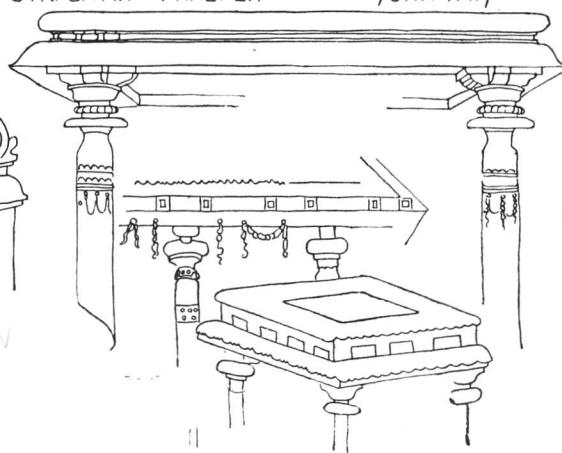

КРУГЛЫЙ ПАВИЛЬОН, ОКРУЖЕННЫЙ
ЧЕТЫРЕМ ВОРОТАМИ ГОПУРАМ И ОТКРЫТАЯ ГАЛЕРЕЯ
/В ЗАЛЕ N 16/

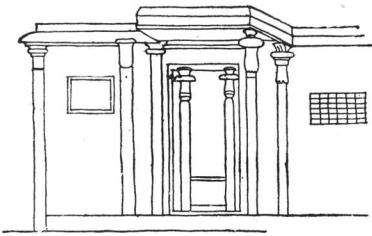
/ЗАЛ N 17/

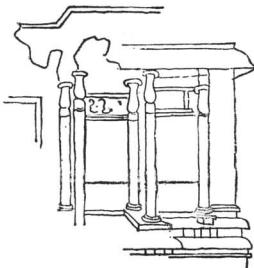
ВОРОТА
ГОПУРАМ

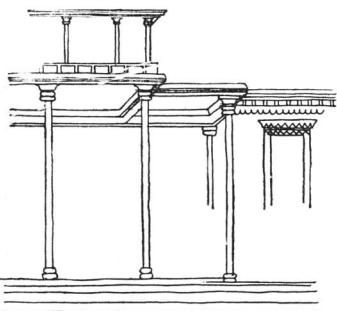
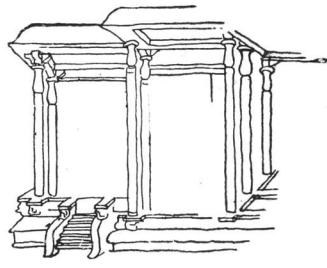
Аджанта. Изображения построек в росписях

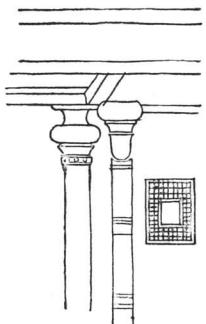
ТЕРРАСА ПЕРВОГО ЭТАЖА
ЗАЛ N 17
/470 - 480г./

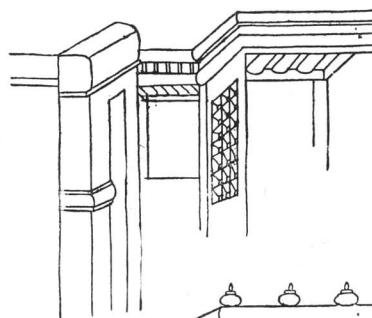
ТЕРРАСА ПЕРВОГО ЭТАЖА
ЗАЛ N 1
/642 - 680п./

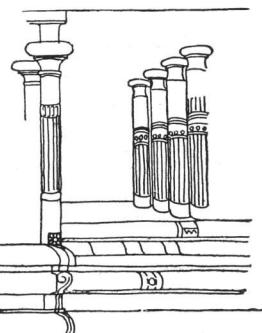
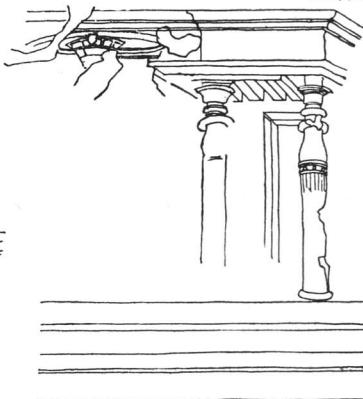
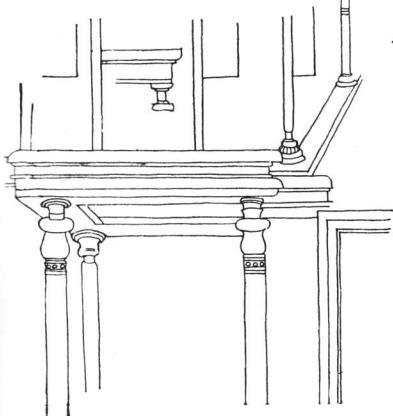
ВЕРХНИЕ ЭТАЖИ ДВОРЦА
ЗАЛ N 2

КОЛОННЫ И ОКНО С
АЖУРНОЙ РЕШЕТКОЙ
ЗАЛ N 1

ЛОДЖИЯ ВЕРХНЕГО ЭТАЖА НА ФРЕСКЕ
ЗАЛ N 16 /470 - 480г./

цвет. Колонны деревянные, вставлены в каменные базы в форме кольца, а капители похожи на высокие вазы, из которых поднимается распустившийся цветок лотоса.

По росписям четырех пещерных залов № 1, 2, 16, 17 в Аджанте представляются грандиозные дворцовые комплексы, включающие в сложную и свободную по характеру композицию множество построек различного назначения, красочных и разнообразных по внешнему виду. Это высокие величественные многоэтажные здания, окруженные террасами, лоджиями и галереями с обширными и просторными внутренними помещениями многоколонных залов.

Комплекс дворца обнесен высокой оградой. Входы в комплекс оформлены довольно импозантными сооружениями в форме гладких пилонов, завершенных сводчатым перекрытием, с затейливыми арочными фронтонаами по торцам. Можно предполагать, что гладкие, светлые стены возведены из глинобитного материала или кирпича и сверху оштукатурены.

На стенописях в зале № 2 изображены трех, а возможно и четырехэтажные многоколонные дворцовые залы; высота и форма колонн поэтажно варьируются. В нижних этажах расположены более массивные, круглые в сечении колонны с широким интерколумнием, равным не менее 5—6 м. Колонны на следующем этаже, где находится трон раджи, удивительно тонкие и высокие, очень похожие по своим пропорциям и цвету на бамбуковые стойки (в их высоте диаметр укладывается не менее 40 раз). Низкая колоннада, состоящая из деревянных круглых стоек с интерколумнием, равным приблизительно 3 м, завершает здание. Так как нижний этаж превышает верхний в 2,5 раза, можно предположить, что его высота равняется не менее 7—8 м, а верхнего — не менее 2,5—3 м.

На росписях зала № 1 имеются два фрагмента с изображениями большой архитектурной композиции дворцовых залов с длинными рядами монументальных каннелированных колонн. В потолке одного из залов, предназначенного для танцев, видно большое круглое отверстие, в центр которого упирается колонна, с расходящимися от нее веером прогонами. Эта интересная конструкция представляет по всей вероятности своеобразный световой фонарь, служивший также целям вентиляции зала.

Для освещения больших залов, видимо, было недостаточно оконных и дверных проемов, тем более, что окна, как правило, были небольшими по размерам, обычно продолговатыми по форме и приподнятыми от земли на уровень глаз стоящего человека. Окна заполнялись сквозной решеткой, возможно, из алебастра, а большие проемы, заставленные решеткой, отгораживали лоджию так же, как это делается и теперь в жилых домах Раджастана. Решетки из алебастра встречают-

ся в мантапам храма Кайласа VIII в. в Канчи и в более поздних постройках.

На росписях зала № 16 имеется изображение, по-видимому, отдельно стоящей довольно протяженной галереи. Обращает внимание ее сходство с пещерными храмами типа террас-мантапам в Мамаллапураме, Паллавараме и других городах Южной Индии — те же формы карниза и парапета с акротериями в виде миниатюрных арочных ниш. Южноиндийские пещерные храмы типа мантапам представляли собой углубленную в скалу террасу или лоджию с одним или несколькими рядами внутренних колонн и крошечными святилищами, высеченными в задней и боковых стенах террасы. Пещерные мантапам по своему плану и фасаду очень похожи на современные жилые дома Южной Индии, имеющие подобные террасы, лоджии. Изображенный

Мамаллапурам. Высеченная в скалах мантапам-терраса со святилищем. VII в. н. э.

в росписях Аджанты вытянутый в плане многоколонный сквозной павильон с поперечными боковыми глухими стенами, очень вместительный по виду, возможно был рассчитан для приюта и отдыха просителей, странников, приезжих гостей. Этот павильон по своим пропорциям и формам ассоциируется с многоколонным залом — мантапам в Прибрежном храме в Махабалипураме и в храме Кайласа в Канчи. Четыре ряда колонн, стоящих между глухими боковыми стенами дворцовых павильонов (а в храмах — между боковыми глухими пylonами), поддерживают тяжелый антаблемент, составленный из нескольких рядов поперечных балок и прогонов. Квадратные в плане, открытые четырехстолпные павильоны используются при храмах для жертвенника.

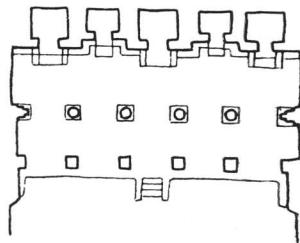
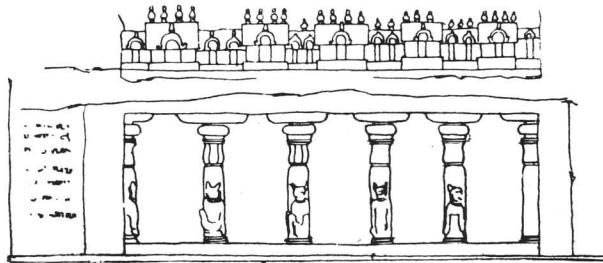
О взаимосвязях народного и культового зодчества. Городские жилые постройки Таксилы, фрагментарные остатки Паталипутры, относящиеся к периоду между VI в. до н. э.—V в. н. э. являются важным, но далеко недостаточным звеном в истории жилищного строительства. Последующие сохранившиеся памятники от периода между III в. до н. э. и поздним средневековьем почти ограничиваются сооружениями, которые в той или иной степени связаны с культом.

Данные изобразительного искусства от времени между III в. до н. э. и VII в. н. э. довольно отчетливо выявляют взаимосвязи в развитии культового и гражданского зодчества в период древности и раннего средневековья.

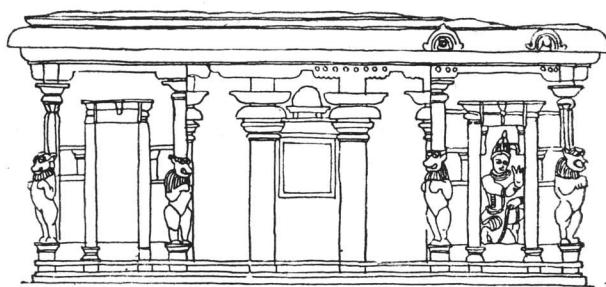
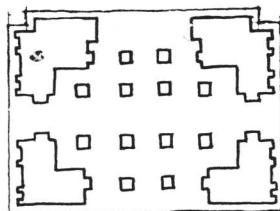
При сопоставлении всех имеющихся данных по жилищному строительству: археологических сведений по культуре Хараппы, Таксилы, древнеиндийских текстов «Шильпашастра» и данных изобразительного искусства обнаруживается довольно любопытный факт: на протяжении многих столетий, в различных районах Северной и Южной Индии встречаются одни и те же типы и формы жилой постройки, оказавшие впоследствии довольно сильное воздействие на формирование культовой архитектуры.

Консерватизм в жилищном строительстве проявляется больше, чем в других областях архитектуры. Это вполне естественно, почти постоянными остаются те факторы, которые обусловили его характер: климат, природно-географическая среда, быт, образ жизни и в результате всего сложившийся психический склад народа. И все же эта типологическая устойчивость является поразительной, если учесть большие территориальные размеры Индии, разнообразие климатических и других условий в различных ее районах.

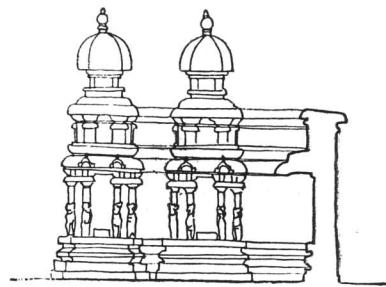
Характерный тип жилья сложился в результате оседлого образа жизни, связанного с основным занятием жителей — земледелием в плодородных долинах Инда и Ганга, богатых лесами и глиной. Установившиеся каноны и традиции, освященные религией, помогли закрепиться определенным типам построек и распространиться по всей

Мамаллапурам. План и фасад скальной мантапам, VII в. н. э.

Канчиipuram. Мантапам — зал для молящихся в комплексе Кайласанатха, VIII в. н. э. План и фасад

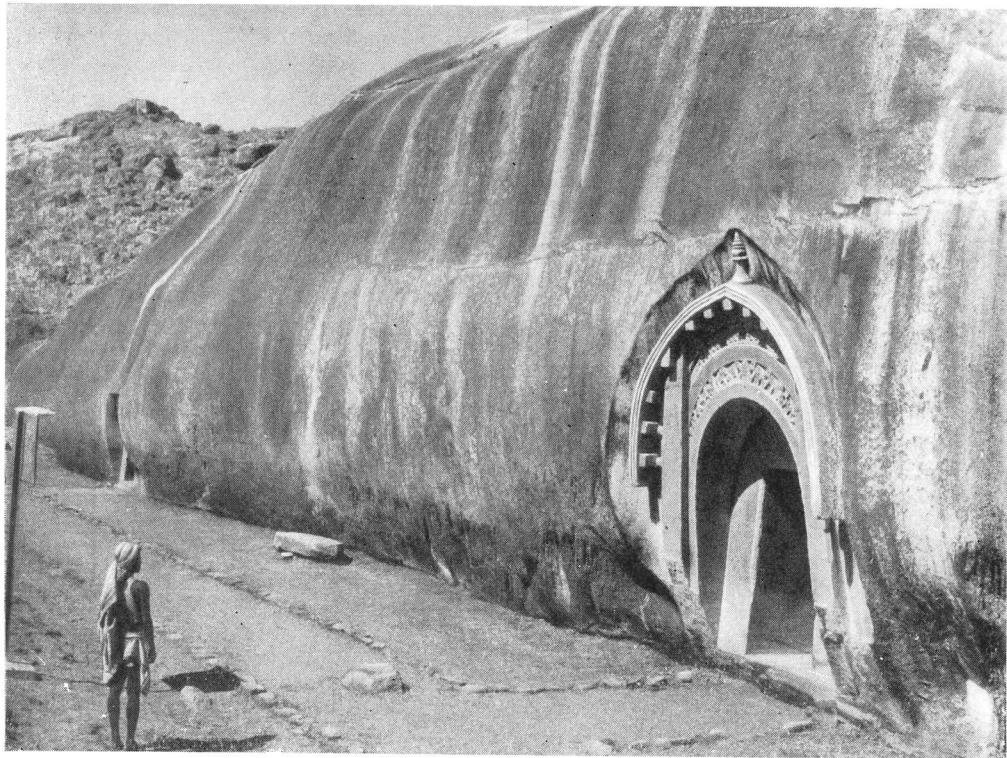

стране. Совершенно очевидно, что эти виды построек могли сложиться в результате использования одних и тех же строительных материалов и выработанных в результате их применения конструктивных форм перекрытия, стен и других частей здания.

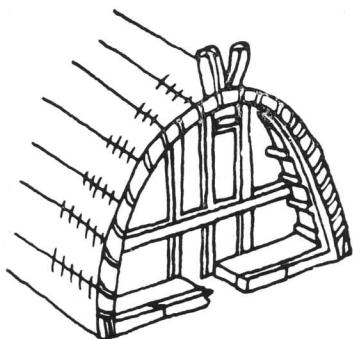
Ранние сооружения, высеченные в скалах от III—II вв. до н. э. в Сита Мархи (Сон-Бхандаре), Ломас Риши (в скалах Барабара, штат Бенгалия), обнаруживают необычайное сходство с современным жилищемaborигенных племен тода.

Продолговатое в плане жилище тода имеет сводчатое перекрытие, устланное толстым слоем тростниковой соломы. С одного торца подковообразного очертания между каркасными стойками прорезан входной проем.

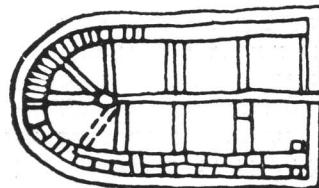
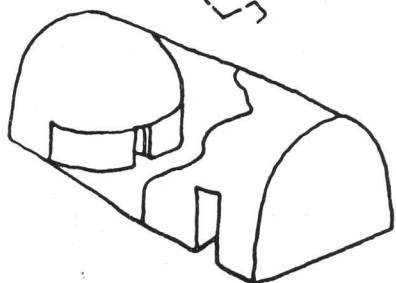
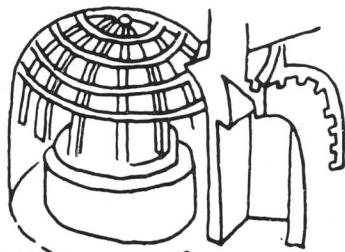
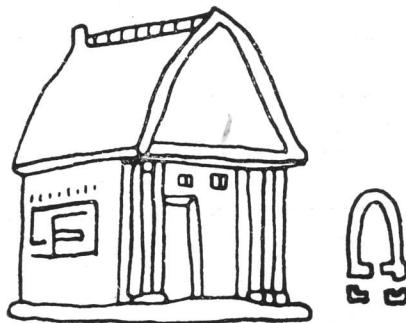
В пещерном храме Ломас Риши мы видим тоже вытянутое в плане помещение, перекрытое сводом и имеющее вход с торца.

Ломас Риши. Пещерный храм, III в. до н. э.

Современное жилище
аборигенных племен тода

Перахора. Модель греческого дома,
VIII в. до н. э.

Гунтупалле. Пещерные сооружения,
I в. до н. э. Сон-Бхандор

Среди скальных сооружений II в. до н. э. — II в. н. э. в Аджанте, Бхадже, Питалхоре, Насике, Бедсе, Канхери, Кондайне, Карли, Аджанте и других местах широкое распространение получил так называемый тип чайтья, чаще всего известный как храм последователей буддизма, внутри которого ставился предмет их культа — монолитный ступа.

Чайтъя главным образом характеризуется наличием сводчатого перекрытия над помещением, продолговатым в плане. Обычно свод поддерживал каркас из согнутого бамбука или дерева. Большие пролеты перекрывали арочные деревянные фермы. Торцовый фасад заканчивался аркой в форме подковы. В нем устраивался оконный проем, получивший также название чайтъя.

Существовало несколько видов здания типа чайтъя и в основном они различались по плану: одни имели с одного торца апсиду и покатую вальмовую над ней крышу, другие чайтъя были без апсиды. Плановая композиция изменялась в зависимости от расположения входов, которые располагались или со стороны торца или в продольной стороне.

Классическим образцом чайтъя признан буддийский храм в Карли, высеченный в скале в 50 г. до н. э. По плану и своим формам чайтъя в Карли напоминает христианскую базилику. Продолговатый трехнефный зал закруглен в торце апсидой. Перед входом имеются вестибюль и открытый дворик. Перекрытием для чайтъя служит свод, выведенный по деревянным арочным фермам, или по изогнутым дугой деревянным ребрам.

Форма чайтъя с апсидой могла образоваться в процессе развития при соединении круглой и продолговатой в плане построек. И тот и другой тип построек был, по-видимому, распространен в древнем жилищном строительстве Индии.

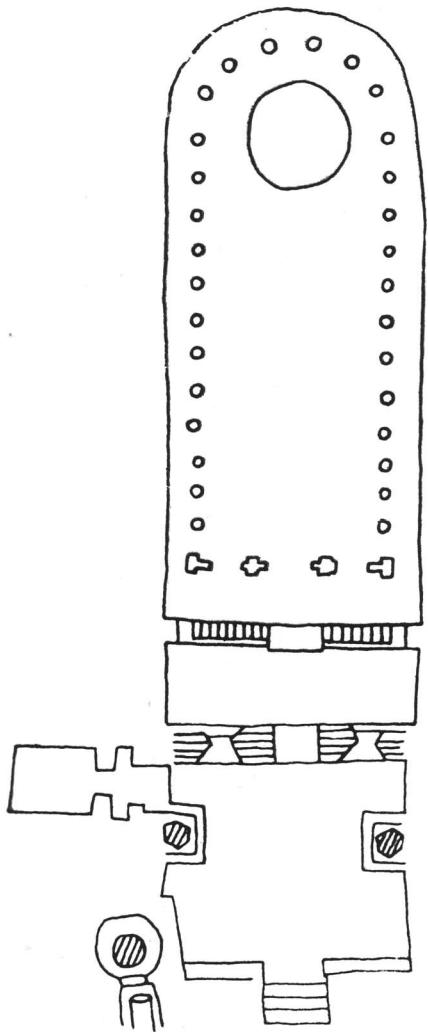
Пример пещерного храма в Гунтупалле (II в. до н. э.), в котором круглое в плане помещение соединено с прямоугольным сводчатым, предполагает подобный вариант происхождения чайтъя. Не исключено также, что чайтъя по своим формам принадлежит к исходному типу жилого дома эпохи варварства. В этом нас убеждает наличие подобного типа жилья в античной Греции, представленного в найденной при раскопках модели постройки из Перахоры, датированной VIII в. до н. э.¹.

В предполагаемой конструкции модели жилого дома из Перахоры мы видим каркас, заполненный бутовой кладкой, в центре апсидального закругления стоящий деревянный столб, поддерживавший изогнутые деревянные стропила.

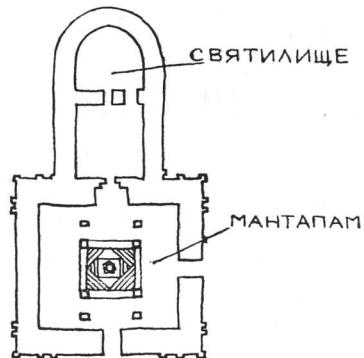
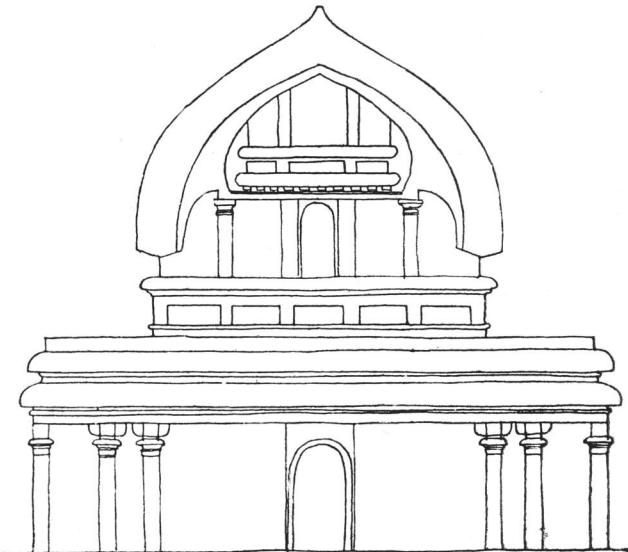
В буддийском храме типа чайтъя в центре апсиды на месте столба стоит ступа. Причем необходимо отметить, что целый ряд внутри стоящих столбов в буддийских чайтъя лишен конструктивного смысла: столбы стоят независимо от верхнего перекрытия, опирающегося на стены.

По-видимому, введение столбов в плановую композицию было вызвано функциональными соображениями буддийского культа — соблюдения специфического ритуала прадакшины (церемониального обхода предмета культа).

¹ Всеобщая история архитектуры, т. II. М., 1949, стр. 21.

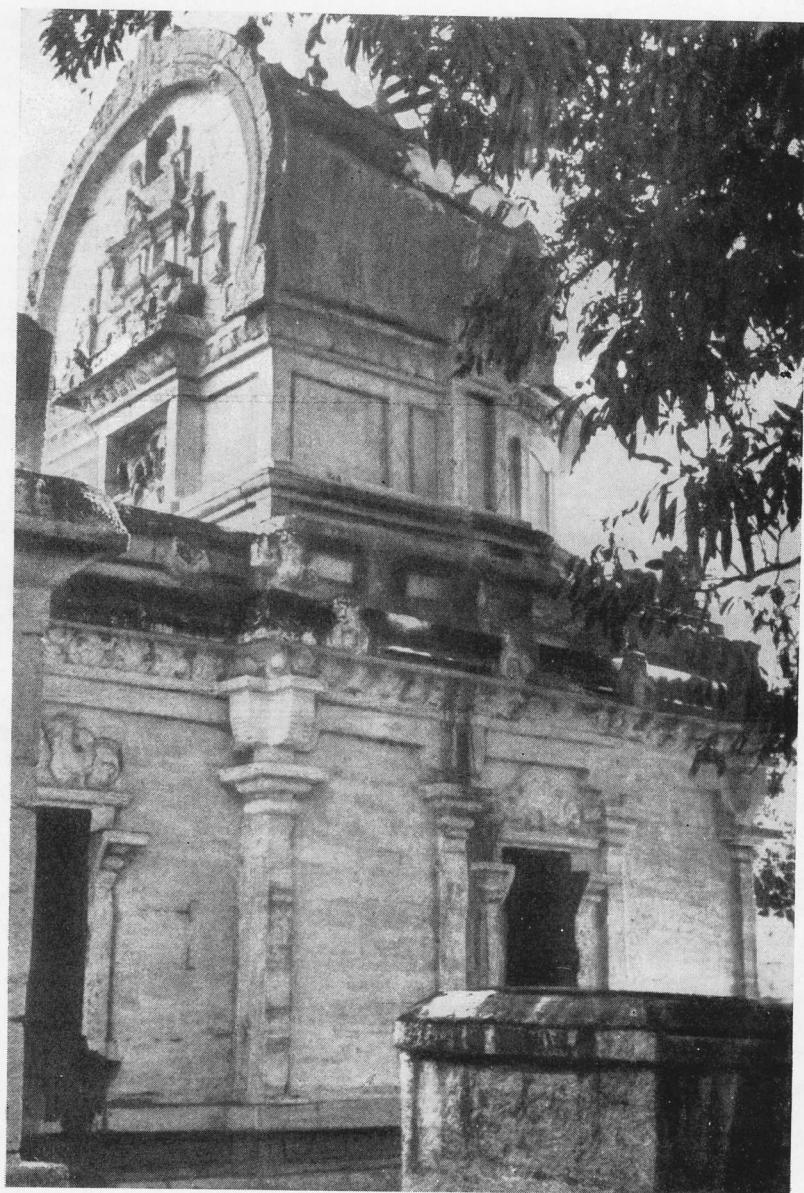

Канхери. Скальный буддийский храм-чайтъя, II в. н. э. План

200 0 200 800 см.

Тер. Кирпичный храм типа чайтъя, V в. н. э. План, фасад

Тируттани. Храм типа чайтья, сложенный из камня, VIII в. н. э.

Материалов, по которым можно составить представление о внешнем облике зданий древней Индии, существовавших до III в. до н. э., не имеется. Тем более ценно единственно уцелевшее со временем древнейшей культуры Хараппы изображение деревянного здания, случайно обнаруженное на одной из печатей в Мохенджо-Даро. Здание, перекрытое сводом и увенчанное шпилями с окнами, заполненными деревянной или алебастровой решеткой, имеет выступающий впереди портик или веранду с плоской кровлей.

Весьма примечательным является факт: изображение здания со сводчатым перекрытием, увенчанным шпилями, встречающееся в Мохенджо-Даро, III в. до н. э., становится лейтмотивом в рельефах Бхархута, Санчи, II в. до н. э. — I в. н. э., живописи Аджанты и скальных сооружениях VII в. Мамаллапурала, так же как и характерный для торца этих зданий фронтон арочного очертания — чайтья.

Интересно отметить, что подобные сводчатые постройки и арки чайтья, запечатленные в рельефах парапетов памятников Аджанты, Мамаллапурала и Канчипурала стали неизменными декоративными мотивами средневековых южноиндийских храмов, как бы постоянно напоминая о далеком прототипе этих сооружений — древнейшем типе жилья. Те же архаичные формы народного жилища прослеживаются в импозантных храмовых башнях — гопурам XVII в.¹, органически слившихся с южноиндийским пейзажем.

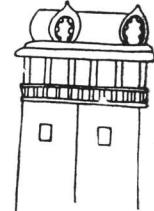
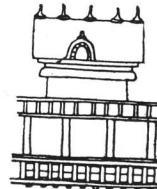
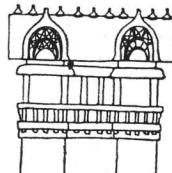
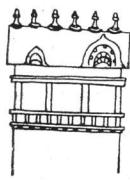
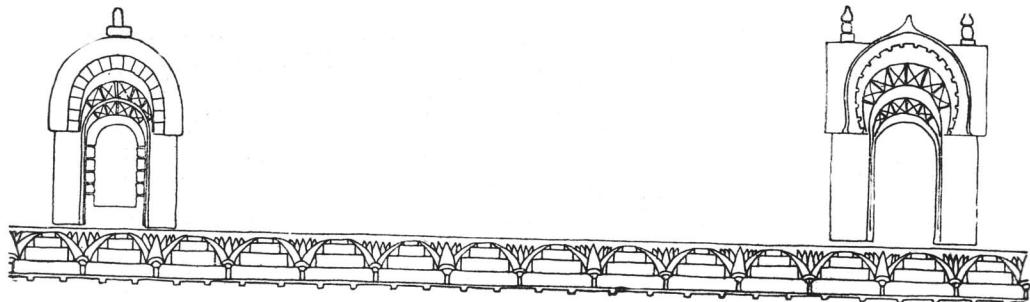
По росписям Аджанты можно установить несколько видов построек, оформляющих вход — гопурам, от простой глинобитной или кирпичной оштукатуренной стены с прорезанным для входа проемом и покрытым сверху толстым слоем тростниковой соломы до более сложного сооружения из тех же материалов, но имеющего внутри помещение для сторожа и более сложное перекрытие сводчатой формы. Вход располагается иногда с торцов, но чаще всего в поперечном направлении. Подобные входные пилоны — гопурам, поставленные по четырем странам света вокруг ступа, встречаются в Амаравати и других южноиндийских ступах.

Точно такие же формы входного пилона видим в храмах Мамаллапурала VII в. и Канчипурала VIII в.

На стенописях зала № 9 показана деревенская или городская усадьба с внутренним двориком, который образуется постройками подобными гопурам, имеющим уже здесь хозяйственное или жилое назначение.

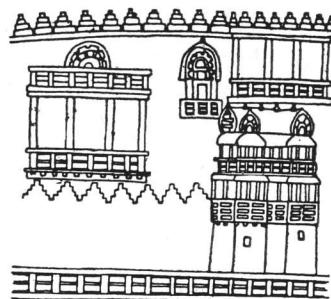
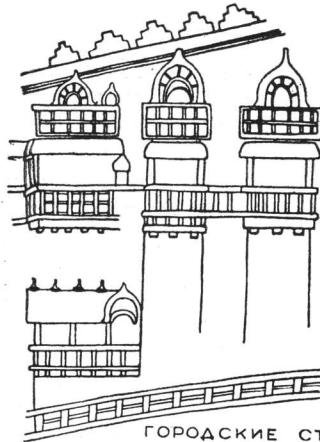
Сводчатая постройка изображена в рельефе парапета пещерных сооружений Мамаллапурала.

¹ Гопурам — принято называть надвратную башню в храмовых комплексах южной Индии. Это название происходит от деревенских ворот, через которые пропускали скот. Го — буквально означает корова, пура — город.

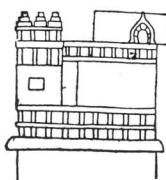
ЖИЛЫЕ ПОСТРОЙКИ В РЕЛЬЕФЕ НА ВОСТОЧНЫХ ВОРОТАХ БОЛЬШОЙ СТУПА В САНЧИ 1 В. ДО Н.Э.

ГОРОДСКИЕ СТЕНЫ В РЕЛЬЕФЕ БОЛЬШОЙ СТУПА В САНЧИ 1 В ДО Н.Э.

КРЕПОСТНЫЕ СТЕНЫ В РЕЛЬЕФЕ НА СЕВЕРНЫХ ВОРОТАХ БОЛЬШОЙ СТУПА В САНЧИ 1 В ДО Н.Э – 1 В Н.Э

ГОРОДСКИЕ СТЕНЫ В РЕЛЬЕФЕ НА ЗАПАДНЫХ ВОРОТАХ БОЛЬШОЙ СТУПА В САНЧИ 1 В. ДО Н.Э – 1 В. Н.Э

ГОРОДСКИЕ СТЕНЫ

ГОРОДСКИЕ СТЕНЫ ГОРОДА КИСИНАГАРА (500 Г. ДО Н.Э.) В МАГАДХЕ В РЕЛЬЕФЕ НА ЮЖНЫХ ВОРОТАХ БОЛЬШОЙ СТУПА В САНЧИ

ХРАМ В РЕЛЬЕФЕ СТУПА В ВХАРХУТЕ 150 Г. ДО Н.Э

Бхархут. Рельефы на ступа,
II в. до н. э.

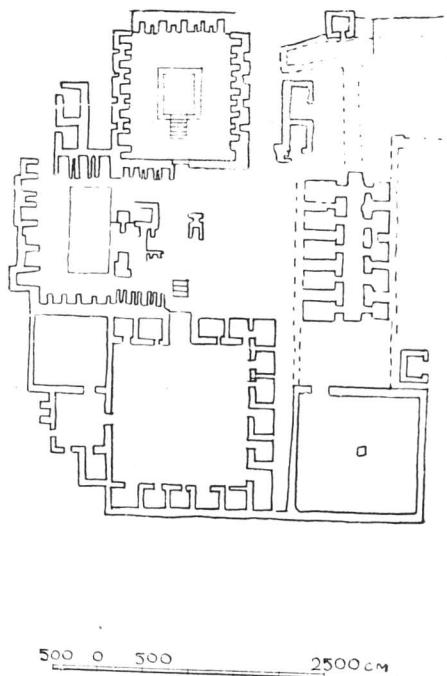
▼ **Бхархут и Санчи [таблица]**

Считают, что парапет в скальных сооружениях Мамаллапурама воспроизводит в миниатюре устройство монастырских келий. По углам ставились, судя по ратхам, кельи квадратные в плане, перекрытые четырехскатной крышей наподобие ратхи Драупади, а в промежутке между ними — продолговатые в плане, перекрытые сводом.

Представление о подобном сооружении дает изображение монастыря Джетавана на рельефах ступа в Бхархуте II в. до н. э., а также остатки буддийского монастыря в Такхт-и-Бахаи II в. до н. э.

Общежитие для монахов — сангхарама — обычно представляло собой застройку одноэтажными однотипными, примыкающими друг к другу самостоятельными объемами монашеских келий, расположеннымми, как правило, по трем сторонам прямоугольного двора, со ступа в центре. С четвертой стороны, открытой для входа, ставилась ограда с воротами. Наружные фасады обычно оставались глухими. Каждый объем кельи имел самостоятельное, чаще всего сводчатое, перекрытие. По своей планировке монастырь мало чем отличается от планировки деревенского комплекса жилых и хозяйственных построек, описанных в древнейшей литературе и изображенных также на стенописях зала № 9 в Аджанте.

В планировке пещерных сооружений монашеского общежития — сангхарама — повторяется тот же принцип, характерный для наземного одноэтажного монастыря: двор заменяет большой центральный зал

Таксила. План монастырского комплекса,
II в. до н. э.

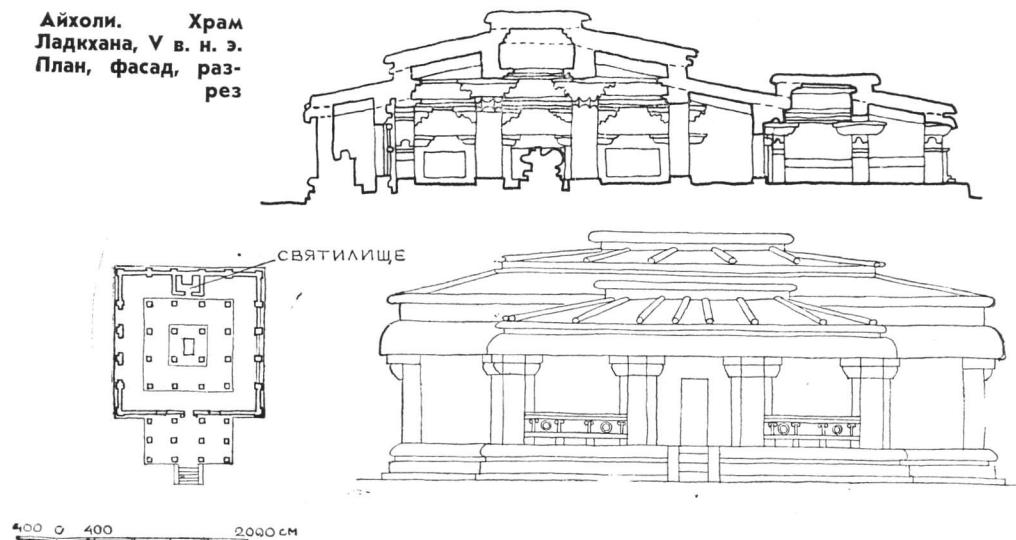
держиваемой столбами, без наружных стен. Зал был огражден балюстрадой и приподнят от земли на высокий цоколь. Возможно, сантхагара в деревне была единственным общественным зданием, где происходили открытые заседания старейшин, в которых могло принять участие остальное население. В центре зала находилось председательское место, вокруг него размещались каменные или деревянные скамьи. Храм Ладжхана сохранил характерную для этого сооружения планировку, только наружные столбы превратились в пилястры, появились стены с окнами, заполненными ажурной решеткой. В интерьере нет скамей, они имеются лишь во входном портике. По всей вероятности, сооружения подобного типа использовались буддийскими монахами в своих целях.

с плоским потолком, окруженный с трех сторон небольшими помещениями келий, а иногда имеющий внутреннюю колоннаду. Вход в вихару оформлял портик-терраса с одним рядом массивных столбов (такой тип вихары известен в Канхери, Насике, Аджанте).

В росписях зала № 1 обращает внимание небольшой, квадратный в плане павильон с четырьмя колоннами и интересной конструкцией двухъярусного перекрытия с отверстиями, очевидно, предназначенными для вентиляции или верхнего света. Павильон напоминает храм Ладжхана в Айхоле, такой же квадратный в плане и с тем же видом перекрытия (подобное перекрытие встречается в Орисском храме Парасурамешвара 700 г.). Предполагают, что прототипом храма Ладжхана в Айхоле послужила сантхагара — зал городского совета старейшин (или деревенской общины), известный по древнеиндийской литературе¹. Судя по описаниям, сантхагара имел вид открытого зала с плоской или четырехскатной крышей, под-

¹ Cambridge Aistory of India, vol. 1, p. 176.

Айхоли. Храм
Ладжхана, V в. н. э.
План, фасад, раз-
рез

В условиях недостаточности материалов по гражданскому строительству древности и средневековья неоценимое значение приобрели монолитные сооружения VII в., так называемые ратхи¹ Мамаллапурама. Это по существу глыбы скал, обращенные резцом скульптора в архитектурные произведения. В скале в натуральную величину были воспроизведены вместе с интерьером наружные формы не дошедших до нас построек с фахверковыми стенами с глинобитным или кирзовым заполнением, покрытых штукатуркой с деревянным сводом, крытым толстым слоем тростниковой соломы. Лонгхерст о них пишет: «Здания, которые скульпторы приняли за образец подражания в скале, стояли на каменном цоколе, имели деревянный каркас с заполнением стен кирзовом или глинобитным материалом и были снаружи и внутри оштукатурены и побелены с раскраской декоративных деталей. Дверные порталы, оконные перемычки, пилasters и вся конструкция верхнего перекрытия — деревянные. Крыши были покрыты медными тонкими листами, укрепленными по краям металлическими пластинками, иногда позолоченными. По коньку крыши устанавливался ряд деревянных по-крашенных или позолоченных шпилей»².

По ратхам Мамаллапурама можно установить характер различных видов сооружений от простого крестьянского жилища до крупного мно-

¹ Ратха в переводе означает колесница, имеется в виду та, на которой вывозят статую божества в дни религиозных процессий.

² Longhurst. Pallava architecture, M. of the A.S.I., № 33. Здесь и в дальнейшем перевод принадлежит автору.

гоэтажного здания общественного значения. По своему функциональному назначению ратхи должны были служить храмами (за исключением Бхимы-ратхи), посвященными различным богам.

Если сопоставить воспроизведенные в скальных сооружениях Мамаллапурама архитектурные формы и виды построек с изображениями на рельефах ступа в Бхархуте и Санчи, а также на стенописях Аджанты, то предстанет удивительная картина, в которой трудно будет отличить гражданское здание от культового. Только человек, знакомый с индийской мифологией, может по характеру декора и скульптуры на ратхах Мамаллапурама установить между ними разницу.

Ратха Драупади¹ представляет типичный деревянно-каркасный домик, перекрытый четырехскатной крышей. В то же время она удивительно похожа на храм, изображенный в рельефах Гангаватарана в Мамаллапураме и на стенах сооружений в Ундавалли и в Бхархуте. Этот простейший тип храма в виде одного святилища называют альпапрасада. Предполагают, что в ратхе Драупади был воспроизведен в скале деревенский передвижной храмик, который обычно вывозят в дни религиозных процессий, являющийся в свою очередь обыкновенной моделью крестьянского дома.

Подобные постройки (не квадратные, а круглые в плане) встречаются в рельефах Бхархута, а также в скальных сооружениях Ломас Риши и Гунтулалле. Вベンгальских деревнях и поныне строятся круглые амбары, напоминающие древние постройки. Приподнятые на каменный или глинобитный цоколь их стены из бамбука перевиты ивовым прутом, обмазаны глиной и имеют конусообразную крышу из тростниковой соломы и листьев.

Остальные ратхи, как считают многие исследователи, базируются на происхождении двух основных типов сооружений буддийского культа: монастыря-вихара и храма-чайтъя. С этим нельзя не согласиться, имея при этом в виду, что буддийские чайтъя и вихара в свою очередь основываются на более древнем прототипе — народном жилище.

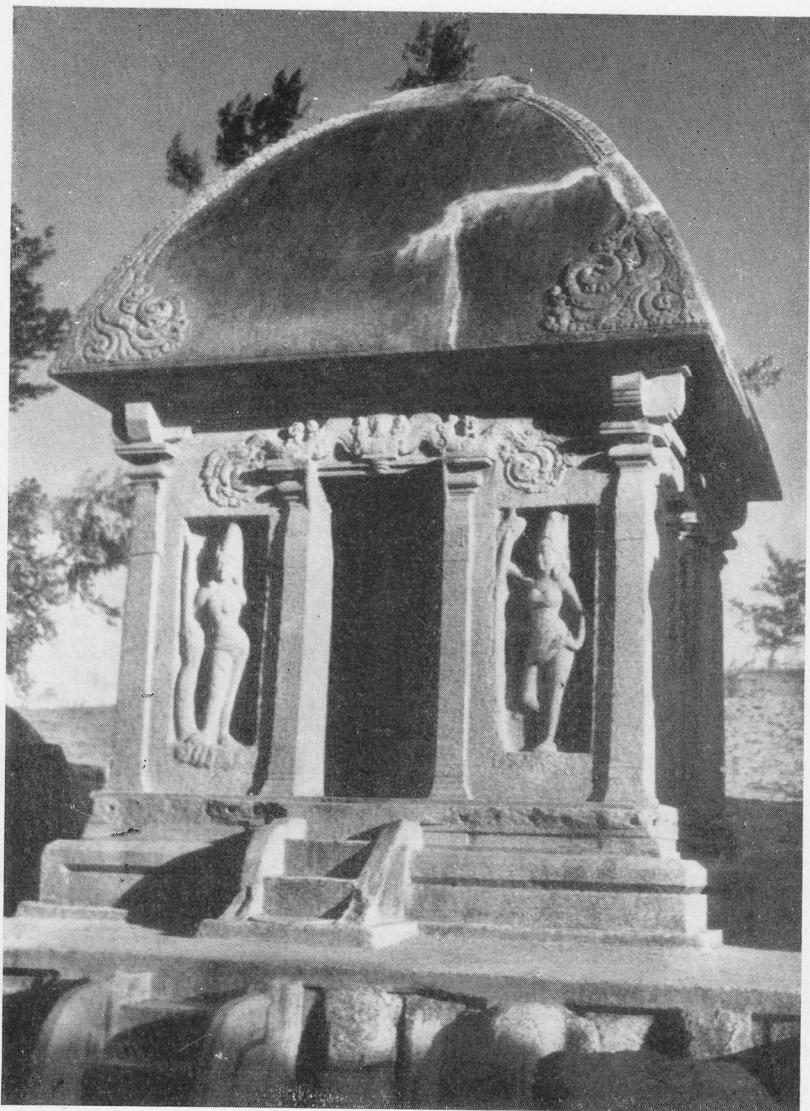
Из трех монолитных ратх типа чайтъя лучше всего воспроизводят эти формы ратха Накула-Сахадиева. Ей подобны уцелевшие два кирпичных храма в Тере, Тируттани и храм Капотешвара в Чезарле, датированные IV—V вв. В отличие от ратхи Накула Сахадева ратхи Бхима и Ганеша² не имеют апсиды, а перекрывающий их свод с обоих тор-

¹ Названия ратхам были присвоены позднее по именам пяти героев эпоса «Махабхарата». Ратха Драупади по всей вероятности была храмом богини Дурги.

² Ратха Ганеша отстоит от комплекса пяти ратх (Драупади, Арджуна, Дхармараджа, Бхима и Накула Сахадева) примерно на 600 м и служит жителям местной деревни храмом, посвященным богу Ганеше, до наших дней.

Мамаллапурам. Монолитные сооружения. Ратхи Драупади, Арджуна, Бхима,
Пхармаджа и Накула-Сахадева. VII в.

Мамаллапурам. Монолитное сооружение ратха Драупади, VII в. н. э.

Деревня близ Калькутты. Современная постройка амбара

цес заканчивается арочными фронтонами. Несмотря на большее сходство ратхи между собой несколько различаются.

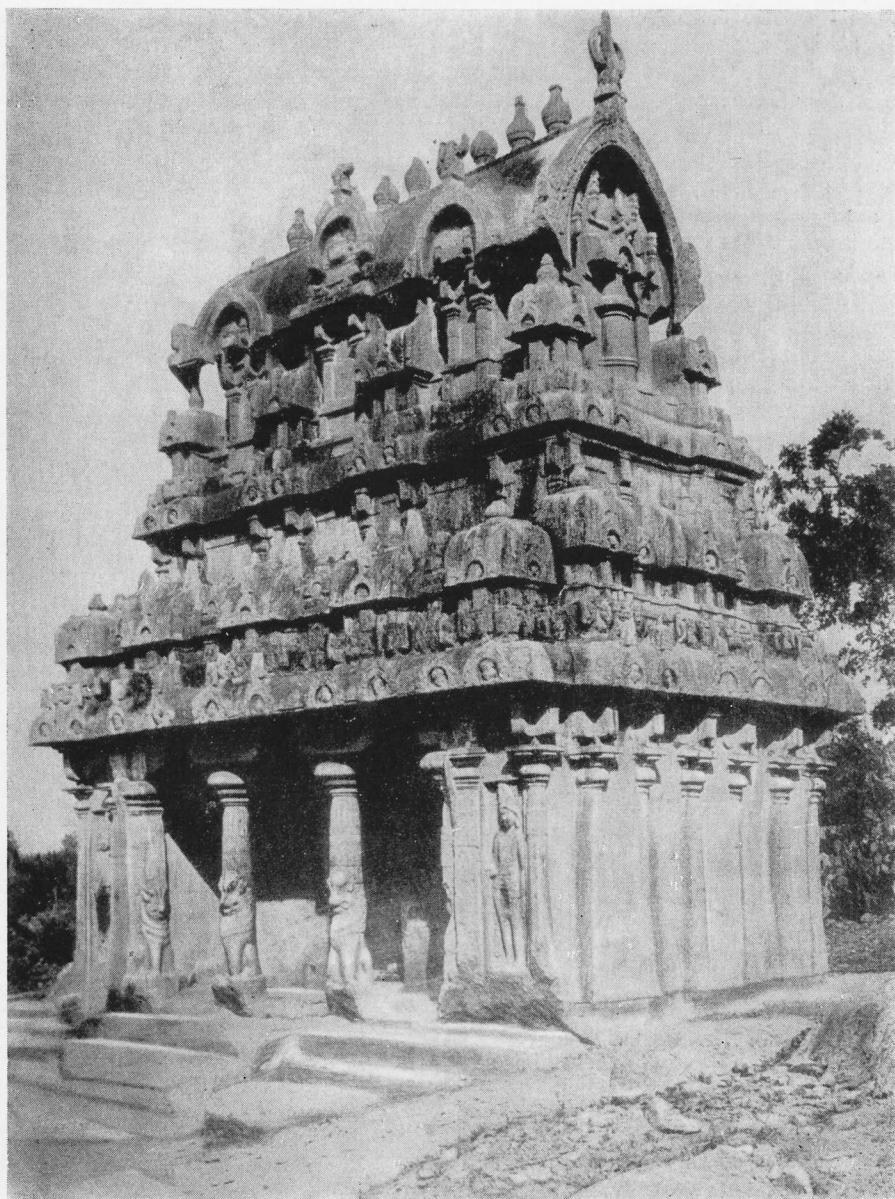
Ратха Ганеша — одноэтажное сооружение с трехъярусным башенным верхом декоративного характера. Внизу помещается целла, вход в которую устроен не в торцах, а в продольной стороне. Торцовые и задняя стены оставлены глухими и декорированы часто расставленными

Мамаллапурам. Монолитная ратха Накула-Сахадева и фрагмент фронтона ратхи Бхимы,
VII в. н. э.

тонкими пилястрами. По бокам входа расположены ниши со скульптурными изображениями стражников — дварапалами. Считают, что ратха Ганеша послужила прототипом надвратной башни — гопурам, оформляющей вход в южноиндийский храмовый комплекс.

Ратха Бхима, оставшаяся незаконченной, — двухэтажная; на первом этаже, очевидно, предполагается многоколонный зал, открытый с четырех сторон. На втором этаже на стенах изображены в рельефе дверные и оконные проемы, обрамленные пилястрами, выходящие на плоскую крышу, огражденную парапетом, составленным из миниатюрных моделей двух типов зданий: чайтъя и альпапрасада (подобного ратхе Драупади). На стенах ратхи Бхимы отсутствуют какие-либо скульптурные изображения и не обнаруживается вообще каких-либо признаков, указывающих на ее назначение, возможно, она служила приютом для паломников. Ратха Бхима — это уже усовершенствованная в течение

Мамаллапурам. Монолитная ратха Ганеша, VII в. н. э.

многих веков чайтья, которая могла служить крупным общественным зданием с верхним светом и большим внутренним пространством, перекрытым сложным деревянным сводом. Интерьер подобного сооружения легко представить по многочисленным примерам пещерного зодчества в Карли, Аджанте и других местах, где чайтья служила в качестве буддийского храма.

Ратхи Арджуна и Дхармарараджа (последняя 10 м высотой) воспроизводят в монолите скалы трех и четырехэтажное здание башенного типа пирамидально-ярусной композиции. К сожалению, интерьер остался не законченным, но можно представить, что в центре каждого этажа должен был помещаться общий зал со стоящими внутри столбами, поддерживающими перекрытие. Снаружи этот зал окружала открытая терраса, опоясанная со всех сторон крошечными помещениями (которые могли служить кельями).

Письменные источники свидетельствуют о широком распространении таких зданий в Индии. В архитектурном трактате «Манасара»¹ при-

Мамаллапурам. Монолитная ратха Бхима, VII в. н. э., западный фасад

Мамаллапурам. Монолитная ратха Бхима, VII в. н. э., юго-восточный фасад

водится несколько видов многоэтажного здания, чаще всего квадратного в плане, пирамидально-ярусной композиции, в одинаковой степени предназначенного для культовых и гражданских целей. Интересно сравнить дворцовую башню (она служила женскими покоями) XVI—XVII вв. в Танжуре, с шикхарой (башенным верхом) Большого храма (Брихадешвара) XI в., расположенного в том же городе. В шикхаре сохраняется тот же пирамидально-ярусный характер, только реальная этажность, свойственная гражданским зданиям, в храме исчезла, она стала иллюзорно-декоративной, изображаемой на внешней поверхности шикхары (она полая внутри). Таким образом, здесь формы, имевшие утилитарный и конструктивный смысл, превратились в декоративные и под обильным пластическим убором с трудом угадываются структурные основы. Прототипом шикхары Большого храма так же, как и для

¹ Датированного VI в., в других источниках XI—XIV вв.

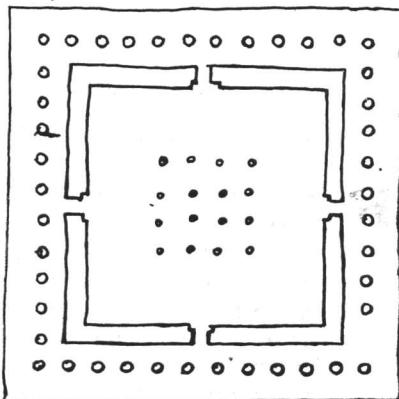
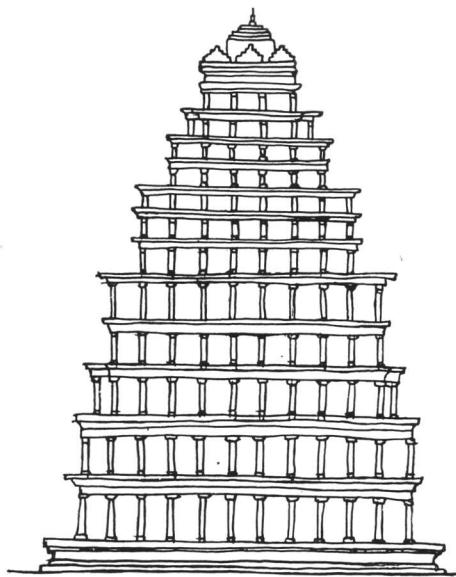
Мамаллапурам. Ратха Дхармаджка VII в.

других южноиндийских храмов, послужила монолитная ратха Дхармарараджа в Мамаллапураме.

Из письменных источников также известно, что сангхарама (или вихара) в крупных монастырских комплексах, как, например, в Наланде, Матхуре и других религиозных буддийских центрах, очень часто строилась в несколько этажей. В помещениях этих зданий не совершались культовые обряды и потому их вполне можно отнести к светским сооружениям.

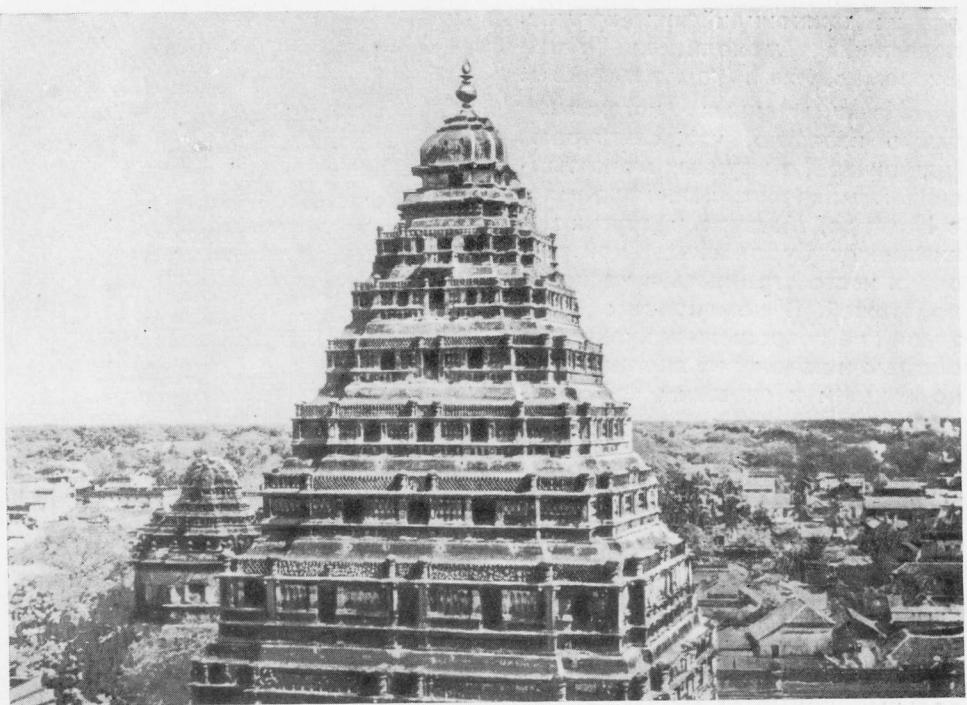
Фергюссон приводит реконструктивное изображение пятиэтажного наземного монастырского здания типа вихары, приняв за основу архитектурную композицию монолитной ратхи Дхармараджи в Мамаллапураме¹. Пещерные вихары, как правило, одноэтажные, но встречаются отдельные примеры многоэтажных в Ундавалле и Эллоре. Здесь помещения построены друг над другом в три или четыре этажа, сохраняя по фасаду пирамидально-ярусную композицию, по-видимому, в подражание существовавшим подобным наземным зданиям.

Представление о крупной монастырской многоэтажной постройке типа сангхарама (часто называемой вихара) дает китайский путешественник V в. Фа-Сянь, описывая грандиозное пирамидально-ярусное здание монасты-

Многоэтажное здание из трактата, Ман-сара [V—XI в. н. э.]. Рисунок по чертежу П. К. Ачария

¹ Fergusson S. History of Indian and Eastern architecture. London, 1910.

Танжур. Многоэтажная башня дворца, XVI в. н. э.

ря, виденное им в Пурушапуре¹, в котором количество внутренних помещений исчислялось сотнями. Так, на первом этаже число комнат достигало пятисот, а все последующие этажи имели на сто комнат меньше*. Это башенное сооружение было воздвигнуто над останками Будды императором Канишкой в I в. Здание имело кирпичное или каменное пятиэтажное основание высотой в 45 м и деревянную башенную надстройку в 13 ярусов высотой 120 м, увенчанную металлическим стержнем, на котором были укреплены медные позолоченные 25 зонтах высотой в 26 м. Таким образом, по этим данным общая высота башни достигала свыше 191 м**.

Этот памятник по своей красоте и размерам был единственным сооружением подобного рода в Индии и являлся одним из чудес Азии

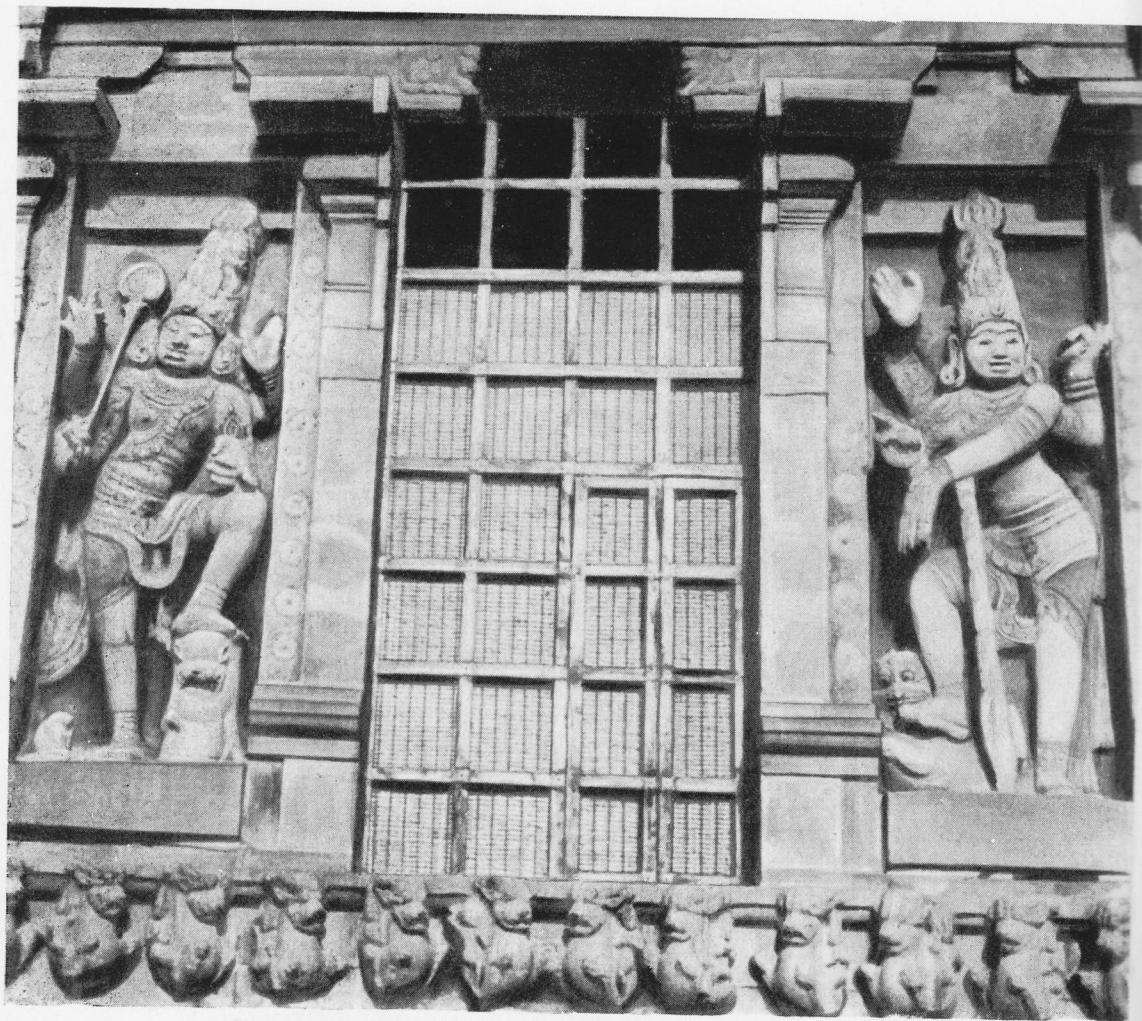
¹ Современное название Пурушапура — Пешавар.

* Brown P. Indian architecture, vol. 1, p. 53.

** Луня Б. Н. История индийской культуры с древних веков до наших дней. М., 1960, стр. 185.

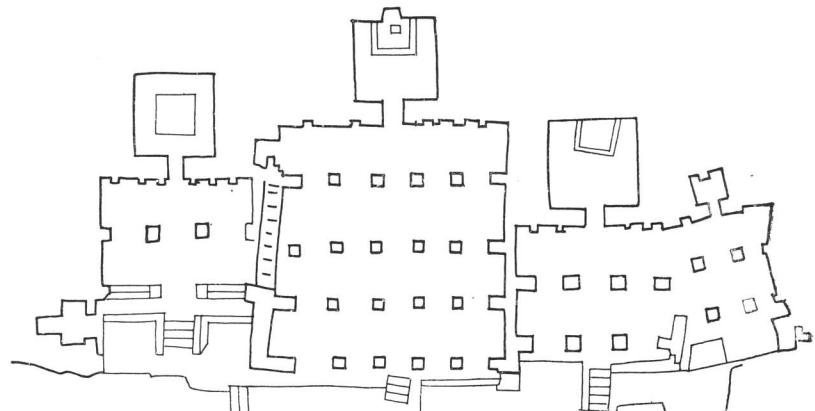
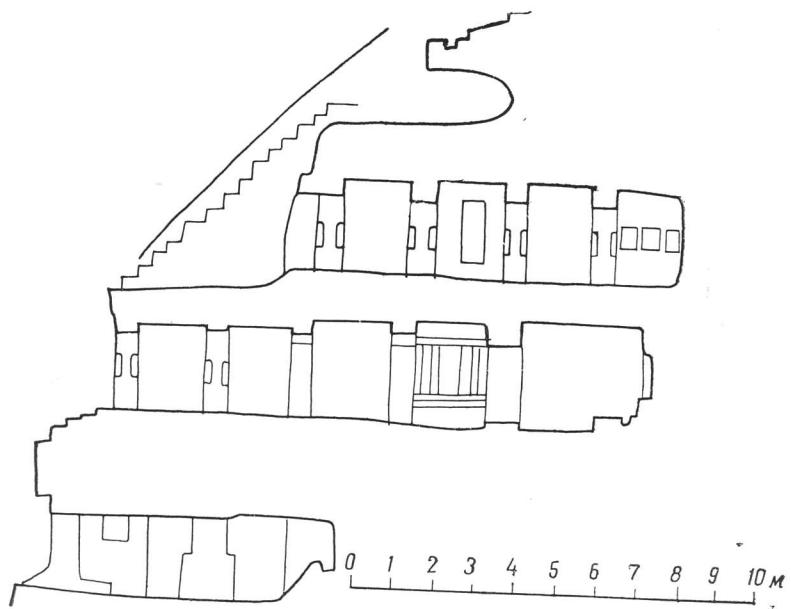
Танжур. Многоярусная башня-шикхара над святилищем Большого храма, XI в. н. э., фрагмент

Танжур Большой храм [Брихадешвара] XI в. Фрагмент наружной стены.

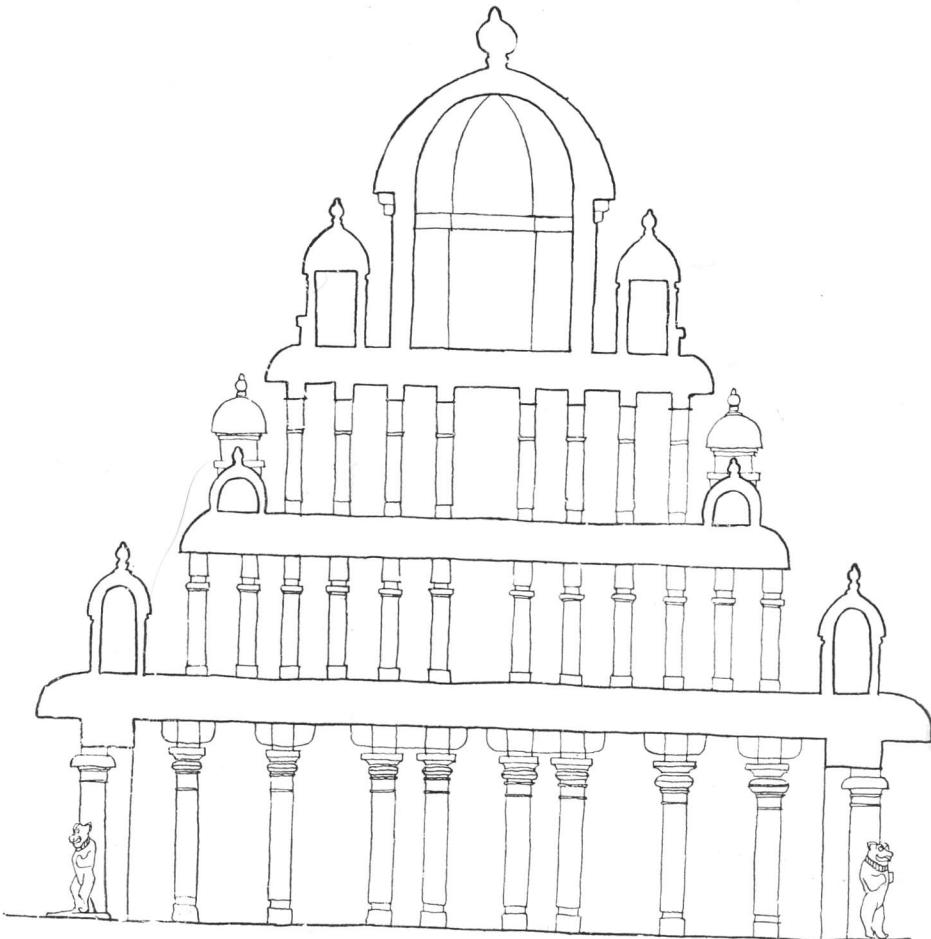

Танжур. Большой храм [Брихадешвара] XI в.

0 2 4 6 8 10 м

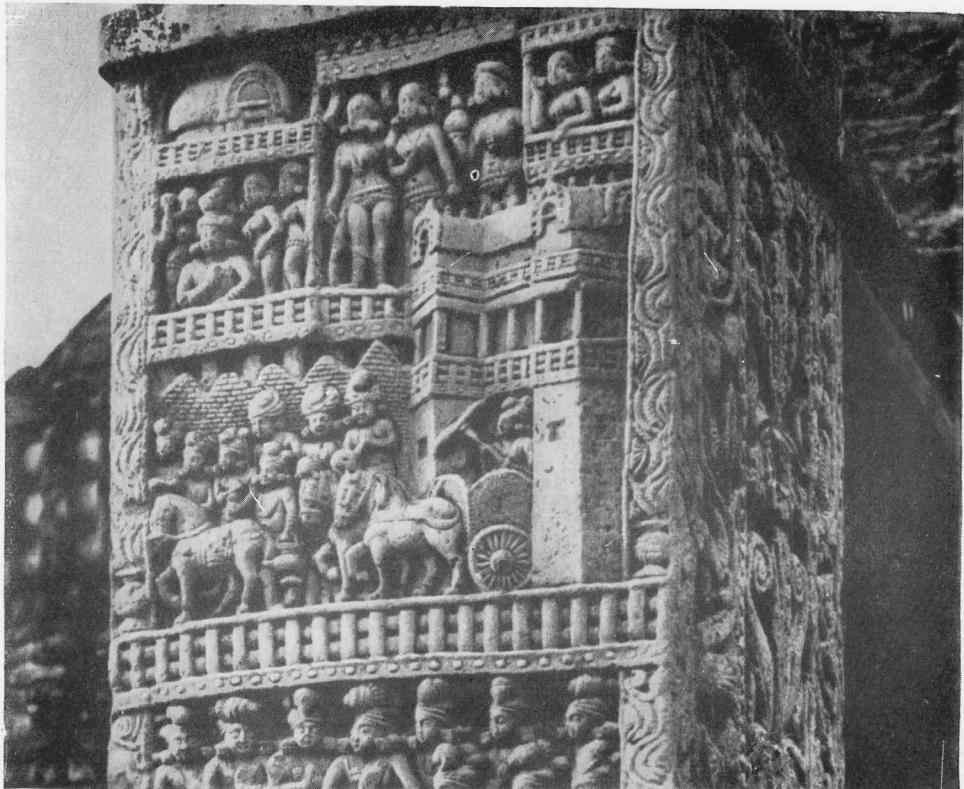
Удайгири. Скальный храм, IV в. н. э. План и разрез

Пурушапур. Предполагаемая реконструкция Фергюсона многоэтажного монастырского здания, II—III в. н. э.

в древнее время. Башня была полностью разрушена и сохранилась лишь ее описание. Несмотря на возможное преувеличение, оно является для нас важным свидетельством того, что индийские зодчие были искусными и опытными мастерами строительства многоэтажных высоких зданий.

Башня будд

Санчи. Рельефы с изображениями городских построек на восточных воротах ступа I в. до н. э.

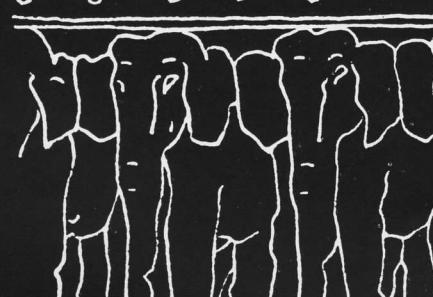
В Наланде сохранились руины огромного монастырского ансамбля.

Здесь были сосредоточены здания храмов, ступа, общежитий для монахов и студентов, гостиниц и зданий другого назначения, судя по описаниям китайских путешественников Фа-Сяня, V в., и Сюань-Цзана, VII в. Наланда оставляла сильное впечатление на современников. По словам Сюань-Цзана **, огромные архитектурные комплексы были окружены высокими кирпичными стенами с выходами, защищенными прочными воротами. В центре комплекса возвышалось большое учебное заведение с примыкающими к нему восемью отдельно стоящими просторными залами. Сказочно красивые павильончики увенчивали ве-

ликолепные, ярко раскрашенные многоэтажные здания. Среди них выделялась обсерватория, касавшаяся, по словам Сюань-Цзана, своим башенным верхом облаков. Многочисленные помещения для священнослужителя и наставников, сгруппированные вокруг внутренних двориков, отличались богатством убранства: расписные карнизы, резная балюстрада, красные столбы, покрытые резьбой и живописью, на крышах блестела и переливалась тысячами оттенков яркая цветная черепица. Отдельные здания были выше 60 м, и в одном из них — пятиэтажном — стояла медная статуя высотой 24 м. Крыши были покрыты, возможно, позолоченной медью или цветной черепицей. Во внутреннем убранстве применялись драгоценные камни и самоцветы. Деревянные колонны и балки ярко раскрашивались (часто в красный цвет). Описание построек в Наланде вполне можно отнести к сохранившимся в Непале и в Бхадгаоне многоярусным пагодам из темно-красного кирпича, крытым яркой черепицей или листовой медью, имеющим внутри деревянные колонны, покрытые декоративной резьбой. Самое высокое здание в Наланде, достигавшее высоты около 90 м, являлось одним из крупнейших сооружений своей эпохи.

Таким образом, используя все имеющиеся в нашем распоряжении данные, мы пытались представить картину жилищного строительства от простого крестьянского жилища до крупного дворцового комплекса. Социально-экономические изменения, происходившие в V—VIII вв. в индийском обществе, не могли затронуть основ гражданского строительства. Крестьянские жилища, дома городских жителей, усадьбы и дворцы строились в старых традиционных формах с использованием тех же материалов.

Монументальная архитектура V—VIII вв.

охранившиеся памятники Индии от древности и средневековья (почти до XI в., кроме городов Хараппы, Таксилы и отдельных городов, уцелевших в руинах) ограничиваются культовыми сооружениями. Сам факт преобладания в Индии среди сохранившихся архитектурных памятников сооружений культа создал благоприятную почву для распространения идеалистических взглядов на индийскую архитектуру как в отношении ее сущности, так и относительно ее генезиса.

Главной характерной особенностью индийской архитектуры большинством зарубежных искусствоведов признается ее религиозно-мистическая сущность.

Известный современный специалист по искусству Индии Стелла Крамриш пишет: «Все архитектурные формы храма предназначены выражать религиозную символику»¹. Целый ряд различных толков вокруг своего происхождения вызывал ступа. Отдельные искусствоведы предполагают, что ступа символизирует небесную полусферу, другие находят сходство ступа с мыльным пузырем и считают, что в ее формах выражалась тщета мирской жизни. Современный английский историк Беншем возражает против подобных толкований идеалистического порядка. Он пишет: «Пристрастие к космическому символизму в Индии замечалось с ведических времен и в результате этого сложились символические толки в отношении ступа и храма, но мы не верим, — продолжает он, — что космический символизм играл большую роль в мышлении древнего индийского архитектора»².

¹ Kramrisch. S. The Hindu Temple vol 1, p. 167.

² Coomaraswamy A. Indian and Indonesian art, p. 97.

А. Бешем считает, что в распространении идеалистических взглядов на индийскую архитектуру повинна главным образом древнеиндийская литература, на которую опираются в своих исследованиях Хавелл, Кумарасвами, Крамриш и другие, но, как пишет Бешем «...древнеиндийское религиозное искусство резко отличается от религиозной литературы. Это естественно, так как литература создавалась монахами, брахманами и аскетами, а произведения искусства были делом рук светского ремесленника, воплощавшего в них, вопреки строгим канонам и инструкциям священников, свои понятия, свои идеалы»¹.

От древности и раннего средневековья сохранились в основном сооружения буддийского, брахманского и джайнского культов.

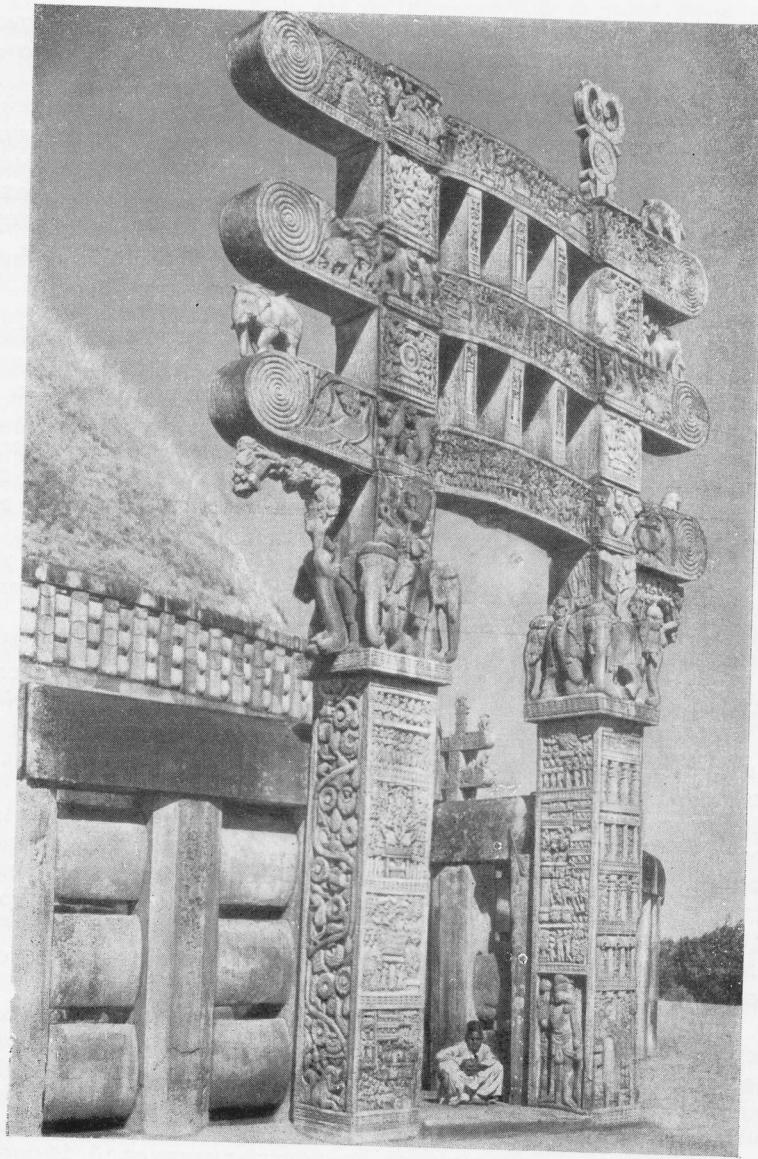
Это дало основание исследователям индийской архитектуры классифицировать все древнеиндийское и средневековое зодчество по религиозному принципу: на буддийское, брахманское и джайнское. Такая классификация, впервые принятая Фергюссоном в конце XIX в., получила широкое распространение. Ее придерживаются до настоящего времени авторы известных работ: Перси Браун, Роуленд. Ученые К. Пиллай Кумарасвами и другие считают неправильным классифицировать индийскую архитектуру подобным образом. «Различия в архитектуре основываются не на религиозной почве, а в зависимости от местных условий и времени ее создания»².

С их точкой зрения нельзя не согласиться. В классификации по религиозным различиям заложен внеисторический подход к таким явлениям, как архитектура и религия. В Индии, как известно, все три религии: буддизм, брахманизм (или индуизм) и джайнизм — пережили различные исторические эпохи и общественные уклады, каждый раз преобразовываясь в своем содержании и приспособляясь к новым условиям, изменяя свой религиозный ритуал и соответственно создавая новые типы культовых построек. Известно также, что из этих трех религий джайнизм никогда не занимал господствующего положения в индийском обществе и не создал в архитектуре своего, сколько-нибудь своеобразного типа сооружений.

Однако нельзя не признать того, что в определенные исторические периоды в монументальном зодчестве древней и средневековой Индии господствовали те или иные типы культовых построек. В эпоху расцвета рабовладельческих государств серьезную экономическую силу представляло буддийское монашество. Основными видами монументального строительства были сооружения буддийского культа: ступа, храм — чайтья и монастырь — вихара. В переходный период от древности к средневековью старые виды культового строительства отмирали и формировался новый, в котором воплощалась одна,

¹ Basham A. L. The wonder that was India London, 1956, p. 347.

² Coomaraswamy A. Indian and Indonesian art, p. 97.

Санчи. Ступа № 1. Восточные ворота — Торана, 150 г. н. э.

общая для всех религиозных направлений (буддизма, джайнизма и брахманизма), новая классовая, идеологическая концепция эпохи феодализма.

Новым видом культового сооружения стал храм и независимо от того, какую религию он представлял — буддийскую, брахманскую или джайнскую, в его архитектурных формах, композициях и методах строительства не обнаруживалось каких-либо существенных различий.

В период господства феодальных отношений огромные материальные средства сосредоточились в руках брахманского жречества, поэтому брахманский храм завоевал доминирующее место среди других сооружений культа.

Известные, сохранившиеся памятники раннего средневековья расположены в трех главных географических районах Индии: на Севере, в Северном Декане и на Коромандельском побережье (Крайний Юг).

1 На Севере, в основном на территории современных штатов Бихар, в Западной Бенгалии и Мадхия Прадеш (Центральная Индия), относящихся к бывшей империи Гупт (а затем — государства Харша), в городах Радж-Грихе, Наланде, Сарнатхе, Будх-Гайе, Санчи, Деогархе и других сохранились ступа, остатки буддийских монастырей и храмов, а также брахманских храмов, выполненных в кирпичной и каменной кладке, созданных между V—VII вв.

2 В Северном Декане, на территории нынешних штатов Бомбей, Андхра, Прадеш, Северной части Майсура и бывшего государства династии Чалукьев (а позднее Раштракутов), в городах Тере, Чезарле, Айхоле, Бадами, Паттадакале находятся храмы в кирпичной и каменной кладке, а в горных местностях Аджанты и Эллоры — монастыри и храмы, высеченные в скалах между 400—850 гг.

3 На Коромандельском побережье, в районе штатов Мадрас и Андхра Прадеш (до реки Кришна), на территории бывшего Паллавского государства сохранились храмы, созданные в VII в., и храмы, выполненные в каменной кладке в VIII в., сосредоточенные главным образом в городах Канчишураме и Махабалипураме.

На памятниках рассматриваемого периода прослеживается отмирание старых типов культовых построек со старыми методами строительной техники, а также зарождение и формирование нового ведущего типа культового зодчества — средневекового храма господствующей брахманской религии, выполненного в новой строительной технике — в каменной кладке.

Отмирание старых видов культовых сооружений. Что же представляли собой культовые сооружения раннесредневековой Индии? Буддийские постройки, господствовавшие в течение многих столетий, продолжали занимать очень большое место в монументальном строитель-

стве раннего средневековья. Их архитектурные формы сложились под влиянием форм народного и культового зодчества предшествующих эпох и не могли в свою очередь не повлиять на складывавшуюся архитектуру средневекового храма.

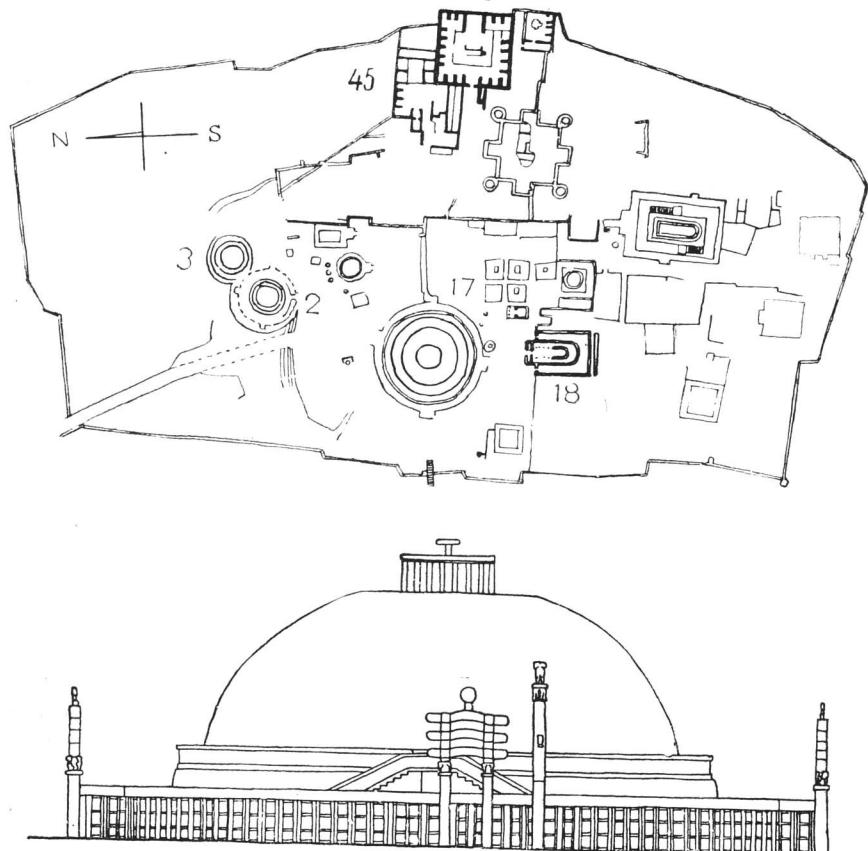
Из известных трех видов сооружений буддийского культа, возможно, ступа меньше всего повлиял на храмовую архитектуру. По своему функциональному назначению и монолитной форме ступа скорее приближается к скульптурному монументу, чем к архитектурному произведению. Это сооружение предназначалось для хранения буддийских реликвий или воздвигалось в честь лица или событий, чтимых буддистами. Ступа, как правило, возводился в форме полусфера на круглом или квадратном основании, увенчивался сверху реликварием и декоративными «зонтами», обносился оградой с четырьмя воротами — торана, ориентированными по странам света. Ворота обычно украшались рельефами, изображающими отдельные эпизоды из легендарной жизни Будды. В южной Индии в буддийских ступа вместо торана сооружался входной пилон, называемый гопуром. Внутри ограды проходила дорожка, называемая прадакшинапатха, по которой совершилась церемония обхода ступы.

Большинство ступа сооружались из сырца, а верхний слой из обожженного кирпича, покрытого штукатуркой. Позднее ступа облицовывались ценными породами камня. По существовавшей тогда в Индии практике не разрушать, а обновлять состарившиеся культовые постройки, очень часто ступа покрывались несколькими новыми слоями каменной или кирпичной оболочки, увеличивавшей его первоначальные размеры. Так, например, известный ступа № 1 в Санчи был покрыт во II в. до н. э. оболочкой, увеличивавшей его в 2 раза.

Большой ступа обычно стоял в окружении монастыря и маленьких ступа с прахом прославившихся монахов, и весь комплекс нередко заключался в крепостные стены. Ступа мог быть любых размеров. Маленькие ступа ставились внутри храма чайтья. Наиболее известные ступа в Бхархуте (сохранившиеся в фрагментах) III в. до н. э., в Санчи II в. до н. э. и в Амаравати — III в. Интересен комплекс буддийского монастыря в Сангхараме (Южная Индия) III—IV в., где встречаются ступа, высеченные из монолита скалы.

Под давлением развивавшихся новых производственных социально-экономических отношений феодализма преобразовывались формы и содержание общественного религиозного мировоззрения. Буддизм трансформировался, в новом свете предстал завоевавший господствующее место брахманизм: и тому и другому стали присущи черты идолопоклонства. Именно в Гандхаре, как известно, впервые появились скульптурные, ранее не допускавшиеся буддийской религией, изображения Будды, и соответственно этому в изменившейся концепции поя-

ступа

Санчи. Большой ступа № 1, III в. до н. э.—I в. н. э. Фасад и план
 1—большой ступа № 1; 17—храм нового типа, V в.; 18—чайтъя-молельня,
 650 г.; 45—вихара-монастырь-общежитие, I—V вв.

вились первые храмы, в которых стояли статуи божеств. В Гандхаре зародилась новая форма буддизма, махаяна¹, повлиявшая на религиозное мировоззрение Средней Азии, Монголии и стран Дальнего Востока. В каждой из этих стран одна общая характерная для эпохи феода-

¹ Махаяна означает «великая колесница», или широкий путь спасения, в отличие от более ранней формы буддизма химаяны — «малой колесницы».

лизма идеологическая основа воплотилась в разных национальных формах. Идея могущества единого бога нашла воплощение в колоссальных статуях Будды, в гигантских изваяниях богов Шивы и Вишну.

С развитием идолопоклонства изменился характер ритуала буддийского культа и в скульптуре и в живописи появились (ранее запрещавшиеся) изображения Будды. Пышные и торжественные шествия буддистов в праздничные дни вокруг грандиозных и великолепных ступа с участием больших народных масс, имевшие место в раннюю эпоху, сменило более скромное и замкнутое по характеру исполнение ритуала. Строительство больших новых ступа почти прекратилось, а те, которые сооружались, изменили свою прежнюю форму полусферы, приняв башнеподобную, цилиндрическую. Об этом свидетельствует Сюань-Цзан, называя ступа башней¹. Из поздних сооружений этого типа известен ступа в Сарнатхе, принявший после неоднократных переделок в VII в. цилиндрическую форму с основанием из камня и кирпичным верхом с декоративной резьбой по терракоте. В нишах ступа были установлены статуи Будды.

Имеются поздние ступа, внутри которых сооружены помещения целл, где стояли статуи Будды. Ступа в Мирпуре (Синда) имеет три целлы. Подобные буддийские культовые сооружения, в которых совмещаются функции ступа и храма, получили широкое распространение в Бирме.

В VII в. ступа вместе с религией буддизма оставил свою родину и перекочевал в страны Дальнего Востока — Китай, Японию, заняв главное место среди культовых сооружений архитектуры Бирмы, Явы, Цейлона. В каждой из этих стран ступа принял свои специфические формы.

Два других вида сооружений буддийского культа: храм — чайтья и монастырь — вихара, по всей вероятности, наиболее тесно связанные с формами народного и гражданского зодчества, проявили особую живучесть, продолжая функционировать в средневековой храмовой архитектуре.

Буддийская чайтья² — это храм-молельня, в котором молящиеся совершают обряд поклонения ступа. Буддийские храмы — чайтья стали создаваться после того, как появился материальный предмет культа в виде ступа и возникла необходимость в сооружении закрытого помещения для хранения реликвий и для молящихся. До этого все обряды проводились на открытом пространстве.

Буддийская чайтья в типичных формах аналогична ранней христианской базилике: продолговатый трехнефный зал, закругленный в торце апсидой, в которой стоит ступа. Перед входом в чайтья обычно

NB

Чайтья

¹ Поздние формы индийских ступа повлияли на китайские пагоды.

² Термин чайтья означал также священный монумент.

размещались открытый вестибюль и расположенный впереди него дворик. Перед входом во двор нередко ставились одна или две отдельно стоящие массивные колонны со скульптурным завершением. Стена, отделяющая вестибюль от двора, и ограда двора нередко сооружались из кирпича и дерева, и потому во многих случаях не уцелили.

Перекрытием для чайтая служил свод, выведенный по деревянным арочным фермам или по изогнутым дугой деревянным ребрам. В скальных чайтаях такой вид перекрытия воспроизводился целиком в камне, а на фасаде очертания свода повторялись в огромном подковообразном оконном проеме, называемом также чайтая. Классическим примером храма-чайтая может служить пещерная чайтая в Карли I в. до н. э.

К периоду раннего средневековья относятся два пещерных храма — чайтая № 19 и 20 в Аджанте¹ и чайтая № 10 в Эллоре.

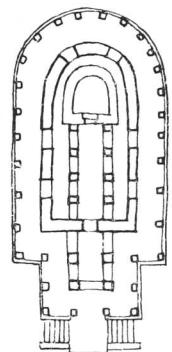
Чайтая № 19 и 26 в Аджанте в своей планировке сохранили многие традиционные черты ранней базилики.

Открытый внутренний дворик, замкнутый с трех сторон и имевший со стороны входа, по всей вероятности, деревянную ограду, хорошо сохранился лишь в раннем чайтая Кришнаджири в Канхери II в. до н. э. В других храмах, включая и чайтая в Аджанте, наличие дворика, огороженного деревянными стенами, можно лишь предполагать. Свободно стоящие колонны перед вестибюлем, придававшие ранним чайтая величие, в храмах Аджанты отсутствуют. Здесь также не сохранилась стена, отделяющая вестибюль от наружного пространства, столь характерная для ранних примеров в Канхери, Бедсе и др. Перед зрителями сразу же раскрывается не имеющий перекрытия вестибюль со сплошь покрытыми рельефами тремя фасадными плоскостями. Боковые стороны расчленены по высоте на три этажа и нижнюю массивную цокольную часть. Главная плоскость прорезана огромным проемом так называемого солнечного окна, придающего специфический облик фасаду храма-чайтая и потому получившему одноименное с ним название чайтая. Очертание арочного проема в храме-чайтая в Аджанте стало более упругим, приближающимся больше к форме подковы. Внизу, под оконным проемом, расположены три входа.

Центральный вход предназначен для священнослужителя, к нему подходит пандус. Подходы к боковым проемам имеют небольшое углубление, наполненное водой для омовения ног.

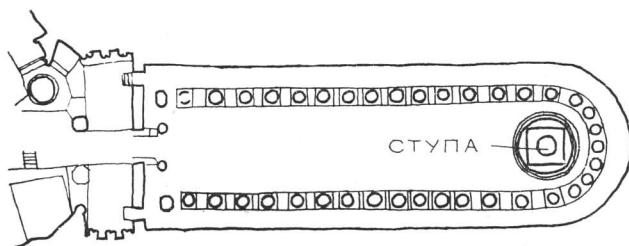
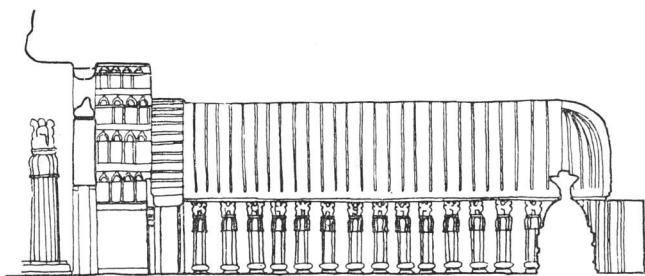
Солнечный свет довольно глубоко проникает сквозь оконный проем. Внутри помещения стоят почти прижатые к стене массивные столбы, оставляя узкие проходы для совершения церемонии обхода ступа. По колоннам уложен архитрав, на него опирается свод. По сравнению с

¹ Здесь приводится нумерация, общепринятая для скальных сооружений Аджанты и Эллоры.

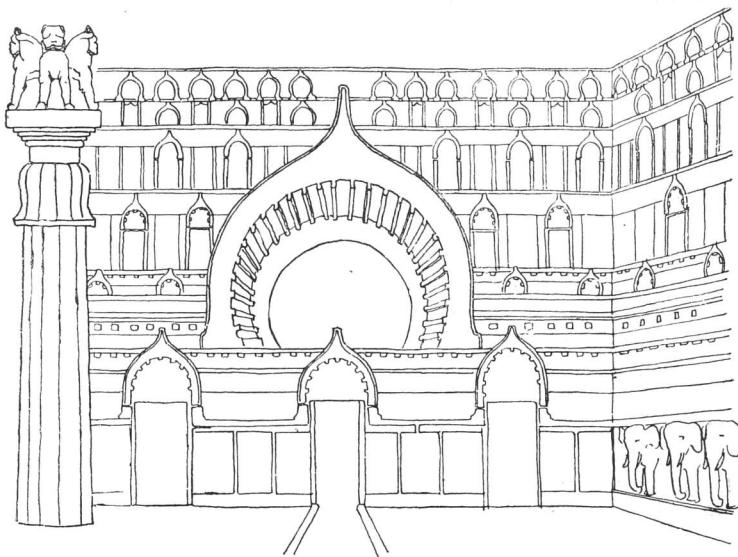

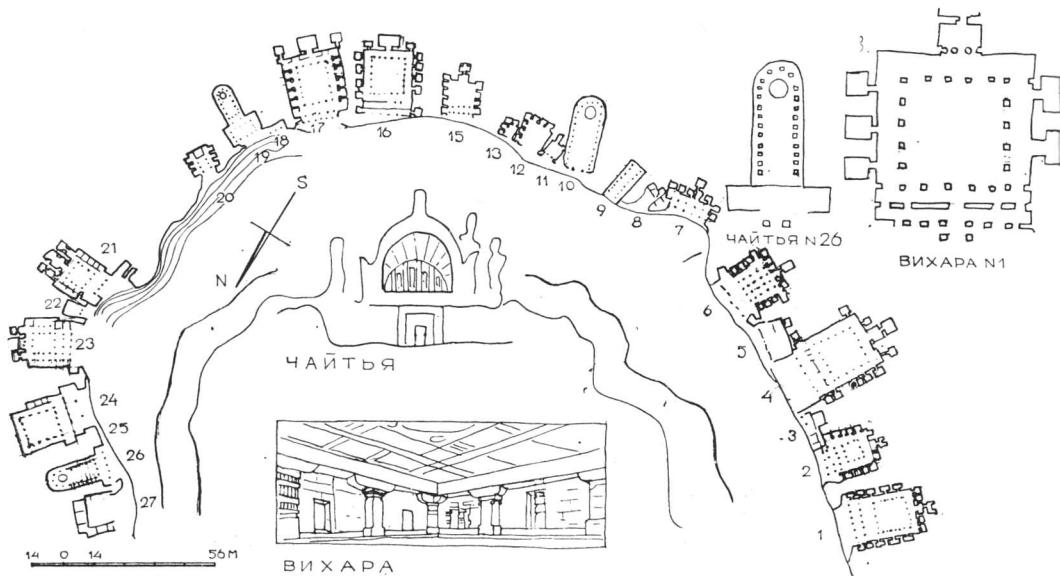
0 360 1800 см.

Карли. Скальный храм-чайтя, I в. до н. э. Фасад, план, разрез

400 0 400 1600

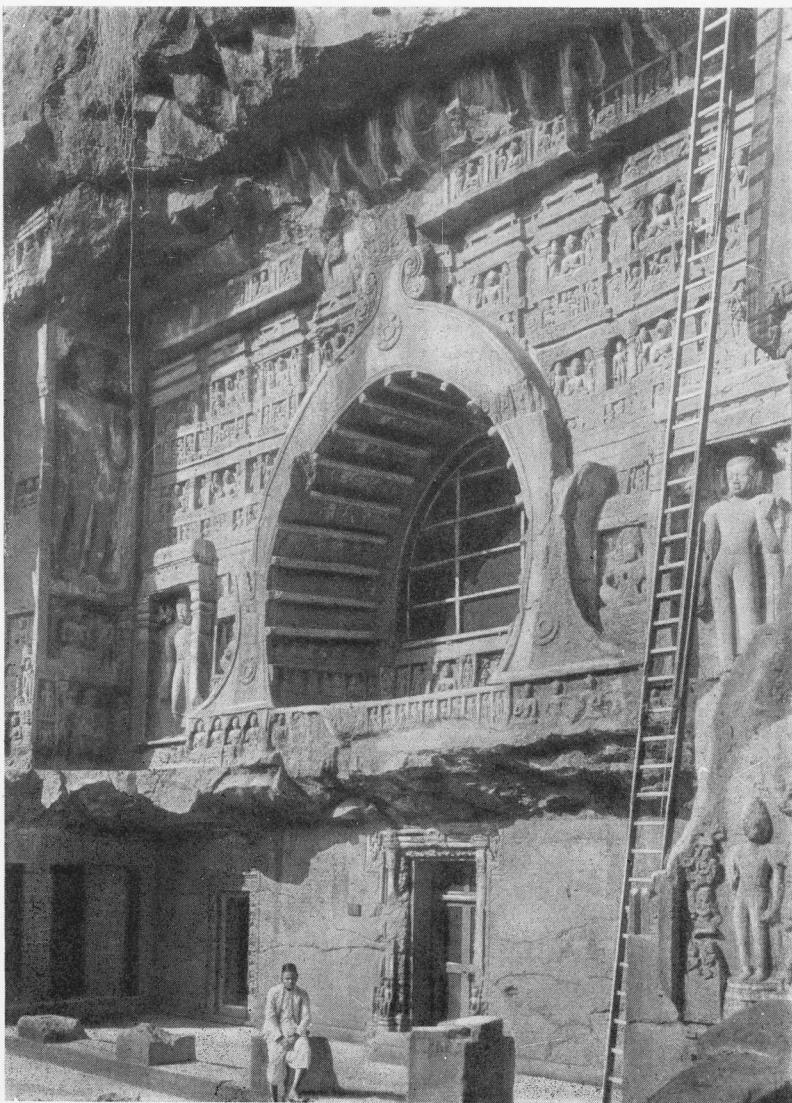

Аджанта. Комплекс сооружений вихара и чайтья, высеченных в скале, II в. до н. э.—VII в. н. э.

ранними постройками в храме Аджанты более выявлена несущая конструктивная роль столбов, а характерная для ранних сооружений имитация деревянных прототипов менее заметна. В интерьере чайтья в Аджанте колонны стоят прямо, в то время как в храме в Карли колонны слегка наклонены внутрь, так же как это делалось с деревянными столбами, у которых наклон был вызван конструктивными соображениями — противостоять распору и осевому давлению тяжелой сводчатой деревянной кровли.

Сильно изменился характер самого столба. В храме в Карли были восьмигранные столбы с капителью в форме опрокинутого колокола, поддерживавшего на карнизе, состоящем из трех полочек, скульптурную группу. Колонны в Аджанте круглые в сечении, с приплюснутой подушечной капителью и квадратной плитой-абакой, на которой лежит консоль с большим выносом и опирающимся на нее антаблементом.

В своде, перекрывающем интерьер чайтья в Аджанте, изображены в камне деревянные ребра, а в Карли, например, до настоящего времени сохранились дугообразные ребра из тикового дерева, прикрепленные к потолку, и остатки стропил деревянной фермы, поддерживавшей оконный проем.

Аджанта. Чайтъя № 26, 600—642 г. н. э. Общий вид

Аджанта. Рельеф в чайтая № 19. VIII в. Владыка змей со своей супругой.

Эллора. Чайтъя № 10, высеченная в скале, 700—750 гг.

На примерах поздних чайтъя в Аджанте особенно заметны изменения, произошедшие в декоративном убранстве. В чайтъя в Карли главным мотивом декора фасадных плоскостей выступали архитектурные формы. Плоскость была расчленена на три этажа, отделенные друг от друга по высоте рельефными изображениями деревянной ограды — парапета и ложными дверными и арочными проемами — чайтъя. Скульптурные изображения людей и животных располагались на уровне человеческих глаз. В интерьере гладкими оставались стволы колонн и плоскости стен, но, судя по сохранившимся следам, не исключалось применение живописи и цвета.

В Аджанте сильно увеличилось пластическое богатство декора. Фасадные плоскости покрыты сплошь рельефными изображениями фигур Будды различной величины. Тонким орнаментальным узором покрыты стволы колонн. Эта тенденция к перегруженности и измельченности детализации в пластическом декоре замечается при сравнении чайтъя № 26, созданной в 600—642 гг. с более ранней чайтъя № 19, сооруженной в VI в.

Дальнейший отход от деревянных прототипов также наблюдается в чайтъя № 26. Карнизы, состоящие как бы из наложенных друг на друга деревянных досок, воспроизведенные в ранних пещерных сооружениях, сменили карнизы в форме четвертного вала с рельефными изображениями миниатюрных арочек чайтъя — мотив, называемый куду, прочно вошедший в декор средневековой храмовой архитектуры. Исчезли с фасада выступавшие в ранних чайтъя квадратные торцы ба-лок, поддерживавших свод.

Единственным примером чайтъя в Эллоре и последним в истории индийской архитектуры явился пещерный зал № 10, продолговатый в плане, с апсидальным закруглением против входа и сводчатым перекрытием, но уже утративший отдельные традиционные черты, характерные для чайтъя в Аджанте, Карли и других местах. Огромный подковообразный проем чайтъя был заменен портиком с архитравом и колоннами, над которыми очерчен лишь отдаленно напоминающий подкову чайтъя закругленный проем. В интерьере вместо ступа поставлена статуя Будды. Из композиции исчез также традиционный, расположенный впереди дворик.

Наземных буддийских чайтъя уцелело в оригинале немного. В Санчи имеются два храма № 18 и 40, сооруженные в VII в. в каменной кладке на месте ранее стоявших деревянных храмов и повторившие, по-видимому, их старые формы храма типа чайтъя, т. е. они имеют продолговатую в плане форму с апсидальным закруглением и сводчатым перекрытием.

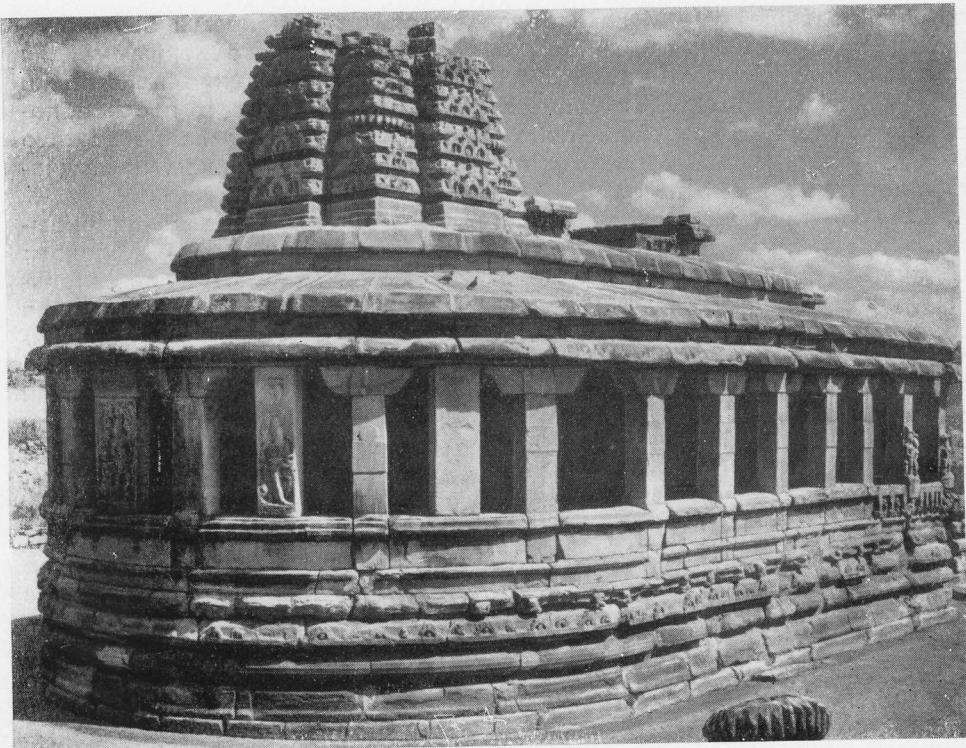
В районе Северного Декана сохранились построенные из кирпича два храма в Тере (древний город Тагара) и храм Капотешвара в Чезар-

ле, датированные IV—V вв. Предполагают, что эти храмы были буддийскими храмами типа чайтъя, а позднее приспособленными для брахманского культа. В храмах в Тере имеются поздние пристройки (VI—VII вв.) залов для молящихся — мантапам, имеющих плоское перекрытие. Все три храма — небольших размеров (длина не больше 9 м), продолговатые в плане с апсидальным закруглением и сводчатым перекрытием.

В храмах в Тере сохранились остатки деревянных балок перекрытия и прекрасных резных дверных порталов со скульптурным фризом; сводчатый потолок, сооруженный постепенным напуском горизонтальных рядов кирпичной кладки; на наружных стенах выведены в кирпиче тонкие пиластры, похожие на деревянные стойки каркаса, и сохранились следы штукатурки (размеры кирпича храмов в Тере — 42,5 × 22,5 × 7,5 см и 23,7 × 26,6 × 7,5 см). Встречаются отдельные кирпичи более 60 см длиной, использованные для перекрытия пролетов окон и дверей, но, как правило, для этих целей употреблялись деревянные или каменные балки. Между рядами кирпича, очень тщательно пригнанного друг к другу, был, по-видимому, илистый раствор. В рядах кладки соблюдена перевязка швов и чередование тычков и ложков. В постройках в Тере встречается декоративная резьба по дереву и по кирпичу. Резьба по кирпичу производилась, как это было принято в Южной Индии, по всей поверхности кладки по окончании работ. В Бенгалии часто встречается такой же метод работ.

У всех храмов имеется массивный карниз в форме четвертного вала, опоясывающий здание в месте стыка сводчатого перекрытия и стен. Храм в Чезарле в отличие от других имеет арочные оконные проемы и плоский потолок (сооруженный, возможно, позднее), прикрывающий сводчатую конструкцию.

В Айхоле имеется интересный пример средневекового храма, сохранившего формы чайтъя, продолговатый в плане с апсидальным закруглением. Это храм Дурги, сложенный из тесаного камня около 500 г. В отличие от обычных храмов, повторяющих формы чайтъя, храм Дурги имеет не сводчатое, а плоское перекрытие, на котором возвышается башенная надстройка-шикхара. Внутри помещения имеется также одна особенность, характерная для храмов средневекового типа, — крытый коридор, опоясывающий святилище. В храме Дурги этот коридор осуществлен в виде открытой галереи с каменными столбами. Внутренние стены галереи прорезаны оконными проемами, заполненными каменной ажурной решеткой, чередующимися с нишами, в которых стоят статуи божеств. Рельефный фриз с изображениями карликов, как бы поддерживающих верх здания, опоясывает нижнюю часть цоколя. Такой же фриз на цоколе встретится позднее в южноиндийском зодчестве.

Айхоли. Храм Дурги, V в. Общий вид, план

В храме Хуччималигуди в Айхоли, сооруженном, возможно, одновременно с храмом Дурги, имеющем с ним много общего, но менее сохранившемся, обращает внимание нововведение в плановой композиции в виде промежуточного помещения между святилищем и залом для молящихся, называемом антарала (пронаос). Этот храм не имеет апсиды.

Храмы типа чайтья, строившиеся в дереве и кирпиче, очевидно, были широко распространены по всей стране. Даже на крайнем Юге в одних из первых каменных сооружений брахманского храма появились те же формы чайтья в знакомых ратхах Накула-Сахадева, Ганеша и Бхима Мамаллапурама. Формы чайтья повторяются в каменном храме IX в. в Тируттани.

Третий характерный тип сооружений буддийского культа — вихару было бы не совсем правильно считать сооружением культа до тех пор, пока в ней не стали совершаться культовые обряды. Обычно вихарой или сангхарамой в древности называли здание монастырского общежития. Причем вихарой было принято считать любую многоэтажную пирамидальную постройку. Китайские пилигримы Фа-Сянь и Сюань-Цзан называют храмы башенного типа вихарой, например храм в Будх Гайе. В период раннего средневековья, когда отживали старые типы сооружений буддийского культа — ступа и храм-чайтья, вихара стала преобразовываться в новый тип храма. Кельи превращались в целлы с установленными в них статуями Будды, или джайнских святых, или же брахманских божеств, а общий зал приспособлялся для совершения ритуала. Вихару, совмещающую в себе функции монашеского общежития, лучше называть сангхарамой в отличие от вихары, функционирующей в роли храма.

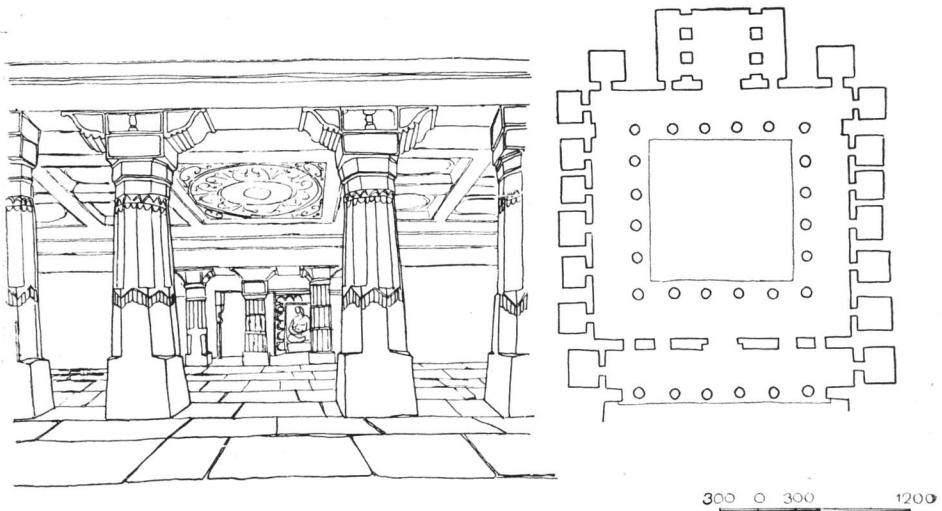
В Аджанте имеется 20 пещерных залов типа вихары, созданных между 400—642 гг. В поздних примерах вихара уже преобразована из общежития в буддийский храм, но при этом сохраняется прежняя планировка, характерная для ранних примеров в Кондайне, Насике и других местах.

Простейший тип вихары представляет собой зал с плоским перекрытием, окруженный с трех сторон помещениями келий или целл и имеющий вытянутую по фасаду террасу-портик со столбами. С увеличением размеров вихары и появлением поэтажного расположения вихар друг над другом план вихары усложнился за счет введения одного, а в некоторых случаях двух дополнительных рядов столбов.

В Аджанте залы № 16 и 17, прославленные стенными росписями, были созданы в 470—480 гг. (в эпоху Гупт) и залы № 1 и 2 — в 600—642 гг. по заказу крупного феодала-министра Вакатака при Харишнене, царе чалукийского государства.

Эти залы значительны не только по своим росписям, но и по архитектурной композиции, размерам и богатству пластического декора. В этих четырех залах свободное центральное пространство отделено от стен довольно массивными столбами, оставляющими сравнительно узкие проходы по сторонам. В стенах прорублены богато обрамленные входы в небольшие целлы, внутри которых стоят статуи Будды. Плоский потолок разбит на несколько декоративных панелей, покрытых живописным геометрическим и растительным орнаментом. Плоскости стен заполнены сюжетной живописью.

Более поздние вихары № 1 и 2 сравнительно с залами № 16 и 17 отличаются большим богатством декора, тонкостью детализации и сложностью рисунка. Вход в залы оформляют два столба наружного портика, поддерживающие скульптурный фриз.

Аджанта. Вихара № 16, высеченная в скале, VI в. Интерьер, план

Между 500—600 гг. были созданы пещерные сооружения типа вихары в Багхе, отличающиеся от залов Аджанты большей простотой декора, но не уступающие в качестве стенных росписей.

В архитектуре Эллоры господствует тип вихары, преобразованный в храм, т. е. обширный, многоколонный зал, почти квадратный в плане, с окружающими его по трем сторонам целлами и портиком-террасой со стороны главного входа (всего в Эллоре 33 вихары).

В некоторых случаях эти залы высечены один над другим в два и три этажа, так называемые Дон-Тхал и Тин-Тхал. Эти залы окружают открытый внутренний дворик с трех сторон. Тин-Тхал (зал № 12) является самым большим и интересным по архитектурному замыслу. Он представляет новый тип буддийского храма. Сквозь ворота, ведущие во внутренний дворик, виден величественный, строго декорированный, фасад трехэтажного здания, высеченного в скале, оформленного поэтажно одинаковыми восьмиколонными портиками.

На первом этаже расположен многоколонный зал с центральным святилищем и маленькими целлами по бокам, в которых стоят статуи Будды. На втором этаже многоколонный зал имеет одно святилище и окружен галереями с заполняющими всю стенную плоскость каменными рельефами, похожими на огромные иконостасы на сюжеты из

легендарной жизни Будды. На третьем этаже зал разделен на пять нефов различной ширины, благодаря чему образуется как бы крестообразная форма в плане. Зал окружен кельями, предназначенными для монахов.

Из брахманских пещерных храмов типа вихары наиболее значительный зал, называемый Рамешвара, был построен в VII в. В центре его двора стоит статуя священного быка Нанди (храм посвящен богу Шиве). Вокруг святилища устроен коридор, необходимый для церемонии обхода — прадакшина. План пещерного брахманского храма мало отличается от плана наземного храма. Храмы имеют центральное святилище, окруженное дополнительными целлами, зал для молящихся — мантапам и входной портик.

По разнообразию и богатству пластического декора Эллора пре-
восходит Аджанту. В Аджанте можно проследить на произведениях от
II в. до н. э. до VII в. процесс развития и усовершенствования форм и
пропорций и переход от кровленной имитации в камне деревянных
форм к освоению каменных. В Эллоре этот процесс мы видим завер-
шенным. Столбы отличаются архитектоничностью, пропорционально-
стью форм, гармоническим сочетанием конструктивных и декоративно-
пластических элементов.

На стенах, за рядами колонн, приподнятых на метр от пола, до самого потолка развертываются монументальные каменные композиции с изображениями богов и мифологических героев. Поражает контраст в содержании и характере скульптурных образов буддийской и брахманской культуры. Монотонному ряду застывших в невозмутимом спокойствии статуй Будд противопоставлены многообразные, сложные по формам, многофигурные композиции брахманских божеств.

Эллора по истине представляет грандиозный музей легенд и мифов, слагавшихся в течение тысячелетий, передававшихся изустно из поколения в поколение и увековеченных теперь в камне.

По цельности и органичности слияния архитектурных форм с декоративными выделяется брахманский пещерный храм Дхумар Лена, необычный в плане, созданный в Эллоре между 580—642 гг. Существует еще лишь два подобных ему примера: храм Джогешвара на острове Салсетте и храм Шивы на острове Элефанта, VIII в. Каждый из этих трех храмов, крестообразный в плане, имеет три входа, а в центре зала стоит самостоятельный объем святилища с одним входом. По обе стороны входа в святилище стоят фигуры стражников-дварапала. Подобная планировка пещерных храмов в Эллоре и Элефанте повторяет форму плана брахманского храма Ладкхана в Айхоле, созданного еще в V в. в каменной кладке.

В этот переходный период, когда еще не установились формы и композиция храма нового типа, приспособлялись ранее сложившиеся

Остров Элефанта [Гхарапури]. Скальный храм, VIII в. Интерьер

в гражданском и культовом зодчестве виды сооружений. К одному из них и принадлежит храм Ладкхана в Айхоле. В нем представлен знакомый нам тип общественного здания сантхагара. Храм представляет собой квадратный многостолпный зал, внутри которого содержится замкнутый объем целлы с единственным входным проемом и стоящей впереди большой статуей священного быка Нанди (храмы, посвященные богу Шиве, имеют перед входом в святилище статую быка Нанди). В стенах имеются оконные проемы, заполненные сквозной каменной решеткой. Во входном портике сохранились идущие по внутреннему периметру каменные скамьи, а снаружи — широкий уступ — асана, предназначенный для сидения. Простые, квадратные в сечении столбы выходят на террасу-портик, углы здания оформлены пиластрами. Пиластры имеют слегка суженный кверху ствол и капитель в форме квадратной плиты-абаки с лежащей под ней сплюснутой круглой подушкой (похожей также на форму тюрбана). Такая форма капители получила широкое распространение в более позднем монументальном южно-индийском зодчестве. Стены храма воздвигнуты из больших каменных блоков, соединенных железными штырями, без связующего раствора. Массивный карниз в форме четвертного вала сближает этот наземный храм со скальными сооружениями.

Структура многостолпного зала с плоским перекрытием храма Ладкхана характерна для многоколонных залов — мантапам, предназначенных для приюта паломников, но по плану мантапам варьируются.

В храмах в Айхоле, возникших несколько позднее храма Ладкхана, святилище выделено в самостоятельный объем, а многостолпный зал к нему примыкает.

В храмах, сохранившихся на территории бывшего Чалукийского (или Раштракутского) государства, залы для молящихся, как правило, квадратные в плане, а в храмах Паллавского государства чаще прямоугольные. Первые известные храмы брахманской религии на Крайнем Юге, созданные при Паллавах в VII в., были высечены в скалах¹.

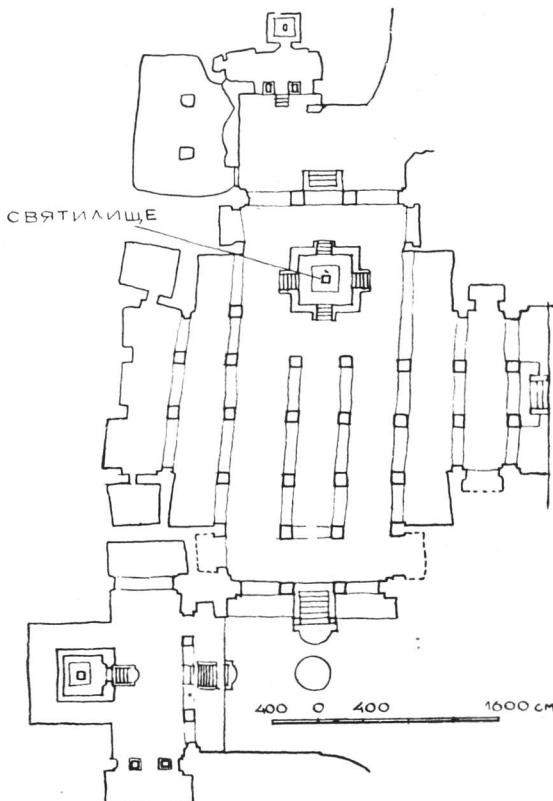
Это были храмы типа мантапам, в виде углубленной в скалу террасы или лоджии с одним или несколькими рядами внутренних колонн и крошечными квадратными в плане святилищами (1×1 м), высеченными в задней и боковых стенах террасы. Фасад храма-мантапам имел обычно вытянутые пропорции. Размеры мантапам небольшие — высота от 4,5 до 6 м, длина фасада в среднем от 7 до 9 м, а глубина 7,5 м вместе с цеплой.

Во всех этих несложных по структуре сооружениях храмов-мантапам архитектурную композицию составляют столбы, архитрав, карниз, пиластры и обрамления ниш для скульптуры.

Прототипом для столбов, по всей вероятности, послужили формы деревянных колонн местного происхождения.

Здесь, в камне очень точно воспроизведена довольно обычная деревянная стоечно-балочная система с применением консоли. В ранних мантапам столбы массивные и довольно при-

¹ Пещерные сооружения типа мантапам имеются в Мандагапатти, Тиручирапалли, Далавануре, Паллавараме, Могалраджапураме, Ундавалли, Бхайраваконде, но наиболее значительная из всех групп в Махабалипураме.

Остров Элефанта. Скальный храм, VIII в. План

Остров Элефанта. Скальный храм, VIII в. Столб в интерьере

митивные. Столб разделен по высоте на три части с квадратными нижним и верхним сечением и восьмигранной средней частью. Тяжелая подбалка, обрубленная под углом в 45° или закругленная волнистой резьбой, образует капитель, поддерживающую архитрав.

К концу второй четверти VII в. в пещерных сооружениях Бхайраваконда и Ундавалли появился новый тип довольно стройной колонны. Ее утончающийся кверху круглый ствол заканчивается в основании фигурой сидящего льва и завершается капителью в виде сплющенного тюрябана и квадратной плиты. Сверху капители лежит консоль, на которую уложен архитрав. Этот новый тип колонны положил начало так называемому паллавскому ордеру, сохранившему свое значение в храмовой архитектуре Юга до XVIII в.

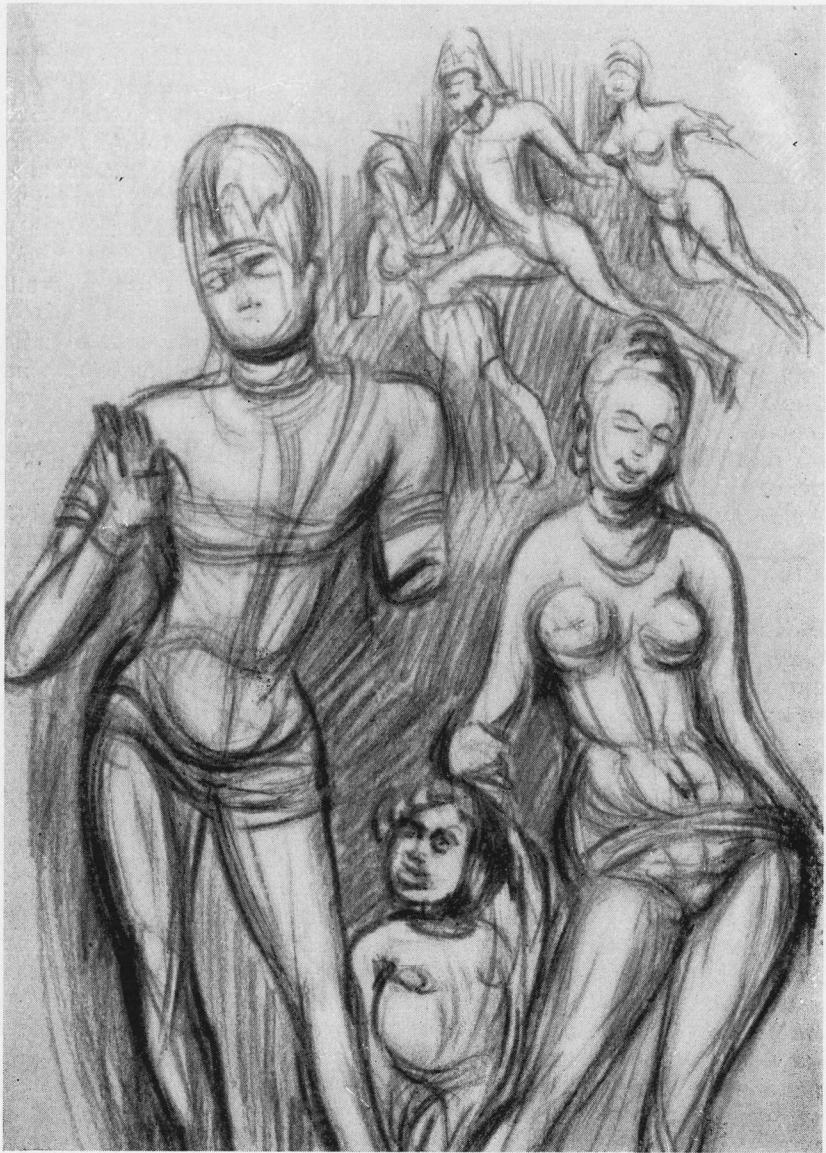
В глубине мантапам за колоннами видны высеченные на задних стенах рельефно-пластические композиции с изображением на религиозно-мифологические сюжеты.

Ранние сооружения начала VII в., например в Тиручирапалли, настолько просты, что даже лишены карниза. Впервые карниз в форме четвертного вала появляется в Паллавараме, а затем, несколько позднее, — в Могалраджапураме; на карнизе имеются рельефные изображения мотива куду — миниатюрной арочной чайтья с высокими головками людей. Точно такой же карниз с рельефным мотивом «куду» в то же самое время появился в чайтья № 26 в Аджанте и в храмах Камбоджи и Явы. С этих пор валиковая форма карниза с мотивом куду стала единственной широко принятой в монументальной архитектуре Юга и Северного Декана. Такая же форма карниза изображена на стенописях в Аджанте.

В мантапам Мамаллапурама поверх карниза изображен в рельефе парапет, весьма примечательный по форме. Он состоит из чередующихся двух миниатюрных объемов: чайтья и альпапрасада. С этих пор рельефное изображение парапета стала постоянной чертой декора храмов Юга.

Практику скального строительства на юге Индии завершили в последней четверти VII в. монолитные ратхи Мамаллапурама. Эти произведения служат для нас лишним доказательством того, что на переходной стадии храмового строительства использовались различные виды и формы построек, известных в гражданском строительстве. Такими были те многочисленные храмы, которые строились из дерева, глины, кирпича и не смогли из-за своей недолговечности сохраниться.

Значение монолитных сооружений Мамаллапурама не исчерпывается только этим. Основанные на древних прототипах чайтья и вихара, ратхи послужили в свою очередь прототипом для двух основных объемов южноиндийского храмового комплекса: святилища — виманы, завершенного башней надстройкой (подобной ратха) Дхар-

Остров Элефанта. Скальный храм, VIII в. Барельеф в интерьере. Обручение Шивы и Парвати

мэраджа) и надвратной башни голурам, оформляющей вход в комплекс (подобный ратхе Ганеша). Ратхи Мамаллапурама ознаменовали на крайнем юге Индии переход от каменного пещерного зодчества к наземному в каменной кладке.

Развитие нового ведущего типа монументального зодчества — средневекового храма в каменной кладке. Первые монументальные постройки буддийского культа, высеченные в скалах, совпадают со временем наивысшего расцвета рабовладельческого строя — с эпохой правления Ашоки в III в. до н. э.

Ко времени распада рабовладельческих отношений относится завершение скального строительства и создание последних по времени памятников буддийского культа.

С развитием феодализма создается новый тип сооружений — храм, выполненный в новых строительных материалах и технике — в каменной кладке. С этих пор начинается новый этап в истории индийского монументального каменного зодчества, которая примерно с V в. по XIII в., а в Южной Индии (не подавшей под власть мусульманских феодалов) по XVII в. включительно сводится по существу к истории архитектуры средневекового храма, отражавшего религиозное мировоззрение индуизма, сменившего господствовавшую в течение почти тысячетысячелетия буддийскую религию. На известных, дошедших до нас памятниках раннего средневековья, прослеживается отказ от вековых методов скального строительства, старых типов сооружений: ступа, храма-чайтая и буддийских монастырей, медленное и постепенное отживание старых форм, использованных нередко в новых целях, и создание нового типа храма.

Весьма знаменательным явилось окончание практики пещерного строительства, совпавшее с отмиранием в VIII в. в Индии буддизма и прекращением строительства буддийских культовых сооружений. Методы и формы скальной архитектуры не соответствовали новым требованиям религиозной концепции брахманского культа.

Средневековое храмовое зодчество в каменной кладке, судя по уцелевшим памятникам, стало развиваться с V в. К этому времени относятся первые известные храмы брахманской религии, которая вновь стала пользоваться покровительством со стороны правящих кругов. Из древнеиндийских литературных источников известно, что храмы брахманской религии сооружались из недолговечных материалов еще в добуддийскую эпоху (ранее VI в. до н. э.) и потому не сохранились. Они были двух видов: в форме «открытых храмов», представлявших собой замкнутый с трех сторон прямоугольный двор, в центре которого ставился жертвенник или идол, и в виде примитивных построек, чаще круглых или квадратных в плане с конусообразной или четырехскатной соломенной крышей, внутри которых иногда ставилась статуя

Бадами. Портик скального храма типа вихары, VI в.

божества. Подобные храмы изображены на рельефах в Бхархуте. Ратха Драупади представляет тот же тип.

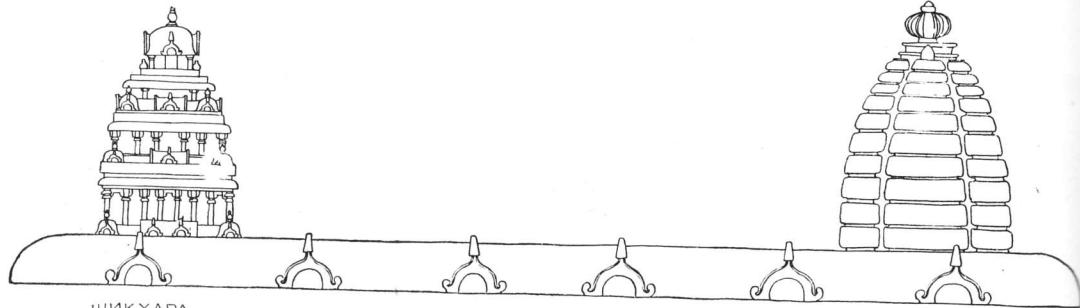
Термины, которые приводятся в древнейших текстах, раскрывают нам понимание функций храма последователями брахманского культа¹. Так, например, «девалая», «деваятана», «девакула», «девагриха» — соответственно означали: жилище бога, местопребывание божества, внутреннее помещение для божества. Храм мыслился не иначе как божья обитель и как священный памятник, которому следует поклоняться. Храм не означал места совершения религиозных обрядов, которые чаще всего происходили на открытом пространстве или в «открытых храмах».

Поклонение храму начинается так же, как и поклонение ступа, с церемонии обхода вокруг предмета культа называемого прадакшина, после чего поклоняются самому храму и статуе божества с преподношением различных даров — пуджа, сопровождаемым молитвой мантра, произносимой в честь божества. Индусский храм должен быть обозрим со всех сторон и поэтому не имеет главного фасада.

Большое значение в истории средневекового храмового зодчества имеют те немногие ранние храмы, которые сложены из тесаного камня, сохранившиеся на территориях бывших государств Гупт (в центральных районах Индии), Чалукьев (в районе Северного Декана, штат Майсур).

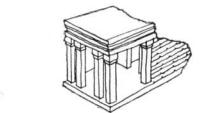
Первая группа храмов была расположена в городах Санчи, Удайгири, Тигаве, Еране, стоявших на большом торговом пути, соединявшем Паталипутру и другие города Восточного Побережья с Западным портом Бхригукачха. Первый, известный нам, брахманский храм был создан в Удайгири по заказу Чандрагупта II между 380—401 гг. Он представляет собой высеченное в скале святилище, имеющее интерьер в форме куба. Пристроенный со стороны входа портик состоит из четырех широко расставленных между собой монолитных каменных столбов и архитрава. Столбы имеют капитель типичного индийского мотива вазы с растением. К ранним примерам наземного зодчества в каменной кладке относятся храмы в Санчи №17, 415 г., Тигаве и Еране. Они мало отличаются от пещерного храма в Удайгири. Тот же кубический объем святилища и тот же четырехстолпный портик. Все эти храмы имеют плоское перекрытие, гладкие наружные стены и карниз в форме четвертного вала. По своей композиции и формам, скромным размерам (высота 5—6 м) эти храмы приближаются к частично сохранившимся храмам из кирпича в Начха-Кутхаре и Билсаде. Они также вызывают

¹ В отдельных текстах (например, «Самаранген-асутахара») приводятся и другие термины, относящиеся к сооружениям брахманского культа; среди них встречаются такие термины: чайтья, означающий священный монумент, или вибудхагара — священное здание.

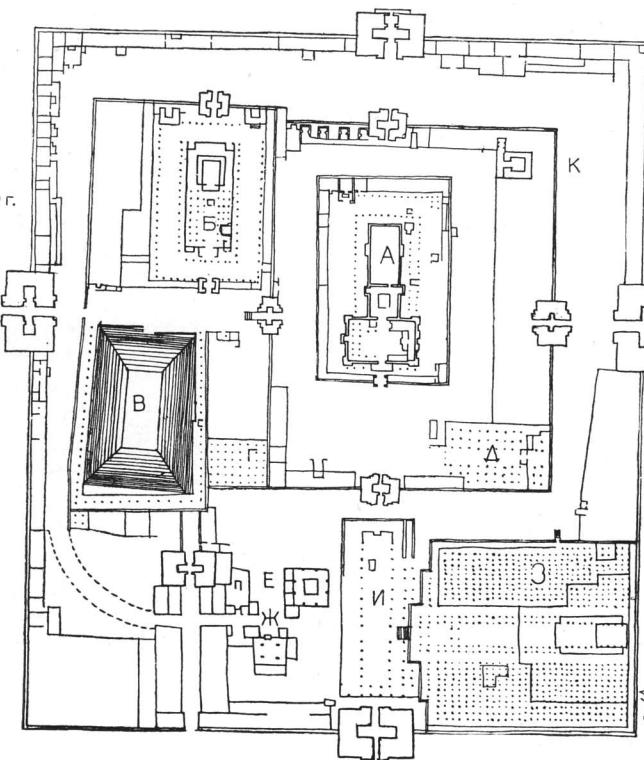

ШИКХАРА
ЮЖНОГО ТИПА

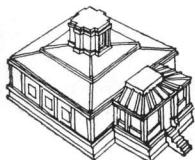
ШИКХАРА
СЕВЕРНОГО ТИПА

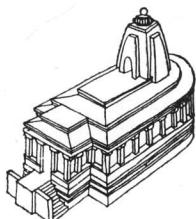
ХРАМ
В УДАЙГИРИ
ОКОЛО 400 Г.

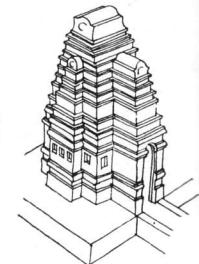
ХРАМ
В САНЧИ ОКОЛО 425 Г.

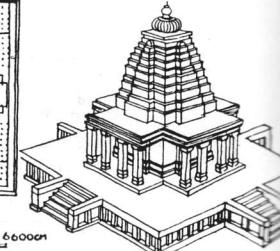
ХРАМ ЛАДКХАНА
В АЙХОЛИ
ОКОЛО 450 Г.

ХРАМ ДУРГИ
В АЙХОЛИ
ОКОЛО 500 Г
ДЕКАН

ХРАМ В БХИТАГАОНЕ
(КИРПИЧНАЯ КЛАДКА)
ОКОЛО 400 Г.

ХРАМ В ДЕОТАРХЕ
ОКОЛО 500 Г.

ХРАМОВЫЙ КОМПЛЕКС МАДУРА ЮЖНАЯ ИНДИЯ XII-XVII ВЕКА

А-ДРЕВНИЙ ХРАМ СУНДАРЕСВАРА Б-ХРАМ МИНАКШИДЕВИ.
В-СВЯЩЕННЫЙ БАССЕЙН Г.Д.Е.Ж-МАНТАПАМ З-ТЫСЯЧЕКОЛОННЫЙ
ЗАЛ МАНТАПАМ И-ПАВИЛЬОН ДЛЯ СТАТУИ БЫКА НАНДИ В МАНТАПАМ
К-ШКОЛА ПОЭТОВ · П-ГОПУРАМ

Таблица — формирование храмового комплекса

ассоциацию с греческим храмом Ники в Афинах, выражая ту же самую религиозную и архитектурную концепцию: храм — это святилище.

В архитектуре храма № 17 в Санчи сохранились отдельные пережитки старых форм. Так, например, в его интерьере имеется расположение против входа апсидальное закругление, характерное для чайтья, которое не встречается в брахманских храмах в Тигаве и Еране.

Храм № 17 в общем выгодно выделяется среди ранней группы храмов в Тигаве и Еране изяществом пропорций, простотой архитектурной формы и более утонченным рисунком декора, тщательностью выполнения строительных работ и отделки. С его гладкими наружными стенами хорошо контрастируют покрытые богатой резьбой капители столбов, антаблемент и дверное обрамление.

Храмы в Тигаве и Еране сравнительно с храмом № 17 в Санчи более приземистые, имеют более широкий интерколумний в средней части портика. На боковых стенах выделяются пилястры и профилированный архитрав, с крыши свешиваются желоба для стока дождевой воды. В формы капители введен новый мотив.

Ранние храмы в каменной кладке V в. обычно имели над святилищем плоское перекрытие. Башенная надстройка, или шикхара, появилась, по-видимому, позже — в храмах VI в. Объем святилища, завершенного шикхарой, обычно принято называть вимана, а для объема святилища без шикхары употребляется другой термин — прасада. Шикхара, как известно, не имеет утилитарного назначения, судя по тому, что чаще всего она представляет груду камней, уложенную в форме пирамиды сверх плоского перекрытия. Появление шикхары, совершенно очевидно, было вызвано желанием зодчих возвеличить сооружение самого святилища, являющегося «святая святых» храма. В дальнейшем шикхара возрастила в своих размерах и декоративном богатстве так же, как и наружные стены святилища стали с течением времени покрываться обильным пластическим декором. Это вполне соответствовало назначению средневекового храма — служить местом ежедневной проповеди религиозных идей. Обозрение храма даршана и поклонение ему входило в религиозный ритуал.

Форма шикхары определила два основных типа храма: южного (или дравидийского) и северного (или индо-арийского). Для южного типа храма характерна шикхара в виде ступенчатой пирамиды, завершенной многогранным, колоколообразным перекрытием, а для северного — шикхара параболических очертаний, с приплюснутым кольцом — амалака — наверху.

Возникновение шикхары вызвало ряд предположений. В отношении башни северного (или индо-арийского) типа параболического очертания была сделана попытка (довольно убедительная) доказать, что ее происхождение идет от жилого дома с перекрытием, подобным купо-

шикхара

лу параболического очертания с вертикальными ребрами. Такой тип перекрытия жилых домов преобладал в особо влажных районах Восточного Побережья (в Ориссе и Бенгалии) в начале нашей эры. По утверждению индийского ученого Рамапрасада Чанды такие дома — бамбуковые или деревянные — явились прототипом индо-арийского храма с шикхарой¹.

Некоторые исследователи придерживаются мнения, что форма шикхары заимствована из форм сооружения, которое вывозилось на колеснице — ратхе во время религиозных процессий вместе со статуей божества². Храмы в виде божественной колесницы ратхи с каменными изваяниями скачащих коней встречаются в Ориссе и Южной Индии.

Были также попытки доказать, что башня северного типа развилась из буддийских ступа, постепенно изменяя полусферическую форму на продолговатую, а формы чайтха и буддийские «зонты» ступа постепенно образовали шикхару³.

Выдвигается еще одно предположение со стороны Крамриш, которая считает, что шикхара северного или индо-арийского типа развилась из форм культового сооружения ведической эпохи (XV—X вв. до н. э.), построенного из бамбука. Столъ отличный от башен северного типа, пирамидально-ярусный верх южноиндийских храмов, по мнению Крамриш, сложился под влиянием форм ведического алтаря⁴.

В этой же связи Крамриш обращает внимание на характер скульптурного фриза цокольной части храмов, в которой встречаются изображения голов людей и животных. По ее мнению, это является отображением того периода, когда на алтаре совершались жертвоприношения. Отсутствие арок и сводов в конструкциях и исключительное применение стоечно-балочной системы в индийском зодчестве Крамриш объясняет исходя из своей теории происхождения средневековых храмов от форм ведического алтаря. Она утверждает, что такая форма шикхары сложилась в результате применения наложения друг на друга горизонтальных рядов бревен или кладки.

Наиболее убедительной является точка зрения тех исследователей, которые находят в культовом зодчестве прежде всего преемствен-

¹ DK. Ramaprasad Chanda. Ruram. № 17. Calcutto, jan. 1924.

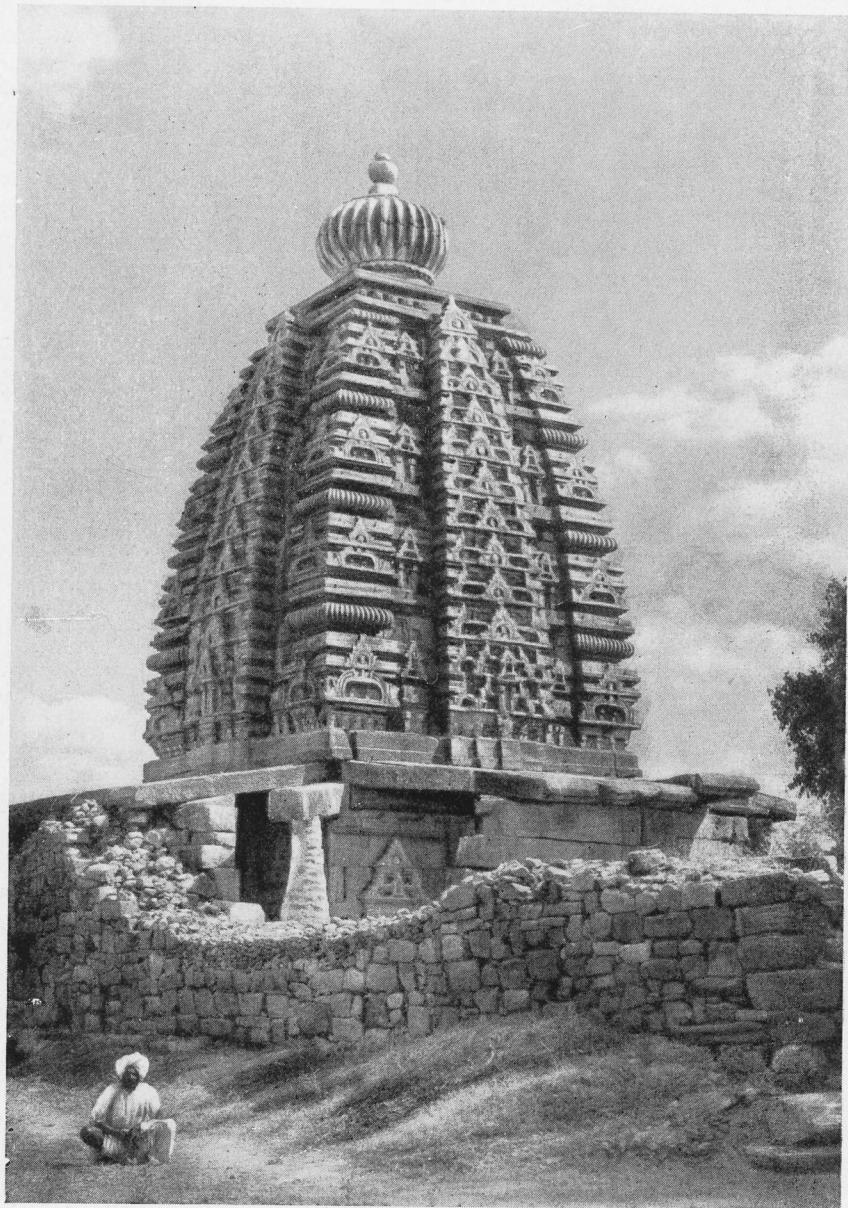
² Основанием для такого предположения послужил тот факт, что среди народа и в индийской литературе очень часто термин ратхा означает колесницу и распространяется на храм.

³ Longhurst. The story of the Stupa; Colombo, 1936. Лонгхерст считает, что этот процесс слияния форм ступа и шикхары проходил одновременно со слиянием буддийских доктрин с доктринаами индуизма.

⁴ Kramrisch S., Hindu Temple, vol. 1, pp. 156—158. В доказательство Крамриш приводит различное истолкование двух встречающихся в южноиндийских текстах терминов — садма и саданам, которые означают сооружение ведического алтаря, а также святилища — гарбхагриха — с башенной надстройкой.

Санчи. Храм № 17. V в.

Паттадакал. Храм северного типа, V в.

ную связь с народной архитектурой, в первую очередь с формами жилища. Многоэтажные дома пирамидально-ярусной композиции описываются в древней литературе (например, «Манасара»). В культовой же архитектуре шикхара развила позднее. Многоэтажная башенная надстройка, характерная для шикхары южноиндийского храма, была заимствована из гражданских сооружений подобного типа. В ранних храмах на каждом этаже имелось внутреннее помещение для статуи (как в храме Кайласанатха в Канчибурме). В более поздних храмах, как, например, в Большом храме в Танжуре X в., в котором шикхара, возвышающаяся над святилищем, стала полая внутри, а этажи — иллюзорными, превратившись в декоративный мотив.

К VI в. окончательно сложилась объемно-пространственная структура средневекового храма, которая была воспринята почти целиком в одинаковой степени последователями брахманской, джайнской и буддийской религий. Ядро храма составляет кубический объем святилища с внутренним помещением для статуи божества или его символа гарбхагриха (в переводе означает буквально — чрево храма). Вокруг святилища в некоторых храмах имеется крытый темный для церемонии обхода храма коридор — прадакшинапатха, который не обязателен для храмов Ориссы и Майсура. В южноиндийских храмах святилище окружено двойным, а иногда тройным кольцом стен.

Необходимым элементом храма с VI в. стал зал для молящихся мантапам, прямоугольное или квадратное в плане помещение с колоннами внутри и чаще всего плоским или же сплющенным, ложно-купольным (сооруженным путем напуска рядов кладки) перекрытием. Промежуточное помещение между мантапам и святилищем называется антарала. Портик, оформляющий вход в мантапам, именуется арда-ха-мантапам. Нередко встречаются храмы с несколькими святилищами¹. Храм центрической композиции из пяти святилищ называется панчаятана (пятиштучный).

К VI в. относятся наиболее ранние, известные хорошо сохранившиеся храмы в Сирпуре, Будх-Гайе, Деогархе, Бхитаргаоне — квадратные в плане, с входными портиками и башенным верхом — шикхарой. Наиболее известен буддийский кирпичный храм Махабодхи в Будх-Гайе, подвергавшийся в XIV в. реставрации. Его современный вид совпадает с описанием китайского пилигрима Сюань-Цзана VII в.² Это пирамидальное сооружение, стоящее на высокой платформе, окружено четырьмя башнями, подобными по форме расположенной в центре

¹ В наланде раскопаны остатки кирпичного храма с четырьмя святилищами, призывающими к главному святилищу, расположенному в центре композиции по системе панчаятана.

² Brown P. Indian architecture. p. 53.

главной башне. Все башенки завершены каннелированным кольцом — амалака.

Наиболее законченным из северной группы памятников наземного храмового зодчества в каменной кладке является храм Дасаватара в Деогархе VI в. Он имеет центрическую композицию в форме креста, получившую широкое распространение в храмах Камбоджи и Таиланда. К главному объему святилища примыкают с четырех сторон портики, соединенные с ним коридорами. Над святилищем возвышается сильно разрушенная в настоящее время шикхара в форме пирамиды, выложенной из каменных пластов. Вся композиция храма с высоким цоколем, башенным завершением и великолепным скульптурным фризом, опоясывающим его цокольную часть, делает храм похожим на скульптурный монумент.

Вторая известная группа памятников V—VII вв., сложенных из тесаного камня, расположена в районе Северного Декана в триаде столиц господствовавшего в этом районе Чалукийского государства: Айхоле, Бадами и Патадакале.

Этот район, занимающий промежуточное положение между Югом и Севером, считают колыбелью средневековой храмовой архитектуры. Здесь можно проследить зарождение архитектуры двух типов средневекового храма: северного (индо-арийского) и южного (дравидийского).

В Айхоле находится около семидесяти сохранившихся в руинах храмов, из которых тридцать заключено в стены крепостного ансамбля. Из них наибольшую известность получили храмы Ладканы и Дурги.

В конце VI в. столица из Айхоли была перенесена в более живописное и защищенное горами место — в Бадами, на берегу озера у подножья гор. Здесь, как об этом гласит надпись на одном из храмов, в 578 г. были высечены в скалах три брахманских храма и один джайнский. Около 600 г. напротив них были воздвигнуты два брахманских храма — Махакутешвара и Малагетти Шивалая, сложенных из тесаного камня. Сравнительно с пещерными храмами, отличающимися изяществом и богатством декоративной обработки, наземные храмы выглядят довольно примитивно — в освоении техники каменной кладки не было еще достигнуто мастерства; столбы кажутся слишком массивными, а формы грубыми. Тем не менее, как видно, предпочтение в строительстве было отдано наземным сооружениям, так как пещерное зодчество не удовлетворяло требованиям нового заказчика.

Прогресс в строительной технике обнаруживается в джайнском храме Мегути, построенном в Айхоле в 634 г.: в кладке уже применены более мелкие и более тщательно обработанные каменные блоки. Декор так же, как и в других храмах, был нанесен после того, как была закончена кладка.

Бадами. Храм Малагетти, около 600 г.

В храме Махакутешвара в Бадами впервые встречается шикхара южного типа в виде надстройки второго этажа с пирамидально-ярусным завершением, увенчанным четырехскатным куполом.

С конца VI в. типовые различия в храмовом зодчестве стали проявляться более глубоко и касаться не только шикхары, а также плановой и объемной композиции, интерьера, строительно-конструктивных приемов, характера декора и в других отношениях.

Храмовые комплексы VIII в. Период с конца VII по VIII в. характеризуется дальнейшим утверждением господства феодалов и брахманского жречества в общественной экономике. В области религиозной идеологии этого времени отмечается почти полное вытеснение буддизма индуизмом. Поэтому не случайно, что именно в это время развернулось массовое строительство брахманских храмов в больших масштабах. Обогащалось декоративное убранство храмов, усложнились их плановые и объемные композиции.

К тому времени на основе традиций народного и культового зодчества выкристаллизовалась объемно-пространственная композиция храмового комплекса, которая была приведена в соответствие со средневековой концепцией храма, как жилища божества и особенностями ритуала. Понятие — храм с этих пор расширилось: из культового здания он превратился в комплекс различных сооружений. На его территории происходило общественное исполнение религиозного ритуала и собирались массы молящихся. Целла, окруженная атмосферой таинственности и мистицизма, стала частью храмового комплекса, не доступной для большинства людей. Появилась необходимость в организации пространства вокруг святилища — виманы и постройки дополнительных помещений для обслуживания молящихся. Обязательной частью храмового комплекса становится прямоугольный замкнутый двор — пракарам. На его территории размещались второстепенные святилища, залы и галереи для молящихся, бассейны для омовений и другие подсобные помещения. Храмы обычно обносились оградой. В Южной Индии, как правило, не ограничивались одной оградой, а устраивали с внутренней стороны по всему периметру двора крытую галерею или же ставили в ряд отдельные, однотипные целлы.

Оформленный таким образом интерьер двора приобретал характер большого зала без верхнего перекрытия. Сама территория двора считалась священной, и вход во двор выделялся особым сооружением. В Ориссе оно имело форму своеобразной арки — торана (так же, как ворота в ограде ступа). В Южной Индии пилон оформлял вход на территорию храма, а позднее — надвратная башня — гопурам. Входы обычно ориентированы на восток.

Во всех храмах брахманской религии различают храмы, посвященные двум главным богам Индии — Шиве и Вишну. На юге превалиру-

ют храмы, посвященные богу Шиве, а на севере — богу Вишну, или богу Солнца. В храмах, посвященных богу Шиве, имеется отдельный павильон со статуей священного быка Нанди. Во внутреннем помещении святилища — гарбхагриха в храмах, посвященных Шиве, обычно ставилась эмблема фалуса-лингам призматической или цилиндрической формы, в храмах Вишну — статуи божества. Соответственно изменилось содержание скульптуры и рельефов храмов.

Храмы джайнской религии больше распространены в Западной Индии и довольно редко встречаются на Юге. По композиции, формам и даже декору джайнские храмы мало отличались от брахманских храмов. Для них особенно характерен был двор, окруженный по внутреннему периметру непрерывным рядом маленьких целл, в которых ставились статуи 24 джайнских святых.

В объемно-пространственной композиции храмов (развивавшихся с VIII по XI вв.) главным стержнем постоянно выступает вимана — наиболее значительный и крупный из всех объемов, входящих в храмовый комплекс. Эта «святая святых», одетая в массивную каменную оболочку, завершенную кверху пирамидой, является предметом поклонения так же, как и заключенное внутри него изображение божества. К этому времени храм, обогащенный пластическим декором и скульптурой, пробрел свой специфический художественный образ. Брахманские жрецы трактуют его как символ Вселенной, уподобленный священной горе — обиталищу всех богов. «Вертикальные оси прасады (объем святилища) ведут от высшей точки — вершины шпиля к ее центру гарбхагриха (внутреннее помещение святилища), невидимые ни снаружи ни внутри они образуют столб, подобный полому тростнику. Этот столб и есть прасада — воплощение Вселенной»¹. Место святилища, где находится изображение идола или его эмблема в форме лингама, сливается с центром Космоса или с центром Земли. Прасада (т. е. сам храм, где помещается идол) в представлении жрецов является «местом и символом манифестации и реинтеграции, обращенной в них средствами архитектуры»².

Архитектурные формы пирамидально-ярусной композиции виманы памятников VIII в., не утратившие еще преемственных связей с подобными сооружениями вихары и многоэтажными жилыми зданиями, не соответствуют символическому толкованию жрецами святилища.

Однако характерная особенность индийской религии, проявляющаяся в форме пантеизма — многобожия, нашла свое отражение в архитектурной композиции шикхары и виманы. Вимана мыслилась местом обитания не одного, а многих богов или их перевоплощений (так,

¹ Kramrisch S., The Hindu Temple vol. 1, p. 175.
² Там же.

например, бог Шива является в образах Натараджана, Махадео и др.), и каждому из них отводилось свое место. В ранних храмах эта идея отразилась в композиции, состоящей из нескольких святилищ, сгруппированных вокруг главного. В некоторых храмах имеются многочисленные ниши, альковы, алтари, миниатюрные модели храмов, идущие по уступам шикхары, предназначенные для второстепенных божков и святых. Храм решался как место обитания богов с обеспечением для каждого из них «индивидуального домика».

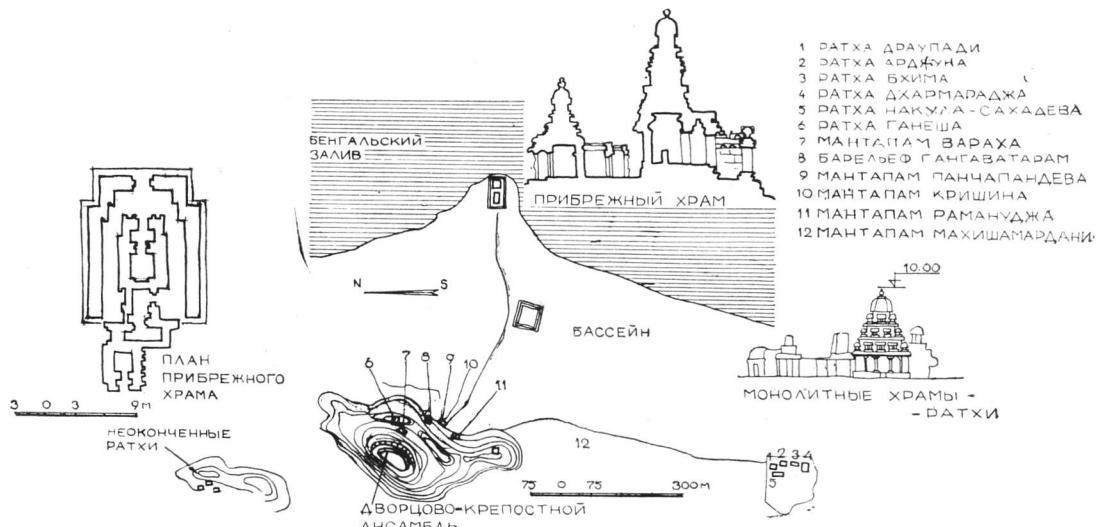
Новый этап храмового строительства в Декане ознаменовали монументальные храмы, возникшие на рубеже VII—VIII вв. на территории государств династий Паллавов, Чалукиев (позднее, в VIII в. Раштракутов).

Во времена расцвета Паллавского государства охватывало территорию исконного царства — Тондаимандалам, а также большую часть территории бывшей империи Андхра, простираясь вдоль Коромандельского побережья на юге до реки Кавери, на севере до реки Кришна, включая на западе район Беллари. Правители Паллавского государства поддерживали торговые связи со многими странами. Эти связи стали особенно интенсивно развиваться начиная с VII в. В это время был заложен новый город Мамаллапурам. В 736 г. паллавские правители направили дипломатическую миссию в Японию, возглавляемую Бодхисеном, впервые установив более официальные отношения между Индией и Японией. Основу хозяйства Паллавского государства составляло земледелие. Большое внимание уделялось гидротехническим сооружениям. В VI—VII вв. были созданы большое искусственное озеро около реки Палар и канал, соединивший столицу с городом Мамаллапурам.

Эру монументального строительства в каменной кладке на Крайнем Юге Индии открыл Прибрежный храм в Мамаллапураме, построенный в начале VII в.

Вслед за Прибрежным храмом около 700 г. в столице Паллавского государства в Канчипураме был сооружен храм Кайласанатха. Еще не было закончено строительство этого храма, как уже началось в 725 г. строительство в этом же городе другого храма Вайкунта Перумала и одновременно с ними было построено еще четыре храма в других городах.

После этого вскоре Паллавы потерпели серьезное поражение в войне с соседним Чалукийским государством, закончившееся захватом его столицы. Последовавший за этим упадок Паллавского государства, естественно, отразился на монументальном строительстве, которое ограничивалось с тех пор на его территории небольшими храмами личного пользования, похожими на часовни. Храмы представляли лишь объем святилища, завершенный высокой шикхарой и примыкающим к нему портиком с плоской крышей.

Мамаллапурам. Место расположения памятников

Лучшие строители, скульпторы и художники были в это время переброшены в Северный Декан. В 740 г. в Паттадакале, столице Чалукьев, был воздвигнут в честь победы над исконными врагами — представителями Паллавской династии — храм Вирупакша, подобный храму Кайласа в Канчи. А вскоре за ним при Раширакутах в 755 г. было закончено монолитное сооружение храма Кайласанатха в Элlore, повторившее и увековечившее в скале композицию храма Кайласа в Канчи.

На всех этих памятниках прослеживается развитие храмового комплекса южного типа. В его композицию входят следующие сооружения: главный объем святилища в форме куба, завершенного шикхой, зал для молящихся — мантапам, священный бассейн для омовения, отдельно стоящие колонны-светильники, жертвенник, стены замкнутый прямоугольный двор с надвратной башней — голуром над входом.

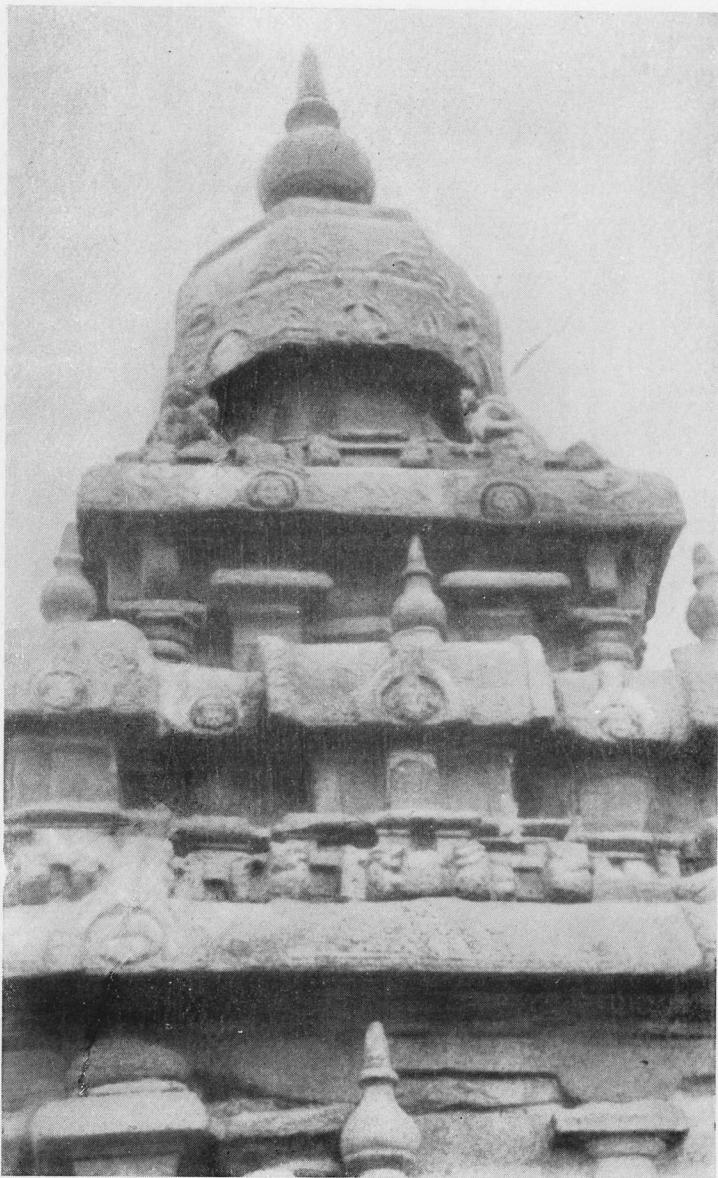
Прибрежный храм в Мамаллапураме, посвященный богу Шиве (в древности храм назывался Яласаяна), — первое известное сооружение на Юге, сложенное из тесаного камня. Он целиком построен из гранитных блоков, причем завершающие оба святилища башни-шикхары тоже монолитные и как бы иллюстрируют переходную стадию от монолитных сооружений ратх к постройкам, сложенным из камня. Монолитная шикхара уложена по каменным плитам, опиравшимся, судя по отверстиям в стенах, на деревянные балки.

Прибрежный храм является также первым известным храмовым комплексом. Его необычная композиция, возможно, была вызвана постановкой храма на самом берегу Бенгальского залива. По всей вероятности, это было сделано с целью предупредить мореплавателей о приближении к вновь построенному портовому городу. В настоящее время морские волны подкатываются к самому памятнику, угрожая его затопить. Предполагают, что в момент строительства храма в VII в. море было значительно от него отдалено, и впереди храма со стороны моря находился дворик, на территории которого стояли одиноко возвышающиеся теперь на утесе скалы среди моря, два столба-светильника — дваджха стамбха. По уцелевшим остаткам колонн и стен можно представить окружавшую второй двор каменную ограду и стоявшие внутри двора залы для молящихся — мантапам.

В хорошей сохранности находятся два примыкающих друг к другу и несколько смещенных в отношении своей оси святилища. Главное, более крупное из них обращено на восток, а меньшее — на запад. Вокруг главного святилища идет открытый сверху коридор — прадак-

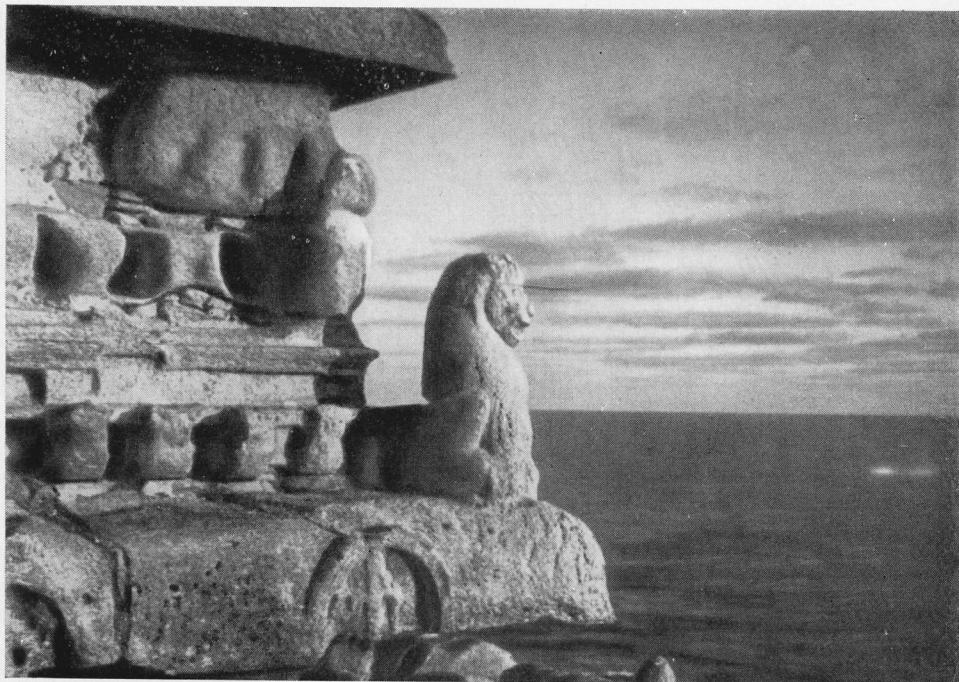
Мамаллапурам. Общий вид Прибрежного храма, VII в.

Мамаллапурам. Купольное завершение Прибрежного храма.

Мамаллапурам. Прибрежный храм. Фрагмент карниза и изваяния льва на карнизе

шинапатха, отгороженный невысокой стеной, похожей на ширму. Завершающая шикхара в обоих святилищах подобна башенному верху монолитной ратхи Дхармараджа в Мамаллапураме, только выдержана в более стройных пропорциях, создавая острый, как бы пронизывающий небо силуэт. Пилястры наружных стен храма и ограды похожи на те, какие встречаются в ратхах Мамаллапурама. Это тонкие столбики, имитирующие деревянные формы, имеют в основании фигуры вздыбленных львов.

Большой интерес представляют обнаруженные остатки водопроводной системы, включавшейся в общую городскую водопроводную сеть, питавшуюся из канала, соединенного с рекой Палар. В каменной ограде Прибрежного храма были заложены маленькие цистерны, которые в случае необходимости так же, как и бассейн, наполнялись водой. Поступление воды регулировалось шлюзами, а избыток — уносился по каскаду вниз в море.

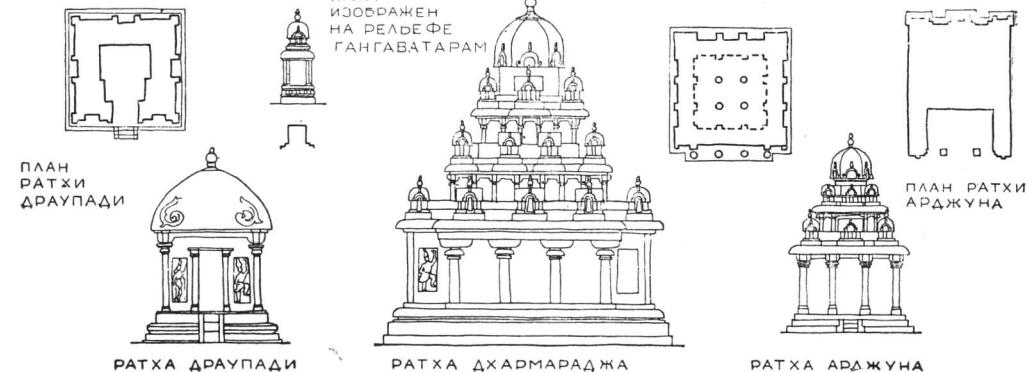
В Мамаллапураме сохранились в полуразрушенном состоянии еще два храма, сооруженные в каменной кладке, возможно, одновременно с Прибрежным храмом.

МАМАЛЛАПУРАМ - VII ВЕК (МАХАБАЛИПУРАМ)

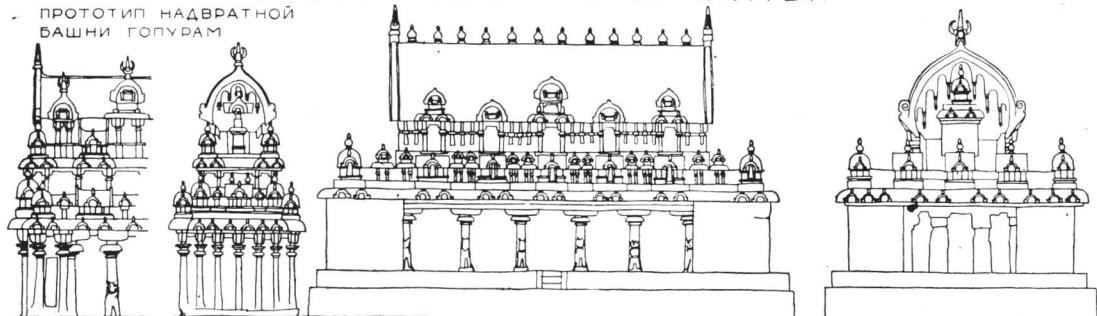

МОНОЛИТИЧЕСКИЕ ХРАМЫ
ПРОТОТИП ОВЯТИЛИЩА „ВИМАНА“

ПЛАН РАТХИ
ДХАРМАРАДЖА

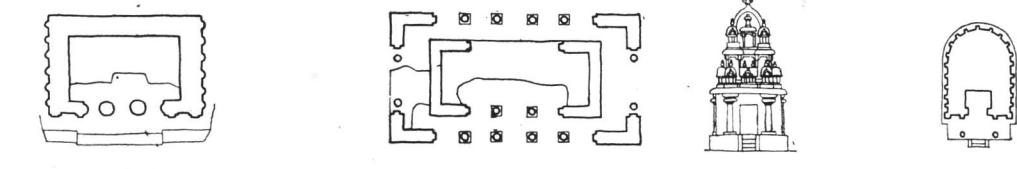
МОНОЛИТИЧЕСКИЕ СООРУЖЕНИЯ ТИПА ЧАЙТЬЯ

РАТХА ГАНЕША
(ОДНОСТОЯЩАЯ)

РАТХА БХИМА
ЗАПАДНЫЙ ФАСАД

РАТХА БХИМА
СЕВЕРНЫЙ ФАСАД

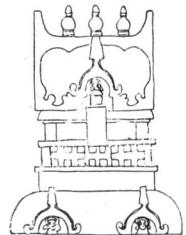
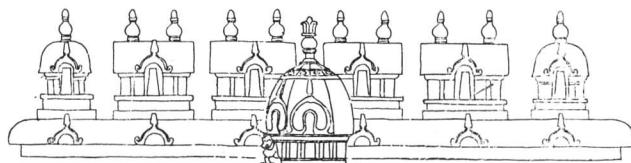
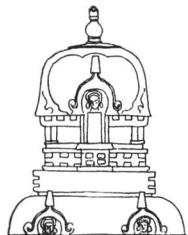
1M 0 1 2 3 4 5 6 7M

1M 0 5 10 15M

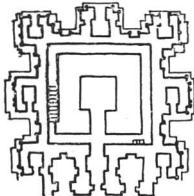
МАСШТАБ ДЛЯ ФАСАДОВ 1:100 МАСШТАБ ДЛЯ ПЛАНОВ 1:200

КАНЧИПУРАМ

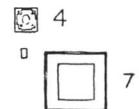
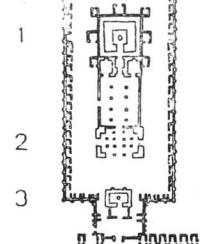
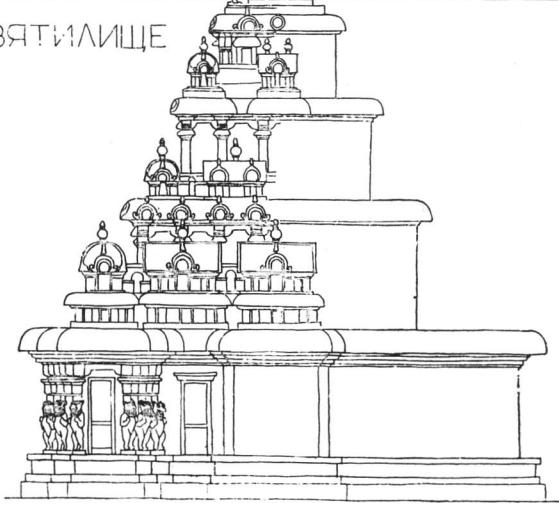
ХРАМ КАЙЛАСАНАТХА 725 г.

ВИМАНА-СВЯТИЛИЩЕ

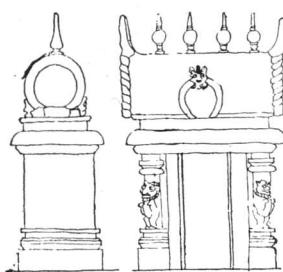

ПЛАН
ВИМАНА-СВЯТИЛИЩА

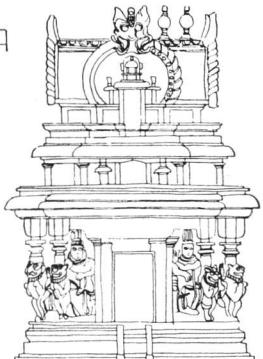

ПЛАН ХРАМОВОГО
КОМПЛЕКСА

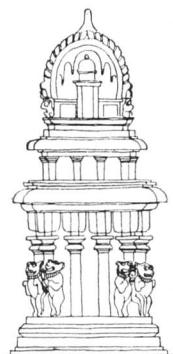
ГОПУРАМ НАДВРАТНАЯ БАШНЯ

ГОПУРАМ

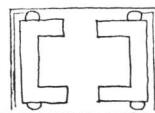

ХРАМ МАХЕНДРАВАРМАНА'-ТИПА ГОПУРАМ

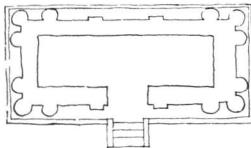

СООРУЖЕНИЯ
ХРАМОВОГО
КОМПЛЕКСА

- 1 ВИМАНА
- 2 МАНТАПАМ
- 3 ГОПУРАМ
- 4 ПАВИЛОН СО СТАТУЕЙ
СВЯЩЕННОГО ВЫКА
НАНДИ (ЕСЛИ ХРАМ
ПОСВЯЩЕН БОГУ ШИВЕ)
- 5 ЖЕРТВЕННИК
- 6 ДИПА-СТАМБХА - СТОЛЬ
СВЕТИЛЬНИК
- 7 БАССЕЙН ДЛЯ ОМОВЕНИЙ

МАСШТАБ ДЛЯ ПЛАНОВ 1:100

МАСШТАБ ДЛЯ ФАСАДОВ 1:100
1M 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9M

МАСШТАБ ДЛЯ ПЛАНОВ 1:200
1M 0 5 10 15 20 25M

МАСШТАБ ДЛЯ ПЛНА КОМПЛЕКСА 1:400
2M 0 5 10 15 20 25M

Из всей группы паллавских памятников по архитектуре выделяются два храма в Канчи: храм Кайласанатха¹, посвященный богу Шиве, и храм Вайкунта Перумала, посвященный богу Вишну. Храм Кайласа превосходит все остальные храмы своими размерами, цельностью архитектурной композиции и богатством пластического декора.

Перси Браун пишет: «...изучение храма Кайласа в Канчи может послужить основанием любого исследования дравидийского (т. е. южного) строительного искусства»², а Лонгхерст считает храм Кайласа в Канчи краеугольным камнем всей «дравидийской архитектуры»³.

Оба храма в Канчи находятся в состоянии относительно хорошей сохранности (они поддерживаются Археологическим департаментом штата Мадраса). Почти полностью восстановлен прежний облик храма Кайласа, соответствующий времени его создания, оставлена лишь пристройка — архимантапам XIV в., соединяющая в настоящее время мантапам и святилище — виману. Оба храма выполнены в основном из мягкого песчаника, надстройка — шикхара из кирпича. Однаковой для обоих храмов остаются формы шикхары, завершающей так же, как в ратхе Дхармараджа и Прибрежном храме, главный объем святилища — виманы в виде трехэтажной пирамидальной надстройки, увенчанной восьмигранным куполом. В отличие от ранних храмов Мамаллапурама здесь эта надстройка не монолитная, а состоит из трех этажей, в которых находятся помещения святилищ со статуями божеств.

Все пять известных паллавских храмов выполнены в каменной кладке. За исключением Прибрежного храма, они представляют конструктивный тип здания, известный на юге Индии под названием самита. Эти храмы являются образцом рационального использования строительных материалов. В разных их частях в зависимости от конструктивного назначения применены различные породы камня и сочетание камня с кирпичом. Так, например, известно, что цоколь комплекса храма Кайласа в Канчи, передние столбы — мантапам и стены святилища выполнены из гранита, а стены двора вместе с примыкающими к ним целлами — из песчаника. Башенная надстройка шикхары и верхней части гопурам выполнена из кирпича так же, как большие скульптурные группы в нишах и фигуры львов, стоящие по углам здания. Применение более прочных пород камня в несущих частях здания и более легких пород камня и кирпича в его верхних и второстепенных частях и

¹ Храм Кайласанатха в Канчиупурме принято сокращенно называть храм Кайласа в Канчи.

² Brown P. Indian architecture, vol. 1, p. 95.

³ Longhurst A. Pallava architecture. M.A.S. of I., № 33. Дравидийской архитектурой называют храмовую архитектуру, развивавшуюся в пределах Коромандельского побережья от озера Пуликат до мыса Коморина.

скульптурах свидетельствует о целесообразном подходе строителей к распределению веса, о желании облегчить процесс строительных работ и тем самым удешевить и ускорить все строительство.

Применение смешанных материалов вызывало необходимость оштукатуривания зданий или, наоборот, привычное применение штукатурки в обычном строительстве и привело строителей к более рациональному и экономичному использованию различных материалов в монументальном зодчестве. Возможно, строители рассчитывали на то, что штукатурка скроет под своим покровом неприглядные швы и различия в фактуре материалов камня и кирпича и другие возможные дефекты.

Канчиપурам. Внутренний двор храма Кайласа

Канчиapuram. Махамантап — зал для молящихся в комплексе Кайласа

Все здание в целом, включая все его детали, покрывалось штукатуркой особого состава, отличающейся замечательными качествами прочности и блестящей полированной поверхностью. Штукатуркой покрывали храм, возможно, еще в целях предохранения от выветривания.

В храме Кайласа и Вайкунта Перумала применялся песчаник неслоистой структуры, легко поддающийся обработке во всех направлениях. Большинство скульптурных работ исполнялось на месте после окончания каменной и кирпичной кладки, и лишь немногие скульптуры выполнены из монолитного куска камня. Это подтверждается сохранившимися под штукатуркой швами, перерезающими скульптурные фигуры. Такой метод работ характерен для большинства районов Индии за исключением Ориссы и Майсура, где скульптура обрабатывалась в каменоломнях. Это объясняется тем, что скульпторы, привле-

Канчиપурам. Барельеф на цоколе святилища храма Кайласа

ченные к работам в храмах, сложенных из камня, использовали привычные навыки работ в сооружениях из дерева или в скульптурах, высеченных в скале. Здесь, как обычно в каменной и кирпичной кладке храмов, известковый или цементный раствор не имел места. Каменные блоки соединялись деревянными или металлическими штырями или скрепами.

Храмы Кайласа и Вайкунта Перумала существенно различаются между собой. Более архаичная композиция храма Кайласа сближает его с известным сооружением — буддийским монастырем Такхт-и-бахаи II в., расположенным на северо-западе Индии. Тот же прямоугольный двор, окруженный по внутреннему периметру однотипными целлами, и возвышающийся в центре двора главный объем святилища — вимана, сдвинутый от входа к западному торцу и соответствующий стоявшему в монастыре ступа.

К наружным стенам главного объема виманы примыкают, как и в ранних храмах на севере, дополнительные святилища. По структуре эти

объемы идентичны целлам, окружающим двор, но несколько превосходят их размерами. И те и другие называются ратха или альпапрасада, т. е. первичный храм. Это — самостоятельный, квадратный в плане, объем с глубокой нишой, завершенный куполом и выступающим вперед портиком, на внутренних стенах имеются скульптурные изображения, а внутри стоит лингам. Альпапрасада имеет те же самые формы, свойственные: монолитной ратхе Драупади Мамаллапурама, небольшим святилищам на рельефах Гангаватарама и высеченным в скалах Ундавали. Интересно отметить большое сходство форм и видов южноиндийских построек V—VII вв. со зданиями, встречающимися в рельефах Бхархута и Санчи, созданными в первых веках до нашей эры на Севере Индии.

Композиция виманы связывается в одно целое с интерьером двора, выделяющимся более крупными размерами альпапрасада, расположенным напротив виманы по трем ее центральным осям. Сомкнутый ряд объемов альпапрасада, идущий по внутренним сторонам двора в храме Кайласа в Канчи, является его характерной особенностью и в других паллавских и чалукийских храмах на встречается. Альпапрасада вовсе отсутствует в композиции храма Вайкунтха Перумала. В храме Кайласа в Канчи помещение святилища — гарбхагриха окружено двойным кольцом стен, между которыми образуется коридор для церемонии прадакшина, обязательный для всех южных храмов.

Зал для молящихся — мантапам в храме Кайласа, так же как и в Прибрежном храме, представляет собой отдельно стоящий многостолпный павильон с плоским перекрытием. По формам и композиции он сведен с паллавскими пещерными храмами типа мантапам. В храме Вайкунтха Перумал мантапам соединен со святилищем промежуточным помещением антарала. Первоначальный замысел комплекса Кайласа нарушен построенным несколько позже стоящим по центру композиции со стороны входа небольшим храмом Нарадешвара. Этот храм по расположению и объему легко принять за гопурам (сооружение, оформляющее вход). Он является почти копией монолитного храма-ратхи Ганеша в Мамаллапураме. Здесь же гопурам представляет собой простой пилон, завершенный сводчатым перекрытием. На стенописях в Аджанте изображено несколько похожих на него пилонов, оформляющих входы в огражденные комплексы жилых и дворцовых зданий.

Священный бассейн для омовений, жертвенныйник, колонна-светильник — дваджха стамбха и павильон со статуей быка Нанди вынесены за пределы двора и должны, по замыслу, входить в пределы второго двора. По неизвестным причинам эта идея не была осуществлена. Об этом замысле свидетельствует лишь оставшийся незаконченным рядом асимметрично расположенных относительно входа целл — альпапрасада, подобных тем, какие стоят внутри первого двора.

Намерение строителей создать второй двор было вызвано желанием ограничить доступ к самому святилищу. В VIII в. усилилось кастовое деление общества. В этом отношении храм Вайкунта Перумала вполне отвечает целям ограждения святыни и ограничения доступа к нему. Представители низших каст не допускались даже на территорию храмового комплекса. В храме Вайкунта гарбхагриха внутреннее помещение святилища окружено толщей трех непроницаемых стен и, кроме того, колоннадой и стенами внешней ограды двора. Компактная и цельная композиция храма Вайкунта и небольшие размеры зала — мантапам явно рассчитаны на ограниченный круг молящихся.

В обоих храмах все сооружения, за исключением квадратного в плане водоема, обрамленного ступенями, нанизаны на одну ось. Главным и наиболее значительным сооружением в обоих храмовых комплексах является вимана, стоящая в глубине двора, завершенная трехэтажной шикхарой. На каждом этаже имеется помещение гарбхагриха, содержащее лингам, или статую божества. Вокруг святилища, так же как и в храмах Мамаллапурама, на каждом этаже идет узенький открытый проход, огражденный парапетом. Он составлен из миниатюрных моделей двух типов построек, называемых куту. Угловые куту — квадратные в плане, завершенные куполом, а между ними — продлоговатые со сводчатым перекрытием.

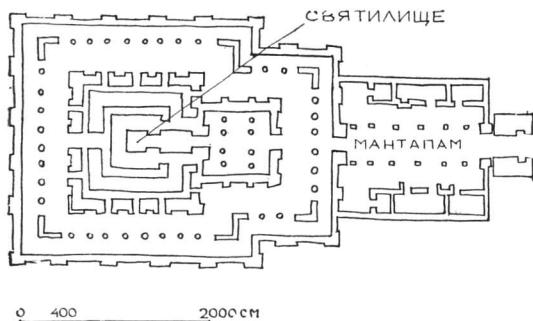
В Прибрежном храме Мамаллапурама и храме Кайласа в Канчи встречается знакомый паллавский ордер, но колонна видоизменилась — фигуру сидящего льва заменило изваяние вздыбленного льва.

В этом случае колонна утратила свою тектоничность — фигура льва выглядит приставленной к столбу.

Пилястры, похожие на контрфорсы с фигурами вздыбленных львов, высотой 1,5 м идут метрическим рядом по всему наружному периметру двора в обоих храмах; внутри двора колонны такой же формы, но различаются по высоте (1,5 м — минимальная высота, а максимальная — 2,77 м). Более крупные колонны оформляют целлы, примыкающие к главному святилищу, а более низкие характерны для всех остальных сооружений. Самые высокие пилястры высотой в 3,53 м оформляют углы здания мантапам, а высота фигуры вздыбленного льва в 1,52 м остается одной и той же.

В храме Кайласа в Канчи встречается несколько типов колонн и пилястр. Два массивных, архаических по характеру, наружных столба — мантапам воспроизводят деревянный столб с выносной консолью. Гладкие пилястры с капителью, похожей на горшок или вазу для цветов, оформляют ниши со скульптурными изображениями. По форме капители они сходны с деревянными колоннами, изображенными на стенописях в Аджанте (V—VII вв.).

В храме Вайкунта Перумала колонны с фигурами сидящих львов

Канчиપурам. План комплекса храма Вайкунта Перумала, 725 г.

высотой 2,46 м встречаются в интерьере зала мантапам, а более низкие колонны высотой 1,98 м размещаются с внутренней стороны двора. Формы и размеры пилasters, с гладким стволом, подкосом и консольной капителью на стенах виманы и стенах ограды с внешней стороны одни и те же.

В святынях комплексов Кайласа и Вайкунта Перумала в Канчи, как вообще почти во всех средневековых храмах, единственные входные проемы и стены покрыты обрамленными нишами с барельефами. В мантапам храма Кайласа в Канчи окна заполнены алебастровой решеткой. По сторонам входов ниша со скульптурами стражников — дварапала. У них довольно грозный вид, весьма отличный от нежно обнявшихся любовных пар, помещенных, например, у входа в буддийский храм в Карли (I в. до н. э.). Дварапалы в храме Кайласа вполне сочетаются с чудовищными фигурами вздыбленных львов, стоящих рядом с ними.

К храму Кайласа в Канчи близки по архитектуре брахманские храмы в Панамалаи и Калугамалаи и построенный около 700 г. джайнский — в Тирупаритхиундрате.

Обращает внимание в храме Панамалаи одна интересная деталь: на карнизе обычной формы четвертного вала вместо рельефных изображений человеческих головок, высывающихся из миниатюрных арочных проемов, которые можно видеть в ратхах Мамаллапурата, здесь показаны торцы деревянных прогонов, поддерживающих покатую крышу.

Примечательными являются в джайнском храме сохранившиеся остатки стенной живописи. Нет сомнения в том, что в их строительстве принимали участие мастера одной школы.

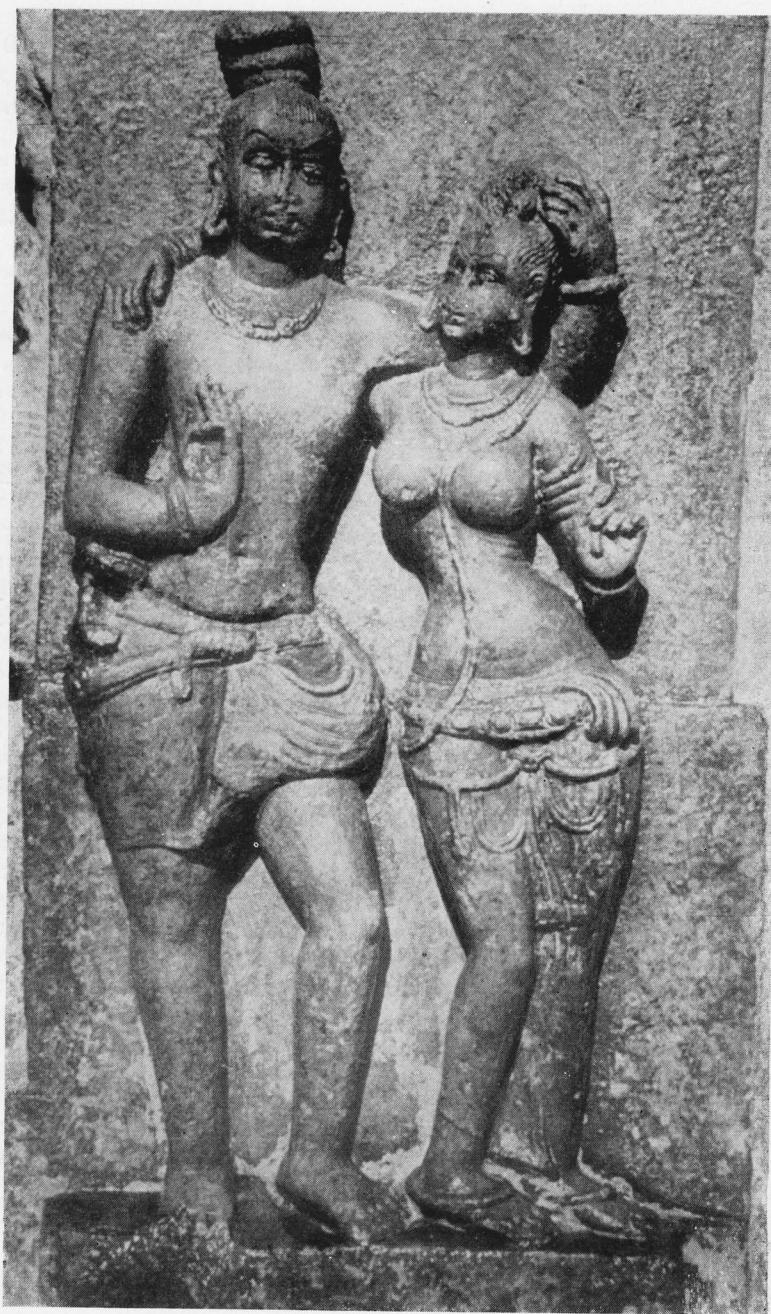
После вторжения в Бадами в 642 г. паллавских правителей столицы Чалукьев была перенесена в Паттадакал. В это же время было прекращено пещерное строительство в Аджанте. В Паттадакале сохрани-

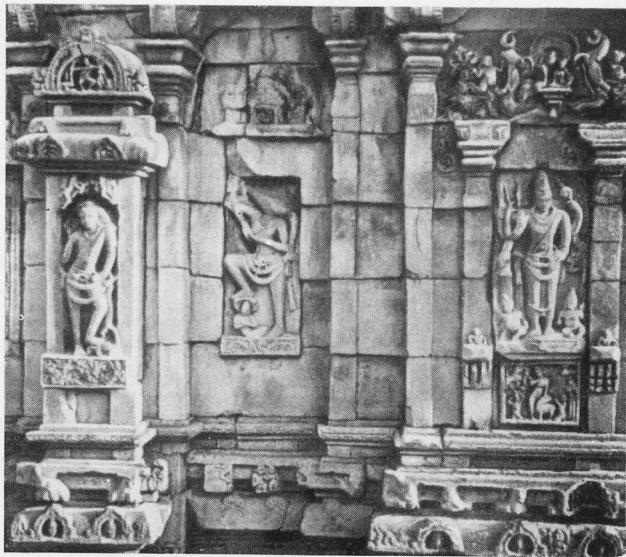
лись десять храмов; из них четыре храма, созданные в 680 г., северного и шесть храмов — южного типа, построенных в 725—740 гг. Из всей группы сохранившихся храмов наиболее значительными являются храм Папанатха, 680 г., северного типа и храм Вирупакша, 740 г., южного типа, хотя в обоих храмах встречаются одни и те же детали, которые могут быть отнесены специалистами к двум различным стилям или вернее двум типам храмов; нет существенных различий и в плане: в обоих случаях имеется обходной коридор вокруг целлы и примыкающий к ней зал для молящихся — мантапам.

Храм Вирупакша в Паттадакале почти идентичен по архитектуре храму Кайласа в Канчи.

В его усложненной декоративной обработке стен появились: раскреповка и тонкие пилястры, отличные от паллавского ордера. Характерной чертой декора наружных стен этих храмов являются ниши, завершенные миниатюрной шикхарой, изображенной в рельефе.

В VIII в. после победы над Паллавами соседнее с ним царство Раштракутов оказалось одним из самых крупных и сильных в Индии феодальных государств. Здесь в мало пригодных для земледелия районах основу экономики с давних пор составляло скотоводство, ремесло и торговля. На заморской торговле сильно разбогатело государство Раштракутов, которое в это время по своему могуществу и роскоши двора могло соперничать с процветавшим в Малой Азии Арабским халифатом. Не осталось следов былого великолепия светской жизни Раштракутов и их придворных. От всей строительной деятельности этого времени сохранились лишь сооружения храмов, высеченных в скалах Эллоры, превосходящих по размаху и богатству пластического убранства все остальные предшествующие им постройки. Наиболее выдающимся сооружением эпохи явился уникальный памятник архитектуры — храм Кайласа в Эллоре. Храм был создан между 725—755 гг. В мире нет другого такого грандиозного памятника архитектуры, высеченного, подобно гигантской статуе, из скалы. Храм создавался тем же путем, что и монолитные ратхи Мамаллапурала. Выемка грунта производилась из громады скалы сверху, обнажавшаяся часть скалы доводилась до полной завершенности архитектурной пластической обработки. К работам в интерьере приступали в последнюю очередь, после того как была закончена обработка наружной поверхности стен и крыши. Монолитный храм в Эллоре в плане и архитектурной композиции повторяет в основе наземный храм Кайласа в Канчи, являясь в то же время более усовершенствованным и приспособленным к местным условиям. Так же, как и в храме Кайласа в Канчи, к объему святилища — вимана — примыкают по углам и по центру пять (в храме Кайласа в Канчи — девять) самостоятельных объемов небольших святилищ, завершенных каждый собственной шикхарой.

Паттадакал. Храм Вирупакша, VIII в. Общий вид; фрагмент наружной стены святилища; барельеф с мотивом «Майатхуна»

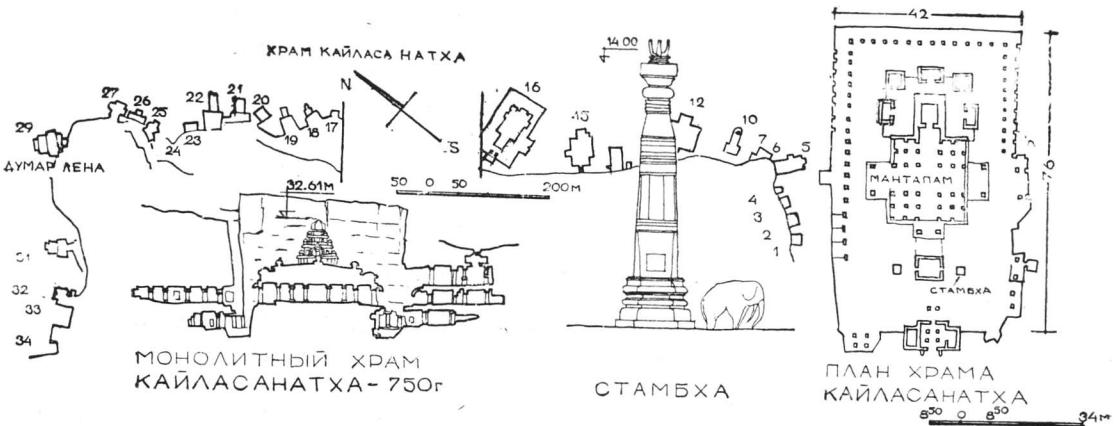
В отличие от храма Кайласа в Канчи здесь, как уже стало принятым, зал мантапам соединен со святилищем промежуточным помещением — антарала. Квадратный в плане зал мантапам имеет внутри довольно частую расстановку 16 колонн, оставляющую более широкими центральные проходы, ведущие к трем наружным входам в храм. Павильон со статуей быка Нанди (храм посвящен богу Шиве), надвратная башня — гопурам — и зал — мантапам — поставлены по главной оси входа и соединены между собой мостиками. Необходимость в мостиках была вызвана высоким приподнятым от земли уровнем пола храма. Храм-вимана стоит на необычайно высоком стилобате (высотой 8,2 м), опоясанном вокруг горельефными изваяниями чередующихся фигур слонов и фантастических существ, выполненных в натуральную величину с большим реалистическим мастерством. Этот фриз напоминает подобный ему в пещерном храме в Карли I в. до н. э.

Павильон со статуей быка Нанди фланкирован с двух сторон отдельно стоящими столбами — дхваджастамбха (или дипдан), выполняющими роль светильника, высотой 15,2 м, и замершими в естественных позах каменными изваяниями слонов почти в натуральную величину. Двор окружен по внутреннему периметру колоннадой и целлами, что придает всему комплексу полную завершенность.

Замечательная архитектурная композиция храма Кайласа в Эллоре не охватывается, к сожалению, в целом. Храм зажат между высокими отвесными стенами скал, и зрительно воспринимаются отдельные фрагменты, красивые и сочные профили и обломы. Великолепен архитектонический плотный ряд мощных слонов, несущих на своих спинах здание храма.

В отличие от храма Кайласа в Канчи все скульптурное убранство здесь проникнуто большой свободой и смелостью трактовки. Нередко можно встретить в рельефе фигуру в порывистом взлете на гладком фоне стены. Для храма Кайласа в Эллоре характерны непринужденность в позах фигур, большая динамичность и отсутствие строгости и последовательности в изображении канонических сюжетов из жизни богов. На южной стороне храма помещены рельефы с эпизодами из эпоса «Рамаяна»: Рама с помощью Ханумана побеждает дьявола Рavana; на северной стороне храма запечатлены сцены войны между двумя родами Панчавов и Кауравов из другого эпического произведения «Махабхарата». На наружных стенах храма сохранились остатки блестящей белой штукатурки, а внутри храма — следы росписей.

Храм Кайласа в Эллоре значительно превышает размерами своих предшественников — храмы в Канчишураме и Паттадакале; он имеет периметр $50 \times 33,2$ м и высоту 32,61 м. Размеры окружающего его двора — $46,9 \times 84$ м (по другим данным, 49×76 м). Выемка грунта по высоте производилась от 15,3 до 32,6 м.

Эллора. План комплекса скальных сооружений

Считают, что высеченный в скале монолитный храм Кайласа в Эллоре обошелся бы дешевле такого же храма, сложенного из тесаного камня, так как вынуть $50\ 000\ m^3$ скалы легче, чем расколоть каменные глыбы, обработать их в блоки правильной формы, подвезти их к месту строительства и сложить затем из них храм. Стоимость работ пещерного строительства будет составлять примерно на одну десятую меньше стоимости работ в каменной кладке при одинаковой стоимости скульптурных работ (так как в обоих случаях работы производились в карьерах).

Такие соображения и подсчеты нисколько не умаляют достоинств этого уникального произведения, в котором каменщики-скульпторы проявили столь исключительное мастерство и глубокие познания в геологии.

Через столетие джайнисты вырубили в скале рядом с этим монолитным гигантом подобный ему храмовой комплекс, названный Чхота Кайласа (маленький Кайласа), сильно уступающий своему прототипу не только размерами (в 4 раза меньше), но и качеством скульптурных работ¹.

Теперь трудно определить намерения тех, кто создавал монолитный храм Кайласа в Эллоре; известно лишь, что храм был создан по

¹ Джайнисты, обычно выбирающие для культовых зданий уединенные места в Эллоре, еще продолжали создавать свои храмы до начала X в.

заказу царя Кришна I в пору расцвета Раштракутского государства. Не исключено, что одним из главных стремлений заказчика было увековечить в прочном материале скалы сложившийся в канонических формах храмовый комплекс, ставший господствующим типом архитектурного сооружения эпохи.

Начиная с VIII в. крупное храмовое строительство развернулось во многих районах Индии, приобретая в каждом из них свои отличительные черты. Очень яркие и самобытные формы и своеобразные композиции выделяют храмы в Ориссе, Гуджарате, Майсуре, Раджпутане, Бенгалии в самостоятельные архитектурные школы, требующие специального рассмотрения.

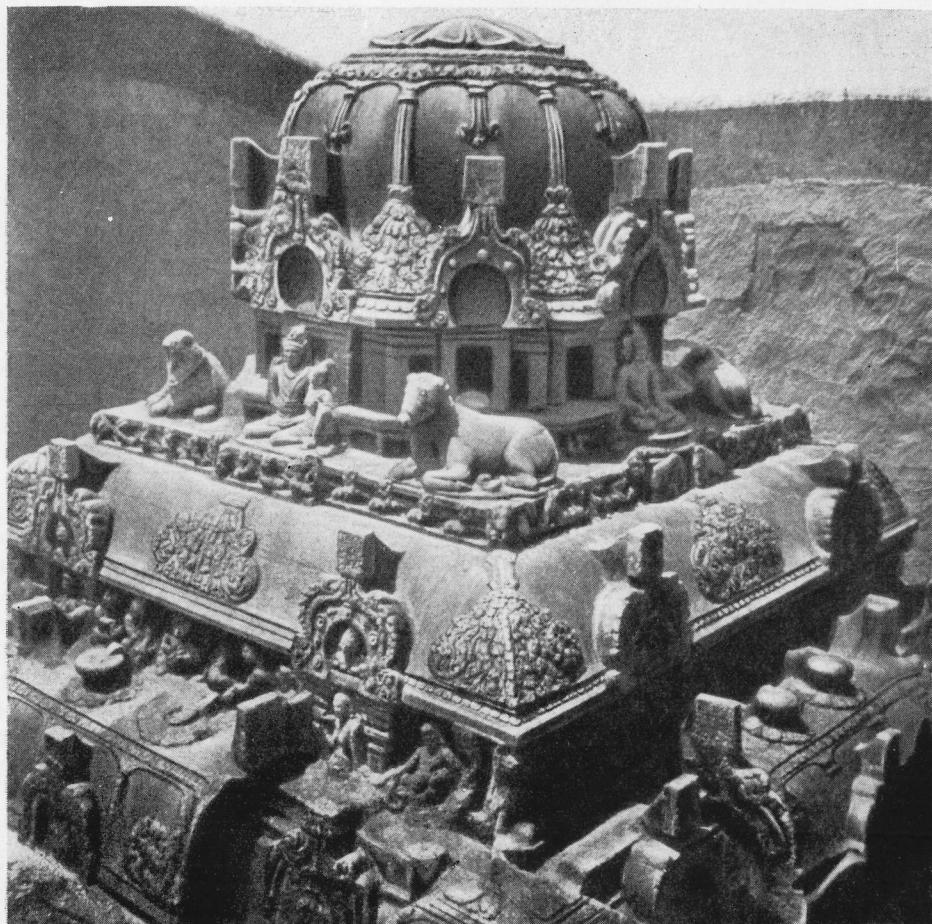
Классификация храмового зодчества. В трудах по искусству и архитектуре Индии установилась классификация всего средневекового храмового зодчества по трем «стилям»: это дравидийский (чаще называемый южным), индо-арийский (северный) и чалукийский. Обычно «сти-

Эллора. Храм Кайласанатха, 750 г.

левые» различия устанавливают по характеру башенного верха шикхары. Храмы без шикхары и пещерного типа, таким образом, остаются вне этой классификации.

Такое деление по трем «стилям» впервые ввел Фергюссон в конце XIX в., дав им название по народам — дравидам и арийцам, а для чалукийского — по имени господствовавшей в Декане династии. Строго говоря, памятники, отнесенные Фергюссоном к чалукийскому «сти-

Каллугумалаи. Купольное завершение монолитного храма, конец VIII в.

Каллугумалаи. Барельеф на стенах храма Апсара

Установившаяся классификация индийской храмовой архитектуры на «стили» является довольно искусственным и мало обоснованным объединением различных самостоятельных архитектурных школ, каждая из которых зиждется на своих собственных традициях народного зодчества. Можно лишь согласиться с существованием в средневековой монументальной архитектуре южноиндийского направления, ограниченного определенным географическим местонахождением его памятников и рамками исторического периода.

Трудно проследить развитие двух других «стилей». Нельзя провести строго географических границ расположения памятников северного «стиля». ТERRитория Севера (если принять за границу Винджийские горы) превосходит Южную размерами и разнообразием климатических и иных условий и не дает единого направления в зодчестве. Проследить какие-либо связи и закономерности в развитии архитектуры от-

лю», создавались с V по XI вв. на протяжении правления не одной, а трех династий — Чалукиев, Раштракутов и Хойсала¹.

В данном случае имеется в виду деление не по «стилевым» (в общепринятом значении слова «стиль») и не совсем территориальным признакам, хотя распределение памятников по трем «стилям» может быть отнесено к трем главным географическим районам Индии: Крайнему Югу, Северному Декану и Центральному и Северным районам Индии.

В отношении чалукийского «стиля» существует мнение, которое разделяют Лонгхерст, Дюбрейль, Бхаттачария, что он является лишь разновидностью дравидийского «стиля», получившего развитие в X—XI вв.².

¹ Фергюсоновское деление совпадает с приведенной в древнеиндийских архитектурно-строительных текстах «Супрабхадагома», «Манасара» и других классификаций по трем «стилям»: Дравида, Нагара и Весара.

² Longhurst A. Pallava architecture. M.A.S. of I., № 17; Dubreuil I., Dravidian architecture. Pondichery, 1907—1919; Bhattacharya T. A study on vastuvividya... . Patna, 1948.

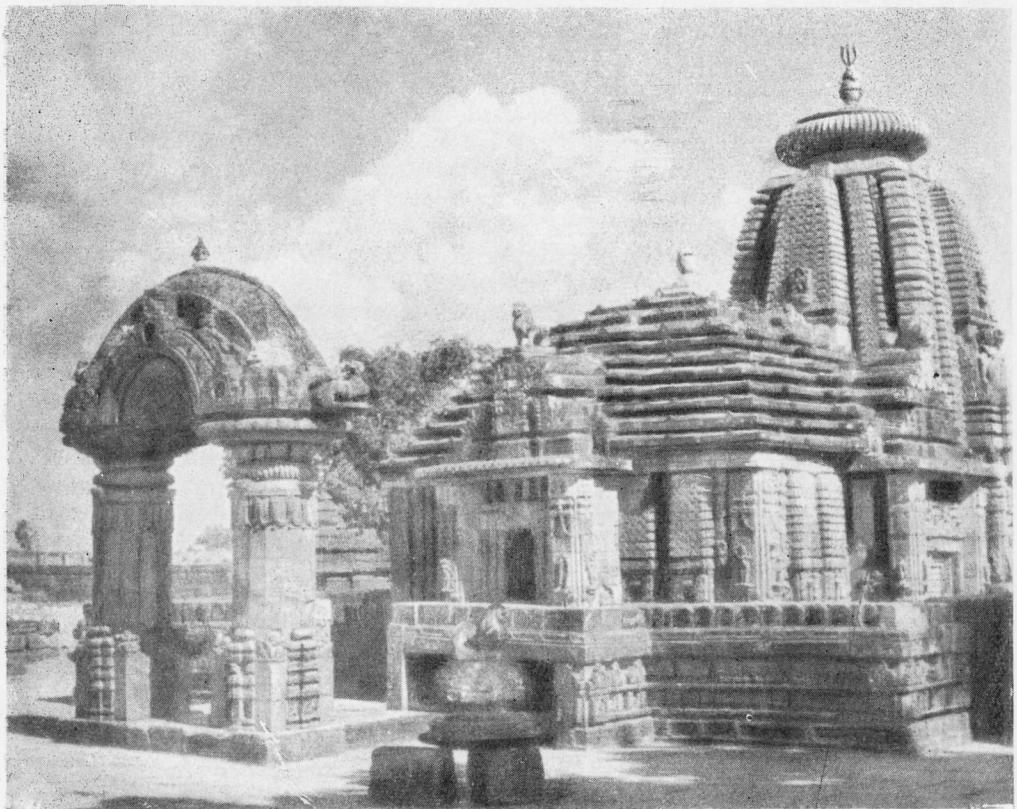
дельных районов Севера затруднительно еще и потому, что Север, не прерывно подвергавшийся вражеским нашествиям и завоеваниям мусульманскими правителями в XII в., сохранил немного старых памятников. Сохранившиеся храмы, созданные между VIII—XIII вв. и расположенные в других сильно различающихся между собой во многих отношениях районах (Ориссе, Гуджарате, Раджпутане), обычно относятся к северному «стилю». Ранние храмы, относимые к чалукийскому стилю, воздвигнуты в V—VIII вв. на севере Майсура в городах Айхоле, Бадами и Паттадакале. Эти города явились колыбелью храмов двух типов — южного и северного, и не было замечено храмов, в которых бы обнаруживались признаки третьего типа или «стиля». Поздние храмы чалукийского «стиля» были созданы на юге Майсура, в XI—XIII вв.

Пути дальнейшего развития южноиндийского монументального зодчества. В силу сложившихся исторических условий, Юг Индии, начиная с VII в., становился, по мнению многих исследователей, основным хранителем и продолжателем древнейших культурных традиций, берущих свое начало в долинах рек Инда и Ганга, а со времени завоевания Индии мусульманскими феодалами, т. е. с XI—XIII вв., Юг становится главным центром самобытной индийской культуры. В Южной Индии, вернее на небольшой территории, простиравшейся вдоль Коромандельского побережья от озера Пуликат до мыса Коморин, наблюдается редкая картина непрерывного, закономерного, эволюционного развития храмовой архитектуры в традиционных формах, начиная с VII по XVII в. включительно (а в отдельных местах до XX в.).

Основы монументального храмового зодчества на Юге Индии (в пределах Коромандельского побережья) были заложены, по признанию исследователей, во времена расцвета Паллавского государства. Архитектурные памятники, сохранившиеся на его территории с VII по IX в., были выделены в самостоятельную архитектурную, так называемую Паллавскую школу. На самом деле эти произведения нельзя рассматривать вне связи с памятниками, возникшими на территории бывшего Чалукийского государства. Специфические формы архитектуры храма так называемого дравидийского или южноиндийского типа, как можно заметить, впервые были обнаружены в столице Чалукийского государства, в храме VI в. в Бадами.

Постоянные междуусобные распри, существовавшие между династиями Паллов и Чалукьев, не мешали использовать в строительстве опытных мастеров одной и той же школы в обоих государствах и создавать одинаковые или похожие храмы.

Памятники паллавского времени имеют значение не только для самой Южной Индии. Влияние архитектуры паллавского времени прослеживается в архитектурных памятниках соседних стран Юго-Восточ-

Бхубанешвар (штат Орисса). Храм Сиддешвара, X в.

ной Азии: в Камбодже, Таиланде, Индонезии, Яве и других, которые в тот период являлись торговыми колониями Паллавского государства.

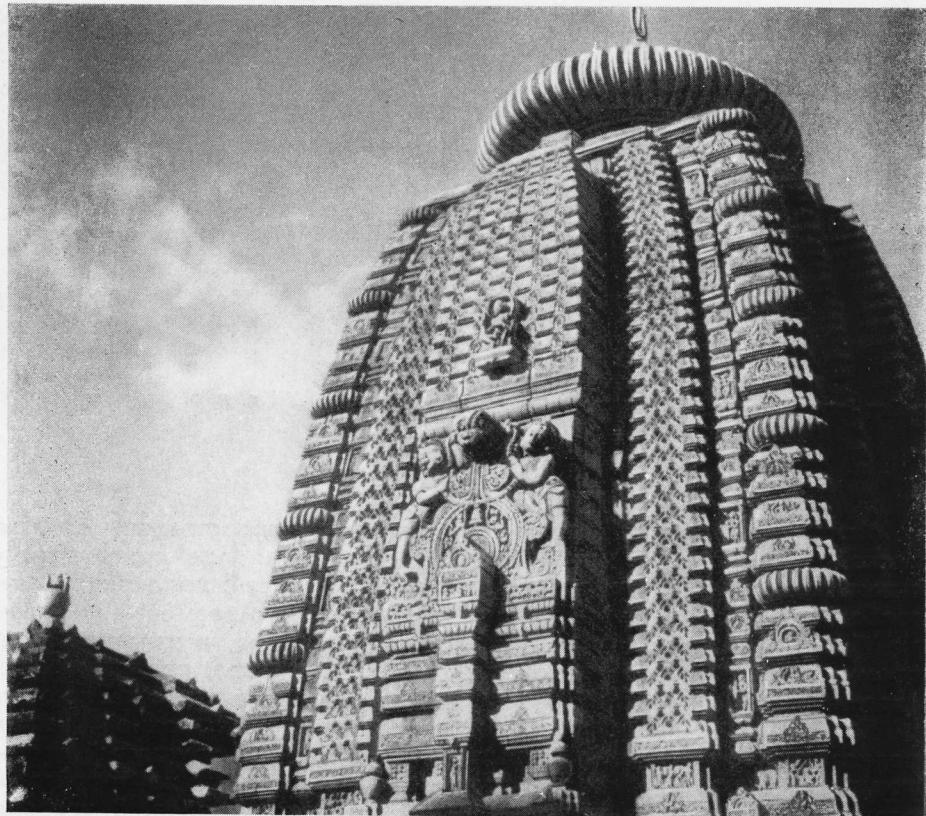
В архитектурную композицию южноиндийского храмового комплекса вошли пять основных видов сооружений, сохранивших структурные основы ранее известных в гражданском и культовом строительстве типов построек.

К первому виду сооружений относится **вимана** — святилище, основанное на формах многоэтажного здания пирамидально-ярусной композиции типа вихары. Эта композиция, свойственная южноиндийской шикхаре, была заимствована, по-видимому, из подобных многоэтажных зданий, в которых применялись деревянные конструкции стоечно-

балочной системы. Уменьшение по высоте верхних этажей и ступенчатая пирамidalная форма вызвана соображениями облегчения веса. Впоследствии реальные этажи исчезли, пропала необходимость в междуетажных перекрытиях и сохранилась лишь видимость этажей снаружи.

Вторым видом сооружений является **гопурам** — надвратная башня, развивавшаяся из форм здания типа чайтья.

Третий вид сооружения, который вошел в храмовую архитектуру на Юге, — это многоколонные залы закрытого и открытого типа, имеющие плоское перекрытие. Эти залы называют **мантапам** (иногда махамантапам).

Бхубанешвар. Башенное завершение — шикхара-храма Лингараджа, X в.

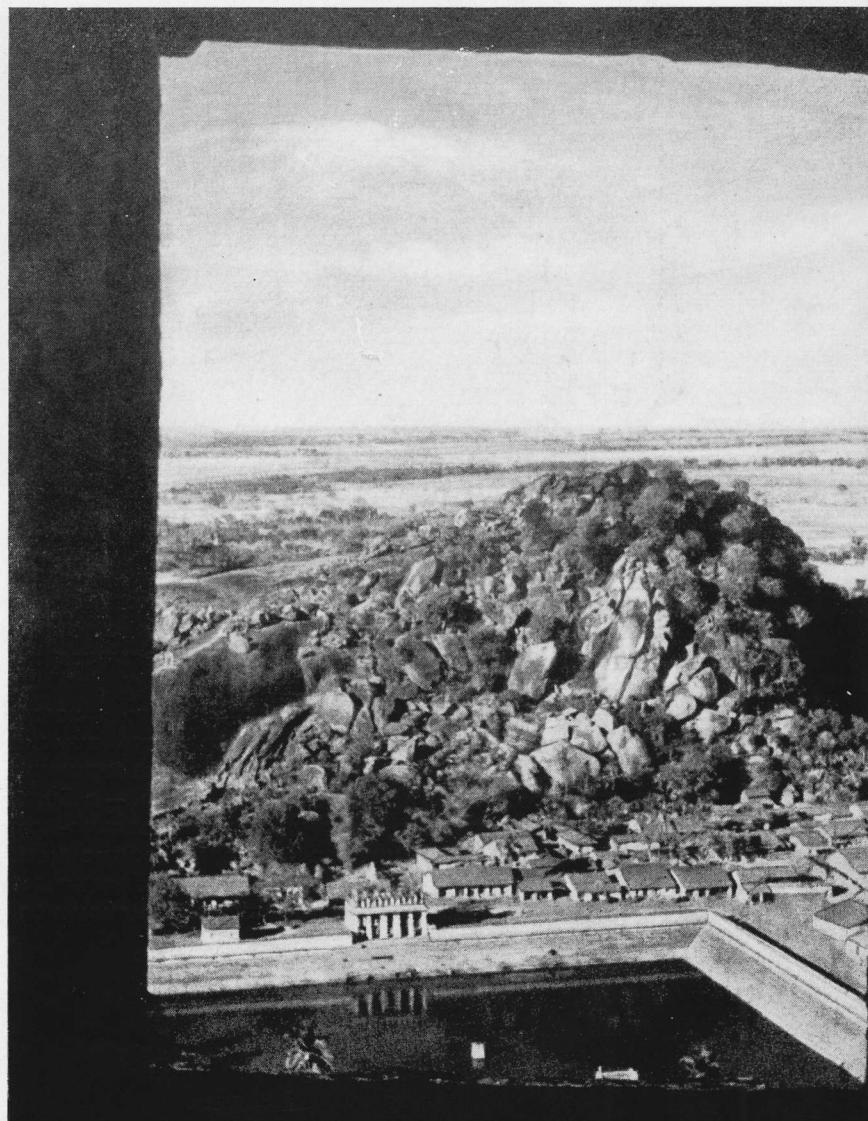
Халебид [штат Майсур]. Мантапам в храме Хойсалешвара, XII в. н. э.

Мантапам различных форм были широко распространены в гражданской архитектуре Южной Индии. Мантапам в виде одноэтажного открытого павильона или террасы с плоской крышей, поддерживаемой столбами, можно видеть на стенописях Аджанты и в храмовых комплексах VIII в. Они чаще всего продолговатые в плане, а квадратные по своему существу представляют тот же тип сантхагара, представленный в храме Ладкхана в Айхоли или пещерных храмах на острове Элефанта.

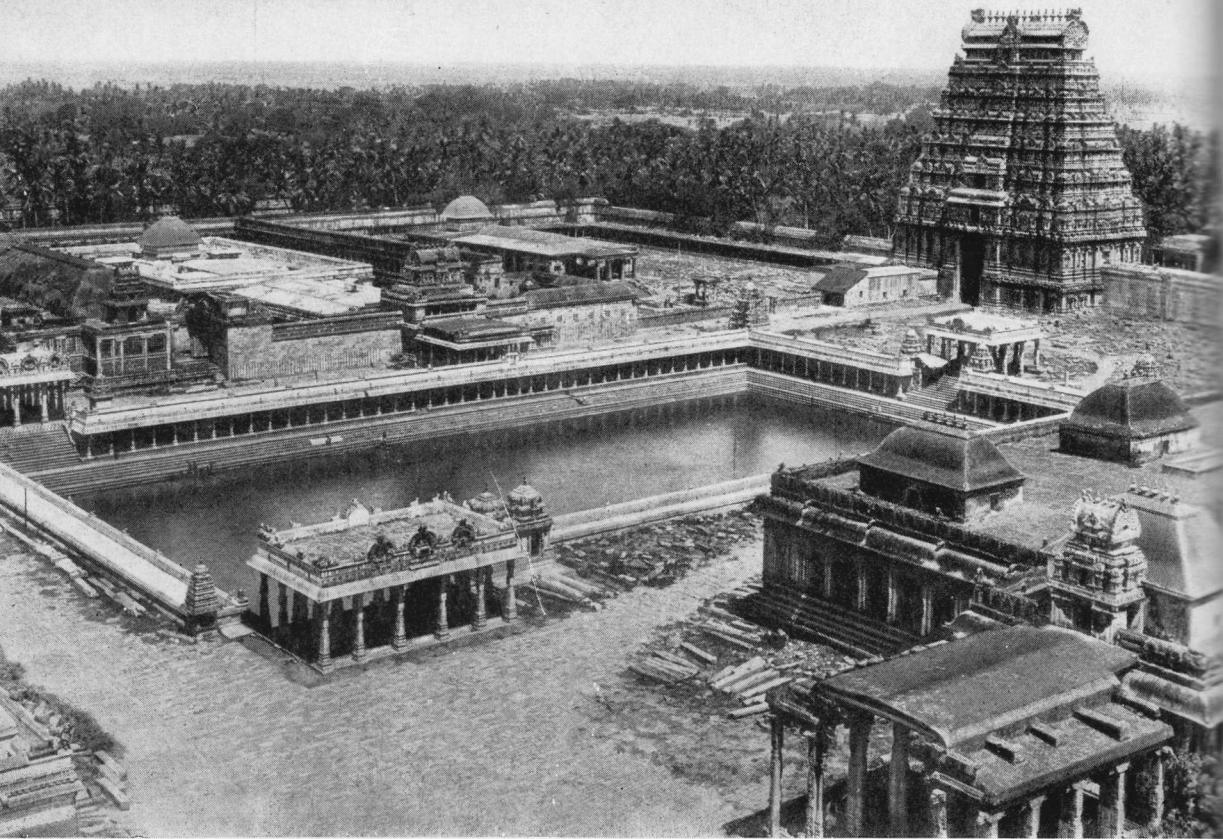
Четвертый вид сооружения, который стал существенной частью средневекового храма, это открытый прямоугольный замкнутый двор—**пракарам**, служивший своего рода открытым залом, на территории которого происходило совершение религиозных обрядов. В условиях жаркого климата открытый двор является незаменимой и очень важной частью жилого комплекса. В буддийском монастырском комплек-

се кельи обычно группировались вокруг открытого двора, как, например, в буддийском монастыре Такт-и-Бахай.

Пятый вид сооружения — священный бассейн, прямоугольный в плане, как правило, обнесен по внутреннему периметру открытой галереей и характерен главным образом для южноиндийских храмов. Подобные бассейны были известны еще в древнейших городах культуры Хараппы XXX—XV вв. до н. э. Следует отметить, что распространенные на юге Индии священные бассейны при храмовых комплексах возникли там прежде всего в силу необходимости в искусственных во-

Шравана Белгола
(штат Майсур). Вид
на бассейн храмо-
вого комплекса,
X в.

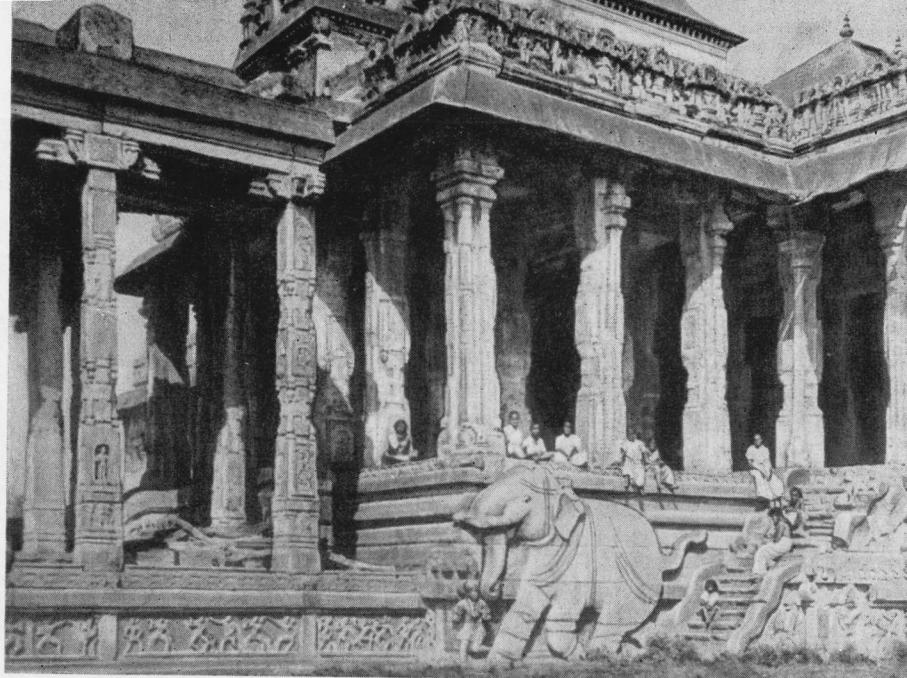

Чидамбарам. Храмовый комплекс, XIII—XVI в.

доемах — резервуарах воды на время, когда летом полностью пересыхают реки. Бассейн использовался для омовения при религиозном ритуале, поэтому храмы обычно располагаются на берегах рек, озер, естественных и искусственных водоемов.

Архитектурная композиция храмового южноиндийского комплекса, в котором главным стержнем являлась вимана (объем главного святилища), получила свое логическое завершение в величественном памятнике, возникшем на рубеже X—XI вв., — в Большом храме в Танжу́ре (на юге Индии). Его вимана с пирамидально-ярусной шикхарой достигла 60 м высоты. В шикхаре исчезло внутреннее деление, она полая внутри, а на наружной ее поверхности создана видимая декоративная этажность с измельченными ярусами, слившимися в одну линию, как

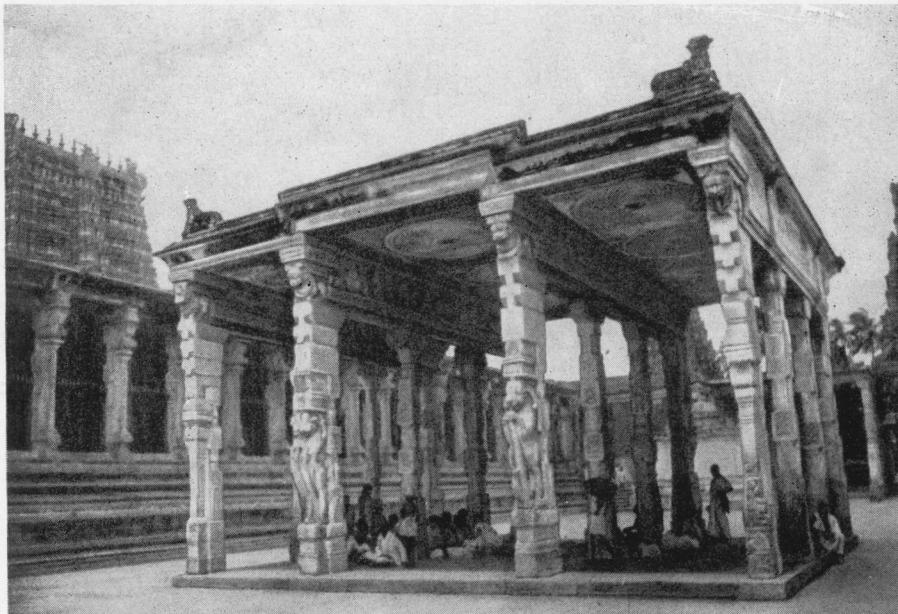
Чидамбарам. Тысячеколонный мантапам в храмовом комплексе, XVI в.

бы подчеркивающими их декоративное назначение. И все же преемственность в построении шикхары от ратхи Дхармарараджи в Мамаллапуре остается очевидной.

Коренные изменения претерпела архитектурная композиция храмового комплекса, начиная с XI в., когда в условиях усилившейся угрозы со стороны мусульманских феодалов, завоевавших в это время Север Индии, на Юге почти прекратилось строительство новых храмов и

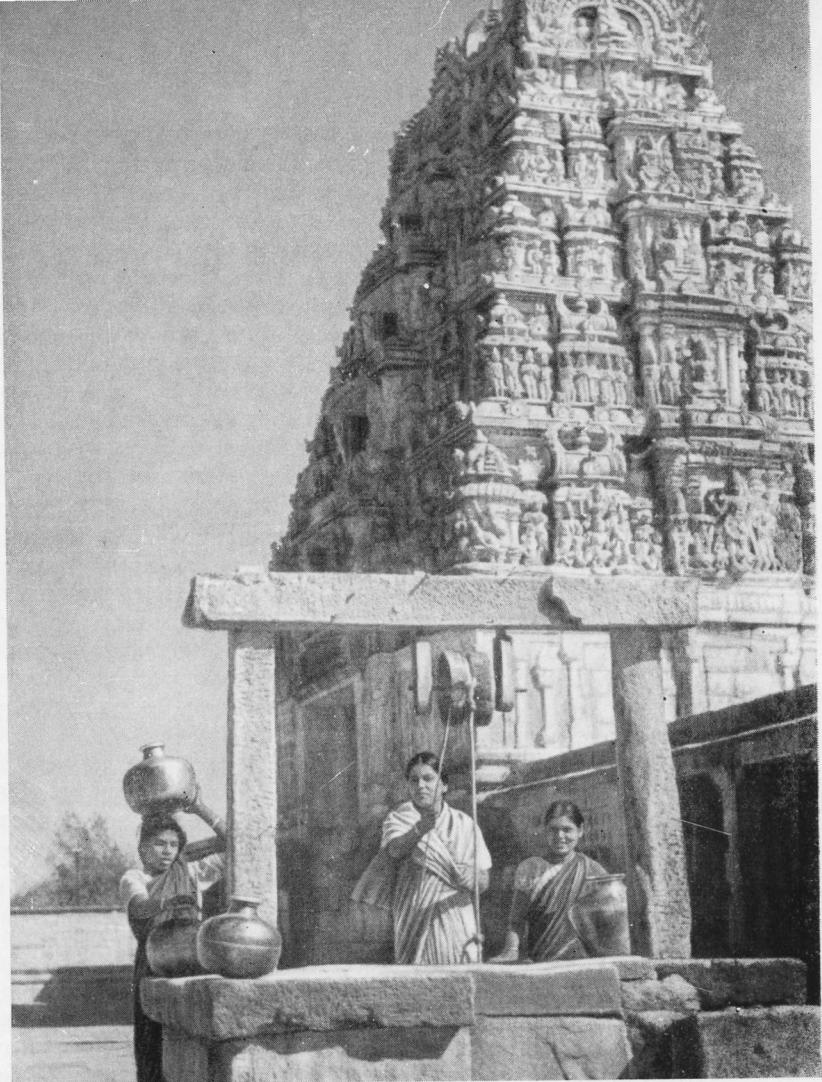
Мадура. Мантапам в храмовом комплексе, XVII в.

Мадура. Мантапам в храмовом комплексе, XVII в. деталь столба

Белур. Гопурам-
надвратная башня
XVI в.

стали воздвигать лишь новые ограды вокруг старых известных храмов. Вместе с новыми оградами строились новые надвратные башни гопурам, выполнившие также роль дозорных башен, которые превосходили ранее построенные гопурам размерами и декоративным убранством.

Идея окружения храма стенаами в несколько рядов не была новой и, скорее всего, была заимствована от сооружений крепостей и городов. В древних текстах, например в «Артхашастра», говорится о том, что деревни и города обносились в целях обороны оградами и крепостными стенами в несколько рядов и имели многоэтажные сторожевые башни — атталака, возможно, подобные башням гопурам. В XI—XII вв. появилась необходимость в обороне храмовых комплексов.

С течением времени южноиндийский храмовый комплекс разрастался за счет вновь построенных оград и ряда дополнительных залов — мантапам и других помещений. И все больше вырастала в размерах топурам, превратившись в самодовлеющее пирамидально-башенное сооружение, затмевавшее по высоте и богатству убранства, стоявшие внутри храмового комплекса здания старых храмов. Высокие гопурам, достигавшие 50 м и более, могли служить дозорными вышками.

Особое значение в южноиндийском храмовом комплексе приобрел зал — мантапам в виде открытой галереи, первоначально используемой для приюта и отдыха паломников, и стоящей отдельно от святилища — виманы. Позднее, с ростом храмовых комплексов, увеличивается масштаб сооружений мантапам в результате увеличения количества внутренних столбов, исчисляющихся в поздних мантапам XV—XVII вв. сотнями и даже доходящих до тысячи, а потому получивших название тысячеколонных мантапам.

В итоге такой практики, под давлением изменившихся исторических условий, в XVI—XVII вв. на юге Индии сложилась весьма необычная архитектурная композиция храмовых комплексов. Она принципиально отличалась от прежней, потеряв архитектурную логику и закономерность в своем построении. Объемы от входа в комплекс к центру композиции не нарастали, а уменьшались¹.

К многочисленным южноиндийским храмовым ансамблям, разросшимся, таким образом, до размеров большого города (в Южной Индии таких комплексов насчитывается около 30), принадлежит комплекс в Мадуре XII—XVII вв. В состав сооружений этих поздних храмовых комплексов по-прежнему входили не изменившие принципиально своим формам, сложившиеся под влиянием климата, быта и народного зодчества: священный бассейн для омовений; внутренние открытые дворы, многоколонные террасы, открытые павильоны и галереи ман-

¹ Французские искусствоведы XVIII в., не зная исторически сложившихся обстоятельств, при которых создавались южноиндийские храмовые комплексы, основываясь на своем субъективном восприятии, были введены в заблуждение внешним сходством архитектурной композиции древнеегипетских храмовых сооружений и храмовых комплексов в Южной Индии и считали, что и те и другие относятся примерно к одной эпохе древности, ошибаясь при этом по крайней мере на 3000 лет.

тапам — неизбежные сооружения в гражданском зодчестве и отлично приспособленные к условиям постоянной жары на Юге.

С веками храмовые сооружения разрастались в масштабах, сохранив прежние архитектурные и декоративные формы. Число колонн в зале мантапам увеличивалось до нескольких сотен, но его перекрытие оставалось плоским. Вырастала в размерах пирамидальная шикхара, сохраняя принцип поэтажного членения, купольное завершение, квадратную базу и характерные формы декора; вырастала в размерах надвратная башня-гопурам, покрываясь обильным пластическим декором, но также сохраняя в принципе свои формы пирамидальной надстройки, увенчанной сводом. Количество оград вокруг храма со временем увеличивалось, но períметр оставался прямоугольным, и входы гопурам по-прежнему располагались по странам света.

В течение многих поколений сохранялись конструктивные методы, ограниченные стоечно-балочной системой; не изменялась манера работы каменщика и скульптора, продолжавших вдохновляться произведениями рук плотника и столяра.

Жуво Дюбрейль заметил, что главные элементы храмовой архитектуры и строительная терминология XX в. на Юге мало изменилась с паллавского времени. Замеченные им различия касаются деталей второстепенного значения, в архитектуре храмов XX в. сохранились старые паллавские мотивы декора¹.

Такой ограниченный путь развития монументального зодчества на Юге Индии может быть объяснен лишь специфически сложившимися там историческими условиями. Юг на протяжении более тысячелетия оставался в условиях относительной изоляции.

¹ Dubreuil J. Dravidian architecture. Pondichery, 1907—1919.

Художественные средства и приемы индийских зодчих

звестные по письменным свидетельствам индийские сооружения поражают своими почти фантастическими размерами. Например, знаменитая башня в Пурушапуре (по описаниям Фа-Сяня) была высотой около 195 м, а башня в Наланде (по описаниям Сюань-Цзана) достигала 90 м высоты.

Вероятно, описываемые здания действительно существовали и являлись выдающимися сооружениями своей эпохи.

Изображения дворцовых комплексов на стенописях в Аджанте дают представления о довольно значительных по высоте дворцовых залах возможно не меньше 6—8 м. На росписях в Аджанте нередко встречаются изображения многоэтажных построек в три, четыре и более этажей.

Абсолютные размеры сохранившихся памятников монументального зодчества сравнительно с сооружениями, известными по письменным свидетельствам, невелики и вполне соразмерны с человеком. Наиболее крупное сооружение — храм Кайласанатха в Эллоре высотой 32 м.

Обычно высота пещерных залов с плоским перекрытием не превышает 6 м, а по своим размерам в плане эти залы достаточно просторны. Протяженность залов, например, в Эллоре достигает 30 м.

Для всех известных сохранившихся памятников раннего средневековья характерно объемно-пространственное восприятие их композиции — самостоятельно значимые фасадные плоскости не существуют, а есть пластические объемы и внутреннее пространство.

Пространственное и объемно-пластическое понимание архитектуры индийскими зодчими, по-видимому, и породило свойственную им пространственную систему пропорционального измерения. Пропориональ-

ные членения устанавливались не только по фасаду, а в трех измерениях: по ширине, длине и высоте здания. Известно, что объем прасады и внутреннее его помещение гарбха-гриха были всегда кубическими.

Отступление от трехмерной системы пропорционального измерения отмечается в более поздних текстах.

В южноиндийских трактатах «Матсия Пурана» и «Брихат Самхита» приводятся два модуля пропорционального измерения в храмовом строительстве: один, равный стороне прасады, принятый для измерения крупных частей здания, и второй модуль, используемый для более мелких частей здания анга и данда, равный ширине столба в верхнем его сечении¹.

В «Вастушастре» описан процесс нанесения плана храма на строительную площадку. При помощи веревки заданной длины на земле вычерчивался круг, в нем намечались координаты по странам света, и затем наносился квадрат наружного периметра святилища (парянташутра). Затем площадка разбивалась на более мелкие квадраты, числом 16, 64 или 81, в зависимости от величины и сложности плана².

Объем святилища — вимана и его внутреннее помещение — гарбха-гриха — обычно связаны соотношением в геометрической прогрессии и кратны двум: если сторона гарбха-гриха равна двум, то сторона виманы — четырем, а ее высота вместе с шикхарой — восьми. Здание мантапам может быть квадратным или прямоугольным в плане: одна из сторон должна быть равной стороне святилища или его диагонали.

В вимане комплекса Кайласа в Канчи соблюдено предписание дрезинских строительных трактатов — стороны гарбха-гриха, виманы и высота шикхары выдержаны в двукратном соотношении. В плане внутренний двор (размер 30×56 м) делится на два квадрата; в центре первого квадрата находится центр святилища, а центр второго — почти совпадает с центром мантапам. Размеры мантапам и виманы взяты в соответственном соотношении, т. е. торцы мантапам равны ширине виманы, а продольные стороны — ее диагонали. В зависимости от масштаба храма вход в мантапам согласно древним текстам должен превышать вход в святилище на одну четверть, на половину, на одну или две трети, или же в 2 раза больше его высоты. Ширина входных проемов всегда одинаковая.

Пропорции были одним из важных средств выражения художественного образа в архитектуре. Индийские зодчие, по-видимому, понимали, что сооружения одних и тех же абсолютных размеров могут производить различное впечатление на людей и по-разному ими восприниматься в зависимости от окружающей их среды, пропорциональных членений и средств их архитектурной и декоративной обработки.

¹ Крамгисch S. The Hindu Temple, vol. 1, p. 11.

² Там же.

Это особенно заметно при сопоставлении двух храмов — Прибрежного в Мамаллапураме и Кайласа в Канчи. Стоящий на берегу моря Прибрежный храм был призван служить своего рода маяком для мореплавателей, и потому его шикхара, высокая и тонкая по пропорциям, обладает острым, стройным силуэтом, как бы выражая стремительность молодой мысли строителей.

Храм Кайласа в Канчи, созданный в столице Паллавского государства в пору его расцвета, должен был олицетворять его могущество. В ясности и цельности его зрелой композиции, в отлогих скатах пирамидальной шикхары, в распластанности его объемов читается устойчивость и монументальность всего сооружения. Идея прочности и незыблемости последовательно проводится в пропорциональных членениях храма. Формы квадрата и куба прасады статичны, пирамидальная форма шикхары с естественным углом насыпи устойчива (угол откоса наклонных линий шикхары к горизонтали в храме Кайласа составляет около 45°).

В памятниках храмовой архитектуры можно заметить, что зодчие в пропорциональных членениях сооружений следовали хорошо им известным закономерностям природы. Статическая и зрительная устойчивость зданий достигалась большой площадью основания, низким расположением центра тяжести и нарастанием членений кверху. Устойчивость зданий, как правило, подчеркивалась преобладанием горизонтальных членений в виде тяг, массивных цоколей и карнизов.

В архитектурных памятниках, как правило, создавалась облегченность пропорций и нарастание членений кверху, и тем самым производилось впечатление роста и ритмичного движения архитектурных элементов. Пирамида шикхары в южноиндийских храмах членилась на сокращающиеся кверху отрезки. Убывание ярусов по высоте происходило в арифметической прогрессии. Пропорциональной облегченности верха сопутствовала более измельченная моделировка верхних архитектурных деталей. Для массивного цоколя характерна более крупная и тяжелая моделировка, а тонкие и изящные обломы были свойственны верхним карнизам и венчающей части шикхары. Острые шпили завершали купола и коньки крыш.

Цельность и единство архитектурного произведения достигались индийскими зодчими подчинением в архитектурной композиции второстепенных элементов главным, а также ритмичным многократным повторением однородных объемных элементов и подобием их составных частей.

В храмовом комплексе повторяющиеся в разных его частях элементы различных пропорций строятся метрическим рядом или группируются в пирамидально-ярусную композицию. Такими повторяющимися элементами южноиндийского храма явились два объема: один

квадратный в плане—это альпапрасада (или ратха) и другой—продолговатый объем со сводчатым перекрытием типа чайтья. Уменьшенные модели этих двух объемов стали постоянным компонентом южноиндийской шикхары. Расчлененный на три основные части: основание (или цоколь), тело (или стены прасады) и завершение — купол, этот элемент альпапрасады, представляет собой законченное целое. Вимана подобно альпапрасаде членится также на три части.

Хорошим примером различного восприятия масштаба архитектурного сооружения и отдельных его частей служит храм Кайласа в Канчи. Расположенный среди просторов равнины, храм Кайласа в Канчи производит впечатление незначительного сооружения, но стоит войти во двор, и масса пирамиды святилища кажется уже огромной, а небольшие колонны как бы вырастают в своих размерах. В тесном ограниченном пространстве двора все формы кажутся значительно. Крупные членения, сложное объемно-пространственное построение, уступы дают богатую смену впечатлений; вперед выступают одни части и перспективно сокращаются другие, отступающие на задний план, создавая контраст и разнообразие в восприятии одинаковых по размеру форм. Те же сложные формы внутреннего двора, сливающиеся в перспективе в одну линию, воспринимаются иначе, создавая впечатление протяженного коридора. То же самое происходит и с пирамидальной верхушкой самого храма — шикхарой, составленной из отдельных объемов, которые сокращаются, образуя одну непрерывную линию пирамиды.

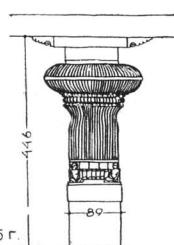
Происходит двойственный процесс восприятия архитектурного сооружения: с одной стороны, расчленение объемов, создание ударных моментов, ряда выступов, и в то же время, с другой — объединение ряда отдельных объемов в одно целое.

Столбы, колонны, ордер. В архитектурной композиции известных индийских сооружений большую роль играют колонны и столбы. Выполняя те или иные функции, они влияли на формирование художественного образа сооружения. Еще задолго до буддизма существовала традиция устанавливать в честь какого-либо события или героя мемориальные колонны. Особое распространение эта практика получила в период правления Ашоки в III в. до н. э. Отдельно стоящие столбы, завершенные скульптурой, часто ставились у входа в чайтья или перед ступа. Столбы-светильники дваджха сатмбха с прикрепленными к ним факелами и лампами являлись неотъемлемой частью храмовых комплексов на юге Индии. Два таких столба дваджха сатмбха удачно включены в ансамбль храма Кайласа в Эллоре. Столбы и колонны в индийском зодчестве широко применялись в виде опор-перекрытий, что не исключает также их декоративно-художественного назначения.

Столбы и колонны

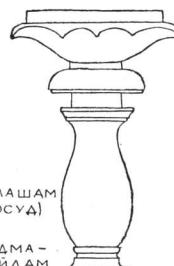

КАПИТЕЛЬ
ХРАМ Н 17
САНЧИ 425 Г.

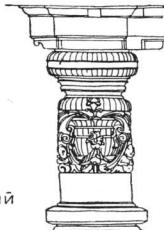
ПЕШЕРНЫЕ ХРАМЫ О. ЭЛЕФАНТА
ТИН-ТХАА, ЭЛЛОРА СЕРЕД VIII В.

КАНДАМ
ПАЛАГАИ
ИДАЛ
КУДАМ

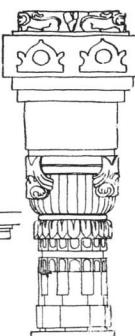

КАЛАШАМ (СОСУД)
ПАДМА-
БАЙДАМ
ЮЖНО-ИНДИЙСКИЙ

«АВАКА»
(ЛОТОС)
(ЛОЖЕ)

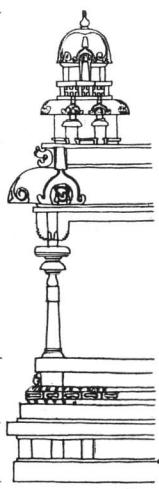

ПЕШЕРНЫЕ ХРАМЫ ЛАНКЕШВАР, ЭЛЛОРА ОКОЛО 800 Г.
ВИШВАКАРМА 700-750 ГГ

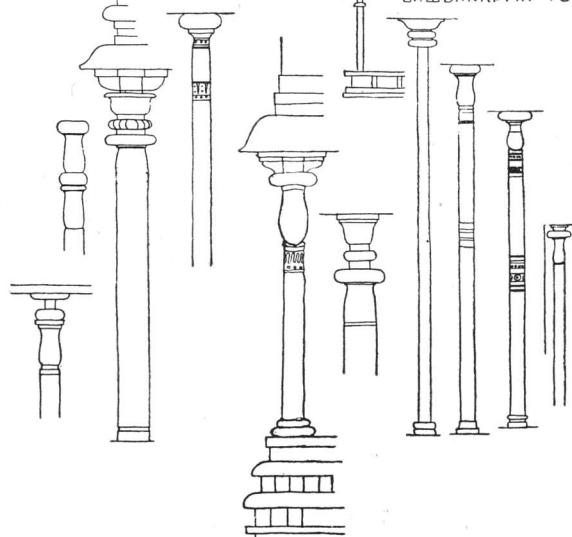

КАПИТЕЛЬ
ХРАМ
ВТИГАВА 450 Г.

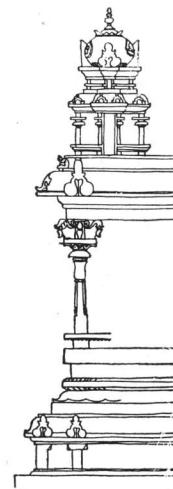
АДХИСТАНА ПЛАСТАДАМ АТТИК
УПАЛИТХА СТАМБХАМ

ПАЛЛАВСКИЙ
ОРДЕР VIII ВЕК

КОЛОННЫ, ИЗОБРАЖЕННЫЕ НА
ФРЕСКАХ В АДЖАНТЕ V-VII В.

ЮЖНО-ИНДИЙСКИЙ
ОРДЕР XVIII ВЕК

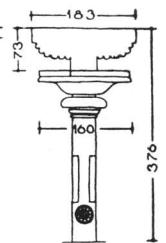
ВИМАНА
ХРАМ КАЙЛАСАНАТХА
КАНЧИПУРАМ VIII В.

ХРАМ Н 13
МАХАБАЛИПУРАМ
VII В.

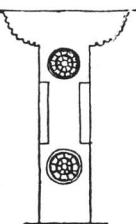
ХРАМ ГАНЕША
МАХАБАЛИПУРАМ
VII В.

МАХАМАНТАПАМ
ХРАМ КАЙЛАСА-
НАТХА
КАНЧИПУРАМ

ХРАМ ВАРАХА
МАХАБАЛИ-
ПУРАМ
ОКОЛО 650 Г

ХРАМ ПЕШЕРНЫЙ
ПАЛЛАВАРАМ
VI ВЕК

По стенописям Аджанты можно представить большое разнообразие в формах колонн, применявшихся в гражданском зодчестве. По сравнению с каменными колоннами они выглядят намного выше и стройнее, а их интерколумний доходит до десяти и больше диаметров колонн, что явно недопустимо для каменных сооружений.

В росписях Аджанты колонна — основной конструктивный и художественный элемент архитектуры в беседках, открытых галереях, внутренних залах, портиках, павильонах. В зависимости от назначения и характера сооружений варьировались формы, размеры и шаг колонны. Часто встречаются изображения круглых колонн, видимо деревянных или бамбуковых.

Среди разнообразных по форме колонн на росписях в залах № 16, 17 и № 1, 2 (V—VII вв.) выделяются массивные колонны, стоящие на нижних этажах со сложной капителью и базой. Ствол в месте соединения с капителью несколько сужен и образует шейку. Капитель состоит из четырех частей: двух круглых сплющеных подушек, колоколообразной чаши, обращенной расширенной частью вверху, и покоящейся на ней четырехсторонней консоли. Обращают внимание не менее мощные колонны с каннелированной средней частью ствола и капителью, состоящей из подушки и квадратной плиты сверху.

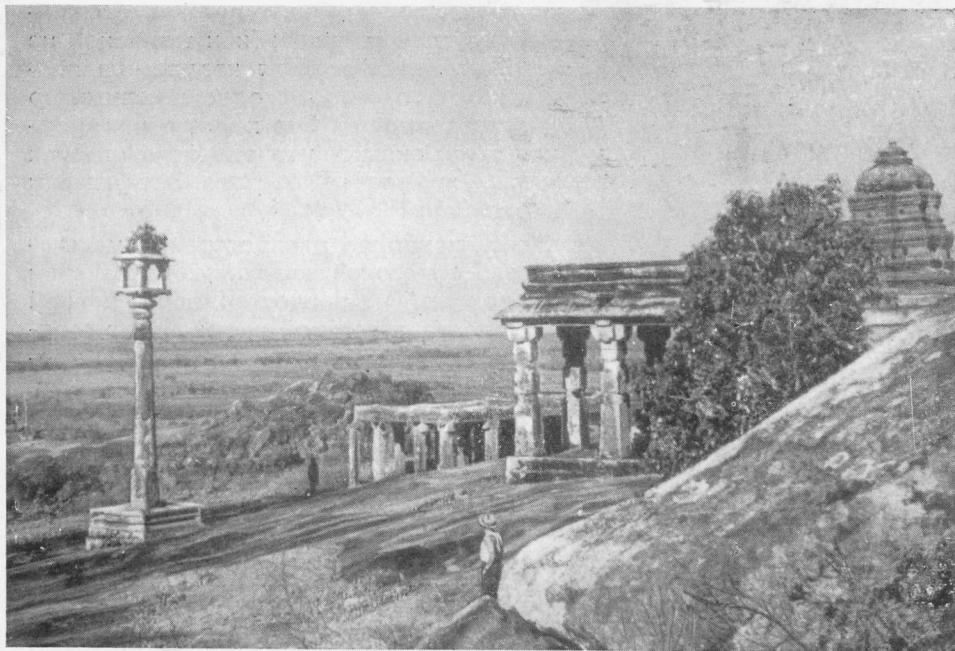
На верхних этажах стоят довольно высокие и стройные колонны. Их капитель напоминает форму кувшина и приближается к каменной капители южноиндийской колонны.

В принципе построения этих капителей заложен так называемый гуптский мотив вазы с растением. Этот мотив прослеживается в формах капителей колонн с начала V в. в ранних храмах на севере, в пещерных сооружениях Аджанты и Эллоры и в южноиндийских храмах до XVIII в.

Принципиально различаются формы капители столбов входных портиков в двух ранних храмах, сохранившихся на территории бывшей империи Гупт — храма № 17 в Санчи и храма в Тигаве. В буддийском храме в Санчи капитель в виде опрокинутого вниз колокола, на котором покоятся абака и скульптурная группа, характерна также для сооружений эпохи Ашоки. Она применялась для мемориальных столбов стамбха и для внутренних столбов в пещерном зодчестве. В ее форме признают влияние персидской архитектуры.

Капитель в столбах храма Тигава построена на новом мотиве вазы с вьющимися растениями, спускающимися вниз завитками, которую принято называть гуптской. Ранее этот мотив в монументальном зодчестве не встречался, но на стенописях Аджанты его можно видеть в деревянных стойках, но выдержанного в других пропорциях. Явно этот мотив местного происхождения и восходит к деревянным формам.

В пещерном зодчестве Эллоры можно найти основанные на мотиве вазы с растениями, богатые вариации форм капителей от строго

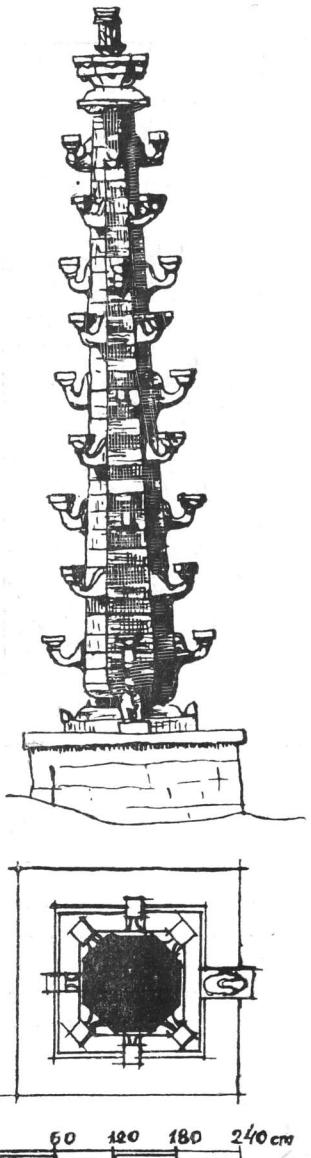

Шравана Белгола. Столб-светильник в храмовом комплексе, X в.

стилизованных до пышных и причудливых. Примененный в различных пропорциях мотив видоизменяется до неузнаваемости — широкая ваза в массивных столбах Эллоры почти скрыта под обильным орнаментальным рисунком растений. В капители южноиндийской колонны подчеркнута форма высокой вазы, похожей скорее на кувшин, а растения заменены стилизованной формой цветка лотоса.

Удивительно сходны между собой капители, изображенные на стених Аджанты и южноиндийских колонн. Наблюдающееся сходство между каменными столбами и консольной капителью пещерного зала № 16 (V в.) в Аджанте и столбами ранних пещерных сооружений Паллавского царства в Южной Индии (VII в.) неслучайно. И в том и в другом случае столбы, квадратные в верхнем и нижнем сечении, имеют центральную часть восьмигранную (Юг Индии) или каннелированную (Аджанта) и крупную капитель в виде консоли с большим выносом.

В храме Ладкхана в Айхоли была обнаружена другая форма капители, которая получила свое дальнейшее развитие в южно-индийской

Харихар [штат Майсур].
Столб-светильник, X в.
210

колонне и столбах пещерных сооружений Аджанты и Эллоры. Она имеет форму сплющенной круглой подушки (или тюрябана), на который поконится толстая квадратная плита, и в какой-то мере сходна с капителью дорического ордера. Эта подушечная форма капители сильно утрирована в столбах пещерных храмов на острове Элефанта и в Эллоре (зал № 29).

Здесь наиболее распространен массивный столб с высокой, квадратной в сечении базой, похожей на пьедестал, почти равной по высоте его остальной части. Столба и капитель покрыты тонкими, как бы проведенными остро отточенным карандашом, вертикальными каннелюрами.

Впервые появившаяся (около 500 г.) в пещерных залах Аджанты капитель, основанная на мотиве вазы с растением, постепенно стала вытеснять простую подушечную.

С середины VIII в. в Эллоре широко применяется композитная капитель, в которой соединены формы подушечной и построенной на мотиве вазы с растениями. Наиболее усовершенствованная и органически слитная форма композитной капители встречается в зале Индра Сабха в Эллоре. Здесь столбы утончены по рисунку и изысканы по форме и декору. Они расчленены на три органически слитые между собой части: гладкий, высокий, сочно-профицированный в основании пьедестал, чашеобразная, изящно декорированная ваза со свешивающимися из нее гирляндами растений и цветов, ствол, как бы вырастающий из самой вазы, заканчивающийся округлой, упругой по очертанию, подушечной капителью. Столб и капитель покрыты тонкими острыми каннелюрными линиями. На капитель под массивные прогоны подложена прямоугольная с закругленными концами консольная балка.

С развитием строительства в каменной кладке отмирает тип сооружений чайта, перекрытый сводом, и все большее значение приобретает стоечно-балочная система с ее разнообразием опор в виде столбов и колонн различного сечения. В южноиндийском каменном зодчестве к VIII в. сложилась своеобразная ордерная система.

Южноиндийский «ордер», очевидно, возник на основе стоечно-балочной конструкции деревянно-каркасного зодчества и, можно сказать, механически без какой-либо основательной переработки был усвоен в каменном строительстве. Эта своеобразная ордерная система превратилась в особое, закрепленное традициями, средство архитектурной композиции средневековых храмов Южной Индии с их многоколонными залами, галереями, портиками и террасами. «Ордер» имеет трехчастное деление, которое может относиться не только к колонне, но и ко всей структуре здания. Главными и постоянными его частями являются:

- 1) основание, или профилированная цокольная часть, называемая адхистана;
- 2) вертикальные опоры — стены или колонны, имеющие свою базу и капитель. Эта часть называется стамбхам (чаще всего этот термин распространяется на колонны);
- 3) верхнее перекрытие, покоящееся на балках, уложенных прямо по колоннам, — антаблемент — прастарам, который делится на три части: архитрав, или главную балку, опирающуюся на колонны — уттирам; венчающую часть — карниз — крадакам; бортик поверх карниза —

Эллора. Столб в интерьере скального храма Индра Сабха, VIII в.

ялам — с желобами для отвода воды с рельефными изображениями львиных масок.

В тех случаях, когда появляется необходимость в увеличении высоты здания, цоколь увеличивается присоединением подцокольной части — упапитха. Развитый цоколь характерен (согласно текстам) не только для культовых построек, но считается непременной частью и гражданских сооружений. В условиях влажного климата Индии разводится огромное количество насекомых, которое заставляет приподнимать в зданиях уровень пола и создавать высокий цоколь. Особенно развитая цокольная часть наблюдается в сооружениях районов, подвергающихся частным наводнениям.

Индийские зодчие умело использовали цоколь как средство выразительности, монументальности и величия сооружения. В известном храме Кайласа в Эллоре, воздвигнутом в особых условиях, цоколь вместе с упапитхой составляет почти одну треть всей высоты храма. Нижняя часть цоколя имеет очень богатую пластическую обработку горизонтальных профилированных рядов ведики. Наличие развитого основания в храме было вызвано намерением зодчих сделать здание более величественным. Тяжелая, массивная, очень крупная моделировка элементов цоколя создает необычайную монументальность в более поздних южноиндийских храмах в Гангаикондачолапуре, Танжуре, начало XI в., где высота двух только нижних обломов превышает человеческий рост.

Довольно массивна цокольная часть в сооружениях комплекса Кайласа в Канчи. Ее высота равна почти одной трети высоты здания. Везде за исключением мантапам цоколь имеет одинаковую профилировку, состоящую из полки, трехгранного выступа и широкой плиты. По верхней полке и выступу вьется растительный и геометрический орнамент, а на нижней плите — сплошной ряд рельефных изображений карликов с поднятыми руками в роли атлантов, поддерживающих здание.

Уровень пола, как правило, совпадает с верхом цоколя. Так, например, в маха-мантапам комплекса Кайласа в Канчи можно видеть выступающие на фасаде торцы прогонов, по которым уложены каменные плиты пола.

Форма цоколя, характерная для памятников паллавского времени, прослеживается в постройках, изображенных на стенописях Аджанты VI в. (пещера № 1), а затем остается постоянной и для храмов Южной Индии до XVII в., только высота цоколя вырастает, составляя по отношению ко всей высоте здания уже не одну треть, а половину. Так это можно видеть в храмах X—XI вв. в Танжуре и Гангаикондачолапуре.

Антаблемент в южноиндийском «ордере» мало варьируется. Наибольшим постоянством форм отличается карниз в виде четвертного

вала, применявшимся в южноиндийской храмовой архитектуре до XVII в. Эта форма карниза, свойственная крышам, покрытым тростником, перешла в пещерное зодчество (III в. до н. э.) и затем была заимствована средневековой храмовой архитектурой. В XVII в. карниз видоизменяется, приобретая более декоративную форму двойного изгиба с большим выносом. Постоянным декоративным мотивом, украшающим карниз, становится с VII в. миниатюрная арочная ниша — чайтая (в Южной Индии называемым куду), идущая метрическим рядом по всей его длине.

Наиболее заметно преобразовалась в южноиндийской «ордерной» системе столб-колонна. В ранних произведениях пещерного зодчества (как, например, храмах типа мантапам в Орукали, Тиручираппали и других местах) столбы довольно массивные и примитивные по форме. Эти — столбы без баз, с капителью в форме как бы обрубленной под 45° консоли или с закругленными концами, обработанными по краям снизу волнистой резьбой. Квадратный столб в средней трети своего ствола имеет восьмигранное сечение. Интерколумний равен высоте колонны. Их единственным украшением является изображение цветка лотоса.

К концу VIII в. в пещерных сооружениях Бхайраваконды появился новый тип довольно стройной колонны своеобразной формы. Ее уточняющийся кверху ствол заканчивается в основании фигурой сидящего льва, а капитель имеет вид сплющенного тю尔бана или круглой подушки и абаки — квадратной плиты. Сверх капители лежит консоль, на которую уложен архитрав. В формы капители введена маленькая фигурка льва¹. Колонны в Бхайраваконде положили начало так называемому паллавскому ордеру, применяющемуся в архитектуре Паллавского государства VII—VIII вв. В VIII в. фигура сидящего льва, вкомпонованная в форму колонн, сменилась стоящей фигурой, приставленной к колонне, и воспринималась уже самостоятельно значимой скульптурой. Органическая связь архитектурных и скульптурных форм здесь утрачена.

Слабая раскреповка пилястр в архитектуре Мамаллапурама сменилась трехчетвертными колоннами, чаще всего отделенными от стены мощным рядом самостоятельных колонн.

Применение цвета и росписей в архитектуре. В гражданском зодчестве, судя по письменным источникам и росписям Аджанты, широко

¹ Введение фигуры геральдического животного в форму колонны носит местный характер. Изображение льва находят на монетах, относящихся к этому времени, и потому предполагают, что оно связано с гербом династии Паллавов. Это подтверждается также именами царей Паллавской династии — Раджасимха и Симхавишну, означающими царь львов и львиный бог. Точное происхождение мотива не установлено. Подобный мотив с геральдическими животными, стоящими на задних лапах, встречается гораздо позднее в южноиндийской архитектуре XVI—XVII вв. в государстве Виджаянагар.

применялись стенные росписи и цвет. Этому могло способствовать глубоко вошедшее в строительную практику оштукатуривание зданий.

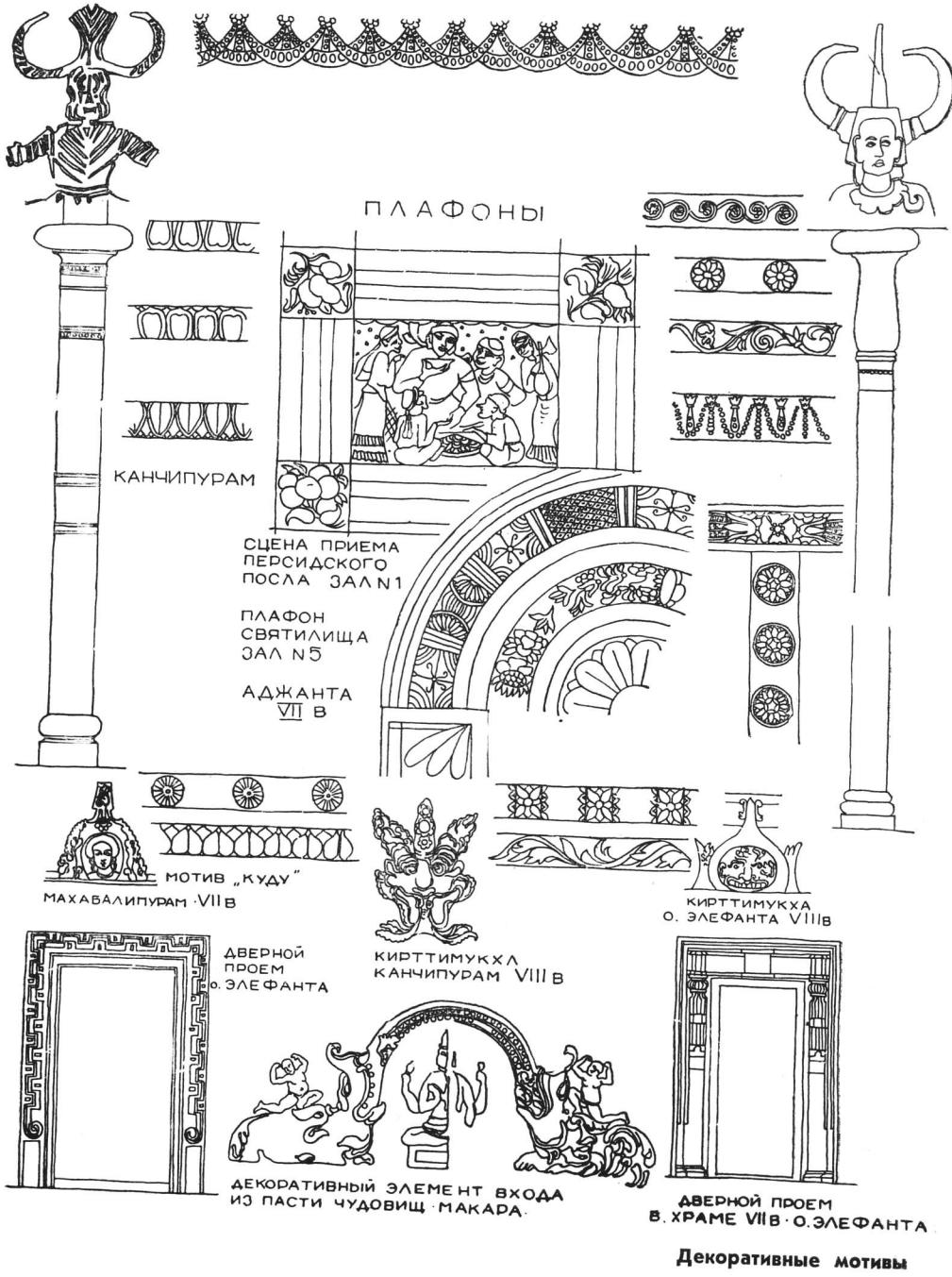
В интерьере буддийских пещерных храмов и монастырей в Аджанте и в Багхе главное место занимают стенные росписи.

Зрелое живописное мастерство самых ранних росписей Аджанты (50 г. до н. э.), отдельные фрагменты которых не утратили яркости и свежести колорита, предполагает предшествующий им многовековой путь совершенствования живописи. В буддийской литературе на языке пали в I в. до н. э. имеются ссылки на «читразала» (картины галереи); залы со стенными росписями описываются в Рамаяне и поэтами Гуптской эпохи. В трактате по живописи «Вишнудхармottaram», составленному еще задолго до Гуптской эпохи, говорится о различиях в характере и тематике живописи, украшающей стены храмов, дворцов и частных домов. В III в. были уже известны теоретические работы по живописи, составленные на основании еще более ранних произведений. Они включают сведения по написанию пейзажа, архитектуры, человеческих фигур, пропорций и структуры тела, говорят о психологических моментах в изображении человека, дают понятия о прекрасном, о художественных идеалах, о живописной технике, колорите, качестве красок и цветов.

Стенописи Аджанты в отличие от фресок, как древнеиндийские стенописи вообще, написаны по сухой, а не сырой штукатурке. Поверхность скалы вначале покрывалась составом, содержащим клей, коровий помет, мелко измолотую рисовую солому; сверх него накладывался тончайший слой (толщиной в яичную скорлупу) штукатурки, которая тщательно полировалась. Таким образом, индийские художники писали по сухой штукатурке, возможно, смачивая поверхность стен на ночь слабым известковым раствором. Краски употреблялись минеральные. Художники работали в полутемном помещении при отраженном свете металлических зеркал, установленных для этой цели. Скульптура покрывалась, судя по очень скучным следам, также тончайшим слоем штукатурки и раскрашивалась.

В Аджанте мы имеем прекрасные примеры сочетания декоративной и сюжетной живописи. В росписях, украшающих чаще всего потолки, обрамление ниш и дверей, преобладают мотивы растительного и животного мира. Они отличаются реализмом и живостью исполнения. Индийскому орнаменту тех времен была чужда стилизация.

В сюжетной живописи поражает свобода и смелость композиций, заполняющих собой поверхность стен почти от пола (приподнятого на 1 м) до потолка полосой иногда более 5—6 м. Свободно скомпонованные картины включают бесчисленное количество персонажей в сценах битвы за Цейлон, охоты на слонов, в интимных сценах придворной жизни. Эта многогранная толпа представителей различных слоев общества:

монархов, придворных, воинов, купцов, рабов и нищих — изображена на фоне пейзажа, нередко — в интерьере дворцовых залов, внутренних дворов, галерей и павильонов. Не владея законами перспективы, художники смогли передать при помощи применения различной степени интенсивности цвета и пластической моделировки впечатление объема и пространства.

Для классических примеров живописи Аджанты и Багха характерна жизнерадостная по колориту красочная гамма, составленная из пунцовой желтой охры, синего индиго, небесной лазури, изумрудной зелени с преобладанием сильно насыщенных темно-красных, коричневых и буро-желтых тонов. Контурные линии рисунка, наносимые в конце работы коричневой или черной краской, придают живописи четкость и законченность, не превращаясь в то же время в самостоятельно значимый каллиграфический росчерк, характерный для китайского или японского художника.

В росписях Аджанты наружная поверхность стен построек показана светло-охристая, как будто пожелтел от времени белый цвет. Для наружных стен зданий белый цвет был, по-видимому, обычным. Богатство и разнообразие цветовой гаммы сосредоточены в интерьере зданий. Внутренняя поверхность стен окрашивалась в различные цвета: чаще всего в цвет терракоты, синий, голубой, желтый, оранжевый, коричневый, зеленый.

В росписях интерьеров зданий заметна тонко разработанная и строго определенная система нюансных цветовых соотношений, рассчитанная на создание различных впечатлений. Наряду с применением локальных тонов и сильных контрастов встречаются очень нежные и мягкие сочетания цветов с тонким, изящным орнаментальным рисунком. Но чаще всего художники прибегали к смелым контрастным соотношениям цветов. Например, терракоты с голубым или оранжевого с ярко-голубым, кобальта с желтой охрой, темно-зеленого с розовым цветом. Белые цветы нередко изображались на черном фоне.

Строгое распределение цвета и росписей так же, как и орнамента в архитектуре, направлено на выявление архитектурно и конструктивно значимых элементов. Стены, как правило, остаются гладкими и служат фоном для ярко раскрашенных колонн и других архитектурных элементов и деталей. Колонны являются основным конструктивным и декоративно-художественным средством в архитектурной композиции зданий, и потому они отличаются особым разнообразием в раскраске.

В том случае, как это наблюдается в росписях Аджанты, когда колонны расположены на темном (чаще терракотовом) фоне стены, они выкрашены в светлые или очень яркие цвета: лимонного крона или киновари с голубыми капителями, или розового с зелеными капителями. В отдельно стоящих павильонах, беседках, где фоном для колонн

служит воздушное пространство и где они находятся под ярким солнечным освещением, их стволы выкрашены в темные тона коричневого или терракотового цвета с выведенным по ним очень тонким светлым орнаментальным рисунком. Золотисто-желтый цвет и тончайший орнамент, обивающий коричневый ствол колонны, невольно сравнивается с обнаженной бронзово-коричневой женской фигурой, красота форм которой подчеркнута изящными ювелирными изделиями. От ствола колонны ярким контрастным цветом отделены база и капитель, а сама капитель расчленена цветом на различные по своему конструктивному назначению элементы: например, желтая абака и синяя под ней подушечная часть капители.

Гладкие внутренние стены поверху окаймлены широким фризом с орнаментальной или сюжетной живописью, а иногда просто узким узорчатым бордюром. На стенописях в залах № 1 и 16 мы видим живописный фриз, он расположен на высоте «лежащих» (т. е. вытянутых в длину) окон и равен им по высоте.

О том, как расписывались потолки и плафоны, трудно судить по изображениям на росписях пещерных залов. В одном случае потолок выкрашен ярким кобальтом, а в другом — терракотой, но всюду потолок отделен от стен контрастным цветом. Насколько широко и с каким большим колоритным разнообразием использовался для декоративной и сюжетной живописи потолок, можно представить по сохранившимся фрагментам росписи в пещерных залах. Художник, привычный к росписям деревянных потолков балочной конструкции, и здесь в пещерных залах расчленил плоский потолок широкими цветными полосами на панели, соответствующие панелям, образованным пересечением продольных и поперечных балок. Внутри панели заключена сюжетная живопись. Окаймляющие ее полосы равны по ширине балке. Благодаря непропорционально широкой полосе (равной примерно ширине деревянного прогона), живопись выглядит подобно миниатюре в широкой оправе медальона. Тщательность и ювелирная тонкость рисунка внутри оправы смело контрастирует с гладкими широкими обрамляющими полосами, как будто небрежно нанесенными мазками мокрой кисти.

Легко и радостно воспринимается, например, сцена приема чалуйским царем персидских послов, а также и другие сцены на светский сюжет, выдержаные в светлой, прозрачной цветовой гамме почти пастельных оттенков нежно-розового и голубого сочетания с белым цветом.

Совсем другой колорит был принят для росписи плафона буддийского святилища в пещерном зале № 5. Здесь золотисто-коричневая, красноватая гамма напоминает роспись по лаку кашмирских изделий из папье-маше или же русскую иконопись. В древней Индии было принято расценивать одаренность архитектора в зависимости от его уме-

ния пользоваться декоративными и живописными средствами в архитектуре. В Аджанте зодчие проявили себя искусными мастерами, со-здавшими удивительно гармоничный, колоритный и праздничный по своему духу архитектурно-живописный ансамбль.

Если судить по отдельным сохранившимся незначительным следам росписей в храме Кайласа в Эллоре и в других памятниках пещерного зодчества VII—VIII вв. в Декане в Южной Индии, можно заключить, что живопись в храмах в этот период уступила место скульптуре. Широко было принято раскрашивать скульптуру и создавать цветные поверхности в интерьере, но трудно сказать что-либо определенное в отношении цвета и окраски наземных раннесредневековых памятников. Следы покраски по штукатурке и граниту находят на монолитных ратахах Мамаллапурала и в храме Кайласа в Канчи.

Орнамент. Изящество рисунка, тщательность исполнения и богатство творческого воображения — вот те качества, которые характеризуют индийский орнамент. Точно очерченные бусы, розетки, арабески, рисунок извивающегося шнура с висячими жемчужинами и рисунок с переплетающимися ползучими растениями. Иногда в орнамент вплетаются фигуры животных, фантастических существ.

Постоянным орнаментальным мотивом в декоре, встречающимся на столбах, дверных обрамлениях и других элементах паллавской архитектуры, являются фрукты и цветы — символы плодородия, в частности, бутон цветка чампа, или зерно перловой крупы — джавахар, т. е. те же неизменные мотивы индийских ювелирных изделий, известных еще с глубокой древности по находкам в Мохенджо-Даро и в других городах древнейшей цивилизации Инда. Кроме мотивов растительного и животного мира есть ряд мотивов геометрического порядка, например мотив свастики, шашечный рисунок в различных комбинациях. Но необходимо отметить, что геометрические мотивы очень редко встречались в индийском пластическом искусстве древности, они появляются на севере Индии примерно с VI в., а на юге не привились почти совсем.

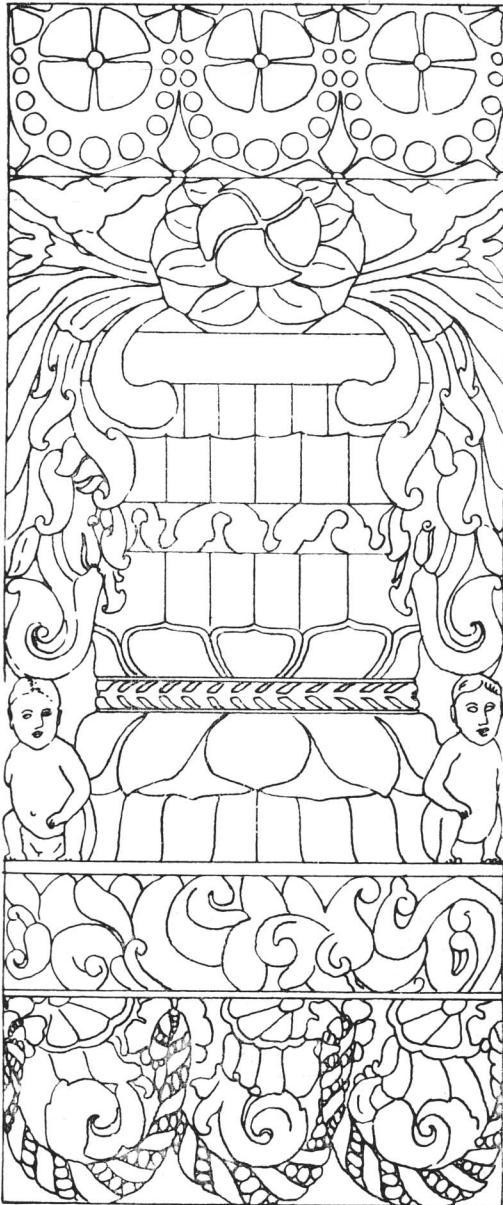
Встречается орнамент штучный в виде небольших розеток, но чаще в форме сплошных фризов по низу и верху здания или в форме отдельных поясков вокруг колонны или пилястры. В редких случаях орнамент вьется сплошной лентой по стволу столба. Орнамент зрительно облегчает тяжелые архитектурные массы.

Скульптура и рельеф в архитектуре. Круглая монументальная скульптура представлена в истории Индии немногими примерами и в период раннего средневековья почти не встречается. Это вовсе не исключало развития мелкой пластики в терракоте, бронзе, слоновой кости и дереве, несомненно стимулировавшей и влиявшей на развитие монументальной. Те немногие сохранившиеся от древности образцы скульптуры, как, например, великолепный мужской торс танцора, выполненный из

песчаника в 30-х веках до н. э., и более поздняя скульптура — статуи якшин из Дидараганжа — обнаруживают необыкновенное совершенство техники, реалистическое мастерство, сохранившее на протяжении веков характерные особенности индийской скульптуры — необычайное мастерство и живость в передаче людей и животных, захваченных в процессе движения.

Недаром профессия скульптора еще в древности считалась священной и требовала очень длительной, тщательной и разносторонней подготовки. В одном из текстов говорится о том, что овладению скульптурным мастерством должны предшествовать занятия по живописи, музыке и танцам. Не овладев этими видами искусства, невозможно было приступить к совершенствованию мастерства в области скульптуры.

Широкое развитие с ранних пор получил пластический рельеф, как правило, связанный с архитектурными формами и композицией, чему в большей мере, по-видимому, способствовало развитие деревянного зодчества. О характере резьбы по дереву приходится судить главным образом по скальным сооружениям, нередко воспроизводящим ее в своих формах. Прекрасные образцы орнаментальной резьбы встречаются в более позд-

Эллора. Орнаментальные мотивы на столбе храма Кайласапатха, VIII в.

нем деревянном зодчестве XVII—XVIII вв. в районах Гуджарата (западное побережье) и Раджастана.

В ранних сооружениях, высеченных в скалах, применение стенной живописи не исключало использования пластических средств декора. В залах Аджанты прекрасно сочетаются пластическое и живописное мастерство, примененное в художественной обработке интерьера и фасадных плоскостей. Тем не менее в период раннего средневековья совершенно очевидно наметилась тенденция к замене живописных средств художественной обработки монументальных сооружений пластическими. Небывалое значение в этот период приобрел синтез архитектурных форм со скульптурными.

В VI в. началось усиленное строительство наземных храмов, исполненных в каменной кладке. В убранстве их наружных стен применялись горельфы. С этих пор история средневековой скульптуры неразрывно связывается с историей монументального храмового зодчества. Одно не мыслится без другого. На скульптуру вместе с храмовой архитектурой выпала ответственная задача пропаганды в народе религиозных идей индуизма.

Развитие пластического декора в архитектуре лучше всего прослеживается на памятниках Декана, где встречается очень много декоративных мотивов, общих для Юга и Севера Индии.

Лучшее представление о качестве скульптурных работ в оригинале дают сооружения, высеченные в скалах, не подвергавшиеся никаким переделкам.

В южноиндийских храмах большая часть скульптурных работ представлена в камне, а некоторая часть — в кирпиче. В храме Кайласа, например, скульптура шикхары и статуя быка Нанди выполнены из кирпича, а отдельные фигуры целиком из полированного штука (например, фигуры львов на углах храмика Махендравармана в комплексе Кайласа в Канчи).

Резьба, вероятно, в большей части выполнялась не по облицовке, а по самим конструктивным деталям. Вся поверхность храма, включая скульптуру и декор, покрывалась штукатуркой. Таким образом, в южноиндийских храмах скульптурные работы вначале производились в камне или кирпиче, а затем повторялись в штукатурке. В верхней части храмов Кайласа и Вайкунта Перумала в Канчи декоративные работы выполнены только в штукатурке.

В результате применения такого метода качество скульптурных работ со временем приходило в упадок. Скульптор достаточно тщательно работал в камне, надеясь прикрыть все дефекты штукатуркой, которая даже при всех ее замечательных качествах не могла на протяжении столетий выдержать воздействия дождя и солнца и постепенно разрушалась. В результате неоднократных вынужденных ремонтов очень

немного скульптурных работ сохранилось в оригинале и среди нескольких слоев штукатурки потерялись следы первоначального рисунка декора. Поэтому трудно судить о качестве и характере скульптурных работ, относящихся ко времени создания этих храмов. Не вся скульптура выполнена в одном стиле и на одинаковом качественном уровне: часть скульптуры отличается стереотипностью, угловатостью форм, в другой — больше плавности и живости рисунка, но в целом скульптура, например в храме Кайласа в Канчи, достаточно полно представляет характерные формы пластического декора и типичное содержание сложившегося к VIII в. брахманского шиваистского храма.

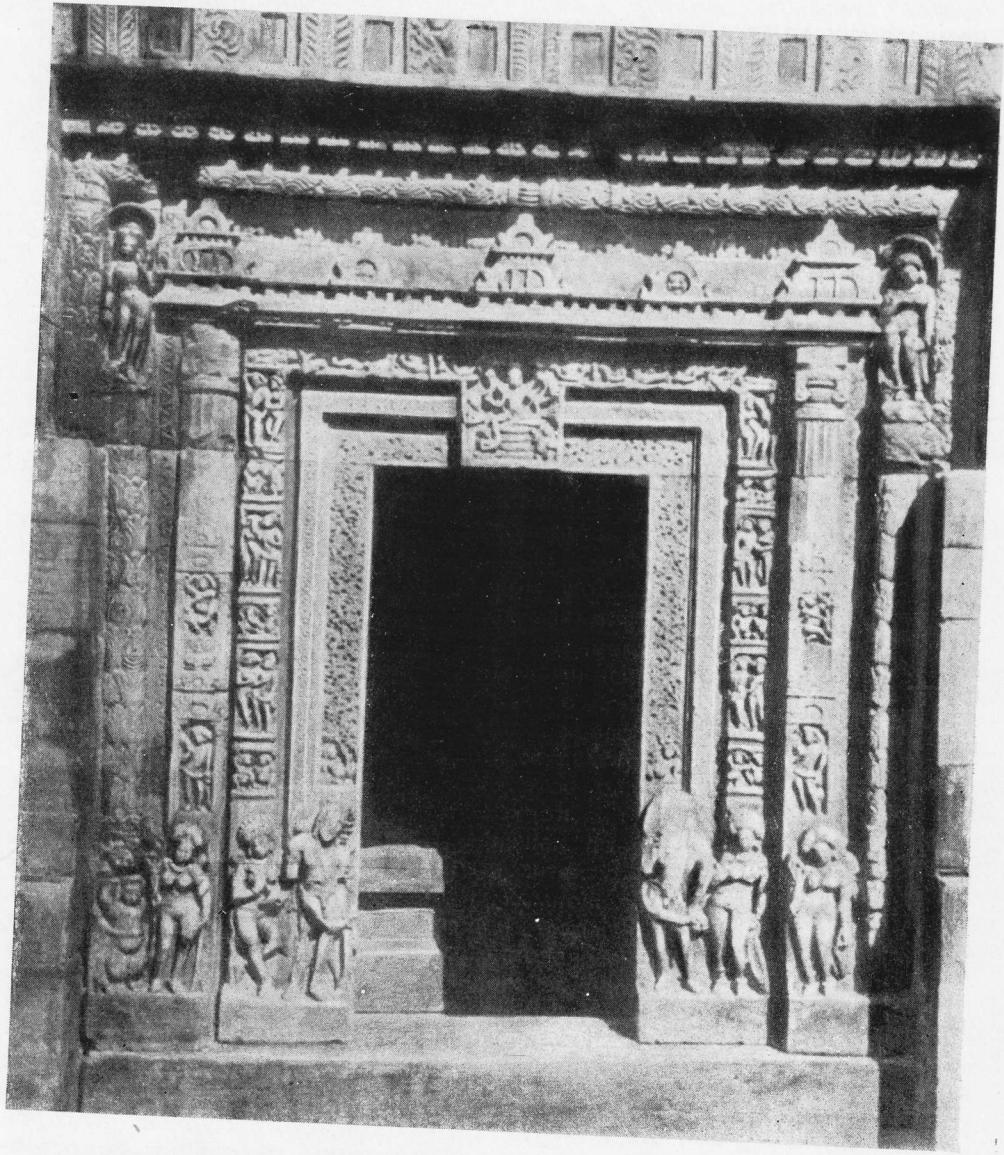
Пластический декор известных нам памятников состоял из архитектурных, орнаментальных мотивов, скульптурных форм архитектурно-конструктивного назначения и сюжетных рельефов. Все эти формы декора органически сливались с архитектурными, но ведущее место принадлежало последним.

На стенах зданий обычно воспроизводились в штукатурке или камне пилистры, имитировавшие деревянные стойки каркаса наружных стен (храмы в Тере, ратхи Мамаллапурاما).

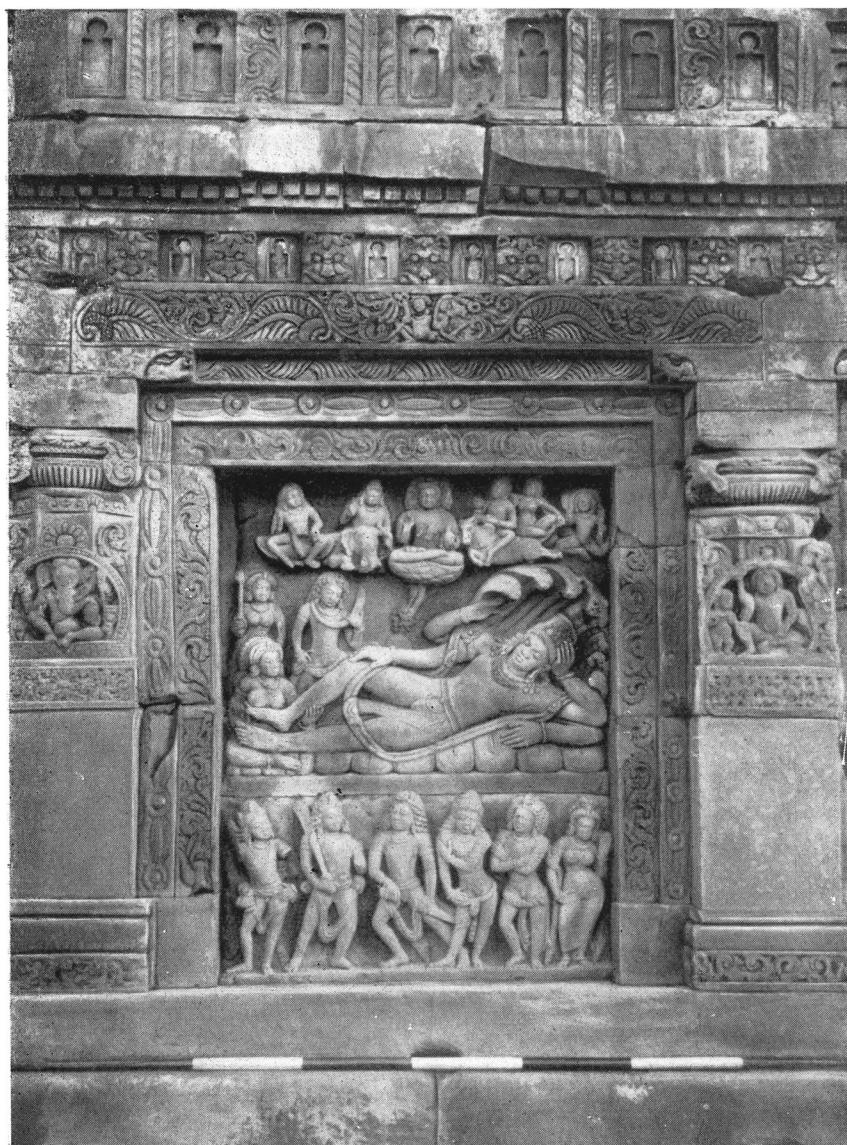
К архитектурным мотивам декора также относятся миниатюрные модели двух типов зданий — альпапрасада и чайтья. Эти объемы оформляют парапеты сооружений Мамаллапурама и в храмах в Канчи. Миниатюрный арочный проем чайтья (называемый на юге куду), хорошо известный с начала пещерного зодчества, с этих пор до XVIII в. стал излюбленным мотивом в храмах Южной Индии. Шпили, украшающие конек крыши, похожие по форме на вазы или сосуды для воды с крышкой с заостренным концом, изготовленные чаще всего из твердых пород камня, например черного базальта, прочно вошли в декор южноиндийских храмов. В гражданско-зодчестве подобные шпили делались, очевидно, из дерева или обожженной глины.

Большое значение придавалось декору дверных порталов. Вход без него по существовавшему поверию приносил несчастье. Дверной портал в храмах и общественных зданиях обычно отличался особым богатством декоративной обработки. Архитектурные профили обычно чередовались со скульптурными панелями. Каждая панель имела свою тему для изображения. Панели с сюжетными изображениями перемежались с панелями орнаментального характера. Было традиционным с давних пор изображать по сторонам входа фигуры стражников — дварапала. Впервые такие фигуры встречаются в пещерном храме в Карли (I в. до н. э.).

К скульптурным формам, выполняющим архитектурные функции, нужно отнести кронштейны, атланты и карнатиды, акротерии, водосточные желоба с львиной маской. Человеческие фигуры в роли карнатид встречаются на базах двух столбов в храме кочесвара и в мантапам на

Деогарх. Дверной портал, VI в.

Деогарх. Ниша с рельефом, VI в.

Бхумара. Фрагмент каменного рельефа дверного портала, VIII в.

улице Сенгламире в Канчишураме. Роль кариатид, или атлантов, выполняют также так называемые гандхарвы — изображения карликовых уродливых людей с приподнятыми, как бы поддерживающими здание руками.

Гандхарвы известны нам со II в. до н. э. (например, ступа № 1 в Санчи). Большое место они заняли и в декоре храмов VIII в. В пещерных сооружениях Эллоры и Аджанты они встречаются в виде приплюснутых фигур, поддерживающих консольную часть капителей столбов на потолках. В храме Кайласа в Канчи эти фигуры гандхарвов составляют целый фриз, опоясывающий цокольную часть здания. Те же гандхарвы встречаются в поддерживающей части карниза.

Хороший пример скульптуры, играющей тектоническую роль, представляет фигура сидящего льва, вкомпонованная в столбы пещерных и монолитных храмов Мамаллапурама и храмов Канчишурама. В колоннах VIII в. с фигурой вздыбленного льва уже утрачена органическая связь скульптурной формы с архитектурной.

Среди декоративных мотивов храмовой скульптуры средневековья большое развитие получил эротический мотив майтхуна — соединение пары животных, птиц, людей; он имеет очень древнее происхождение, связанное с распространением в Индии культа плодородия, и встречается в самых ранних пещерных сооружениях. Мотив — майтхуна — по народному преданию приносит счастье и чаще всего используется для оформления дверных проемов. В этот жизненный мотив брахманы вкладывали мистический смысл, считая его выражением воссоединения двух божественных принципов сущности жизни (пуруша) и природной энергии (пракрити). Парные горельефные фигуры мужчин и женщин оформляют вход в пещерный храм в Карли; нередко встречаются в рельефе пещерных сооружений Аджанты и Эллоры, например, в храме Кайласа в Эллоре они составляют целый скульптурный фриз. Эротическая тема стала ведущей в пластическом декоре ориентальных храмов X—XIII вв. Излюбленными изображениями в скульптуре храмов VIII в. стали женские фигуры священных танцовщиц апсар, услаждающих своими танцами под звуки музыки богов.

Интересно отметить подобие изображений сидящего божества в головном уборе с рогами на ратах Мамаллапурама VII в. н. э. и на печатях, найденных в Мохенджо-Даро, XXX—XX вв. до н. э. Кстати сказать, большое сходство обнаруживается также в скульптурных фигурах львов, тигров, бизонов и слонов, изображенных в архитектурных памятниках паллавского времени и на печатях из Мохенджо-Даро и Харappa.

В арсенал декоративного оформления южноиндийских храмов прочно вошла устрашающая маска киртимукха (или сукханаси, лицо Славы). Она украшает арочные проемы и появляется даже на нижнем

основании храмов, на базах колонн и пьедесталов. Эта маска кирттимукха впервые появилась в храмах в Канчи в VII в. в форме антефакса, завершающего вершину арочного фронтона и арочного проема солнечного окна, называемого гавакша. Маска «кирттимукха» представляет собой лицо чудовища, лишенное нижней челюсти, с разинутой пастью и торчащими клыками (кали или раЫу), олицетворяющее оскал богини смерти и напоминающее о существовании дьявольских сил на земле. «Кирттимукха» может быть сравнима с античной львиной маской, известной с начала нашей эры, или китайской маской «тАО» и «тЧЕХ», но больше по характеру приближается к маскам, встречающимся в средневековых европейских соборах.

Для обогащения и раскрытия идейно-художественного образа средневековых храмов широко привлекалась сюжетная скульптура, именно она наглядно и повседневно, в формах наиболее доходчивых и монументальных, доносила до народа проповедь религиозных догм, обильно оснащенных мифологическими образами и сюжетами.

В VII в. «Шильпашастра» установила общие законы пластического искусства соответственно новому содержанию разработанной брахманской иконографии. Рельефы в брахманских храмах VIII в. в Эллоре, Бадами и Элефанте выполнены на те же самые религиозно-мифологические сюжеты, что и в Канчи.

Главным содержанием скульптуры в храмах в VII—VIII вв. являются сюжеты из жизни богов Шивы, Вишну и др. Как исключение, в Эллоре встречаются композиции на темы, заимствованные из эпосов «Рамаяна» и «Махабхарата». В более ранних произведениях Мамаллапурара можно видеть портретные изображения царей (например, в ратхе Дхармараджа) и героев из народных легенд (барельеф Гангаватара). Основной темой рельефов храма Вайкунтха Перумала в Канчи являются иллюстрации к религиозным текстам — «Пуран».

Наиболее типичным и характерным для южноиндийских храмов является скульптура в храме Кайласа в Канчи на мифологические сюжеты из жизни Шивы (в Южной Индии преобладают храмы, посвященные богу Шиве).

Здесь можно видеть откристаллизовавшиеся образы и скульптурные композиции установившегося на многие столетия канонического характера. В одних и тех же положениях зафиксированы позы человеческих фигур, богов и существ, в них строго соблюdenы одни и те же пропорции. Эти образы, сцены и сюжеты с очень небольшими вариациями встречаются в скульптуре, украшающей средневековые храмы, расположенные в различных частях страны и относящиеся к разным периодам от VIII до XIII вв. в южной Индии и позднее. Наиболее распространены семь канонических сцен из жизни бога Шивы, которые изображались на стенах храмов, посвященных ему.

Внутренние стены святилища обычно остаются гладкими¹.

Пластическое убранство ранних средневековых храмов несложно и архитектонично: в него входят пиластры, карниз, украшенный мотивом «куду», фриз, изображающий процессию священных гусей. Панели с сюжетной скульптурой слегка утоплены в стену и не имеют обрамлений. По обеим сторонам входного проема нередко встречаются фигуры дварапалов — стражников. А над входом иногда — декоративная арка — торана с изображением чудовища с хвостом.

Храмы Канчи VIII в. отличаются от более ранних сооружений Мамалапурара перегруженностью декором, введением новых и более сложных мотивов. В ограниченную пиластрами плоскость стены вписана не одна цельная ниша, а три панели, помещенные друг над другом, заполненные сложными многофигурными композициями. Причем единый масштаб для всех фигур не соблюден: в средней панели фигуры обыч но более крупные, чем в нижней и верхней.

Пиластры, ранее остававшиеся гладкими, с этих пор стали покрываться геометрическим или растительным орнаментом.

Замечается отступление от реалистически выполненных жизненных мотивов в сторону изображения фантастических и устрашающих образов. Среди многочисленных изображений богов и богинь, исполненных обаяния, силы, мужества и благородства, в скульптуре VIII в. встречаются уродливые чудовища, изможденные аскеты и рядом с ними сплетенные в страстном объятии пары. Один из самых страшных образов представляет богиня Кали, обвешанная ожерельем из человеческих черепов.

Реалистические головки, высокивающиеся из миниатюрных арочных проемов-куду, заменили маски сверхъестественных чудовищ — киртти-мукха. В рельефах все чаще стали попадаться изображения фантастических существ, в которых совмещались отдельные части фигур различных животных. Так, например, тело тигра соединяется с головой рогатого дракона или к телу льва приставляется птичья голова с острым клювом.

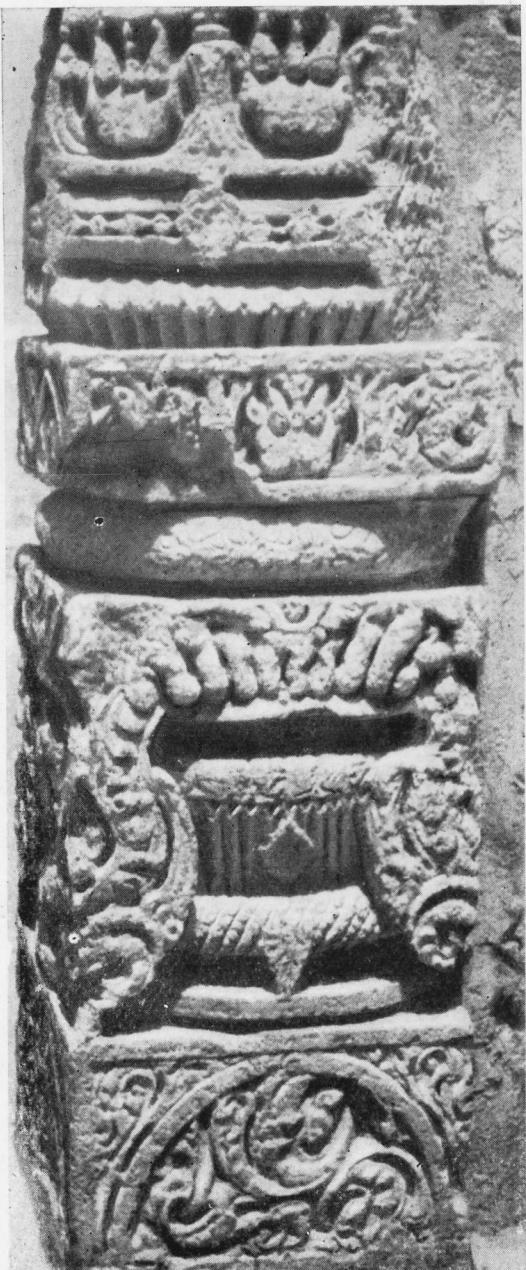
Потеря чувства реального мира и увлечение миром фантастических и чудовищных форм с этих пор все больше проникают в средневековое индийское декоративное искусство.

Синтез архитектурных и скульптурных форм. Очень важно отметить, что сюжетная скульптура в храмах VII—VIII вв. находилась в границах нормального человеческого обозрения. Тематические изображения не размещались на большой высоте, как это делалось в поздних храмах. Сюжетной скульптуре и орнаментальным мотивам отводилось

¹ В отдельных паллавских храмах, посвященных Шиве, имеются на задней стене святилища рельефные изображения семейной сцены бога Шивы, его супруги Парвати и сына.

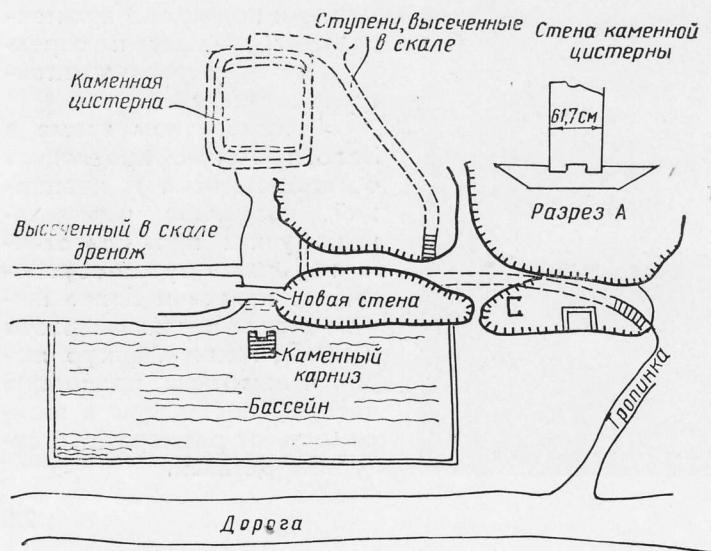
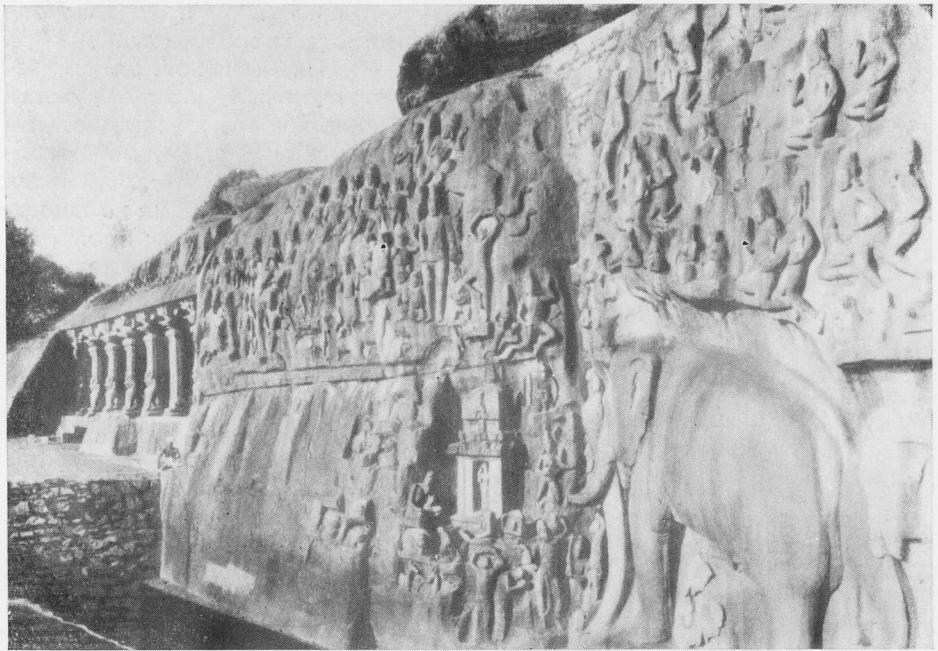
Алампур. Столб в интерьере храма VIII в. и капитель

специально предназначено для них место.

Пластический декор распределялся по наружной поверхности здания, по внутренним стенам, на потолке, на обрамлениях дверных проемов и ниш, на колоннах, карнизах, цоколе; кроме того, в самих нишах ставилась отдельная скульптура; всюду, где бы ни распределялся декор, он не нарушал тектоники здания. Скульптура не выходила за отведенные для нее границы, подчеркнуто удлиненные пропорции человеческих фигур сочетались с удлиненными пропорциями ниш и тонких пилasters, как это можно заметить на памятниках Мамаллапурама, пластическое убранство вместе со сложными многофигурными композициями подчинено архитектурному замыслу и соразмерно с масштабом архитектурных деталей.

В монолитном храме в Эллоре можно проследить богатство ритма и пропорций, созданное чередованием узких профицированных архитектурно-обработанных поясков и более широких скульптурных фризов с изображением фигур людей и животных, пропорции которых поставлены в зависимость от размера архитектурных деталей.

Мамаллапурам. Рельеф Гангаватарам. Общий вид, фрагмент и план расположения рельефа

Эллора. Портик скального храма Рамешвара [№ 21] VII в.

Эллора. Рельеф в скальном храме № 14. VII в. Танцующий Шива.

Синтез архитектурных и пластических форм основывался всегда на строгом подчинении декоративных форм архитектурным, которые служили основным стержнем всей композиции в целом. Органичность синтеза вытекала из свойственной индийским сооружениям удивительной пластичности архитектурных форм. С веками у индийских зодчих выработался особый скульптурный подход к архитектуре, который с впечатляющей силой проявился в уникальных произведениях Мамаллапурама и Эллоры.

Пример необычной, пространственной трактованной композиции, увязывающей скульптурные и архитектурные формы воедино, встре-

чается в храме Кайласа в Канчи. Стены двора в нем опоясаны изнутри рядом ниш со статуями божеств и барельефами. Имеются изображения, связанные одним сюжетом, но расположенные не рядом, а друг против друга, так, например, бог Шива, изображенный на одной стороне храма, обращается к своим собеседникам, изображенным в барельефе на стене двора.

Довольно оригинальным объемно-пространственным решением задачи монументальной пропаганды является ансамбль пещерных сооружений Мамаллапурара, где известный барельеф Гангаватара, высеченный на наружной поверхности грандиозной глыбы в виде огромного многофигурного панно, составляет его неотъемлемую часть. Расположенный на берегу моря на свободном, далеко обозреваемом, пространстве, где находилась большая площадь — место народных гуляний и сборищ, этот ансамбль мог служить своеобразной картинной галереей, открытой и доступной для всех.

В открытых лоджиях-террасах скальных брахманских храмов можно видеть на задних стенах рельефные изображения со сценами сражений воинственно настроенных богов со злыми духами, сменяющимися пасторально-лирическими изображениями умиротворенных богов, занятых обычными житейскими делами: бога Кришну в роли пастуха или бога Шиву, играющего в шахматы со своей супругой Парвати. На поверхности огромных валунов увековечен миф, повествующий о легендарном сошествии Ганга с небес на землю. С большим реализмом и подкупающей простотой и необычайной композиционной свободой запечатлены собравшиеся вокруг животворного потока люди и животные.

Очень искусно художниками в композицию была введена живая струя воды, подававшаяся сверху из специально установленной цистерны в естественную расщелину, образовавшуюся в скале. Такое смелое новшество было естественным для строителей Мамаллапурара, которые превратили этот портовый город в своего рода «индийский Петергоф» с искусственными каналами, бассейнами и фонтанами, с возвышающейся на утесе скалы дворцовой резиденцией паллавского царя Махендравармана I.

Всего лишь в 600 м от этого большого комплекса расположен другой известный уникальный ансамбль пяти монолитных ратх, где творчество скульптора органически слилось с работой архитектора. Резец скульптора создал вместе с каменными изваяниями священных животных из монолита гранитных глыб архитектурные сооружения, весьма обычные на вид.

Создается впечатление, что скульптура в VII в. начала выходить из подчинения архитектуре и захватила в орбиту своего пластического влияния архитектурные формы. Все большее сближение архитектурных форм со скульптурными привело к возникновению в VIII в. другого уни-

кального в мировом зодчестве произведения — храма Кайласа в Эллоре, поражающего гигантским размахом архитектурно-пластической композиции.

Из скалы, подобно гигантской статуе, был высечен огромный пространственный комплекс храма с примыкающими к нему многоколонными залами, портиками, галереями, отдельно стоящей скульптурой и замечательными рельефами. Этим памятником в Эллоре и гигантским трехглавым изваянием Шивы на острове Элефанта завершается пластическое искусство раннего средневековья, после чего оно вступает в по-лосу измельчания содержания и форм выражения.

Наметившаяся в поздних произведениях монументального культового зодчества тенденция к насыщенности архитектурных форм пластическим декором религиозно-мистического содержания диктовалась интересами господствующих классов, их стремлением к утверждению идеологического господства средствами долговечными и монументальными — архитектуры и скульптуры, выполненной в камне. Эта тенденция усиливалась по мере того, как возрастало могущество феодалов и брахманского жречества и вместе с тем увеличивалась роль религии в средневековом обществе и ее влияние на архитектуру. Архитектурные формы все больше усложнялись и обогащались пластическим декором.

Таким образом, исследования архитектуры раннего средневековья убеждают в том, что исторически сложившиеся в культовом зодчестве эпохи феодализма черты чрезмерной насыщенности пластическим декором религиозно-мистического содержания не являются характерными для всей индийской архитектуры и потому не могут выражать ее главной сущности, которая не может определиться до тех пор, пока не будут изучены в достаточной степени вопросы градостроительства и народного жилища.

Заключение

Архитектурные памятники Индии раннего средневековья в том состоянии, в котором они дошли до нашего времени, не могут сравниться с величественными сооружениями древнего Рима или собора Софии в Константинополе. Ранние индийские храмы V в., сложенные из камня, довольно скромны по размерам и убранству и весьма несовершенны по технике — каменная кладка только начинала осваиваться в это время в Индии. Скальные сооружения V—VIII вв. в известной мере напоминают подобные памятники Древнего Египта. Требуется большое воображение, чтобы представить покалеченные временем и варварской рукой подземные сооружения Аджанты с их немногими фрагментами стенной живописи в виде великолепных просторных залов, покрытых сверху донизу непревзойденными по мастерству росписями, яркими и сочными по колориту. Еще сложнее представить многогодный город с деловыми и общественными зданиями, покрытый сетью искусственных каналов, парками с фонтанами на месте пустынного Махабалипурама, где теперь возвышаются только башни Прибрежного храма и едва виднеются скальные храмики мантапам и монолитные ратхи.

Трудно составить цельное впечатление об архитектуре Индии раннего средневековья по тем немногим дошедшим в камне памятникам культа, которые составляли лишь небольшую и отнюдь не главную часть строительства своего времени.

Бесследно исчезли многочисленные города и селения с их разнообразными постройками не только от раннего средневековья, но от более позднего времени. Поэтому неудивительно, что для истории индийской архитектуры приобрели особую ценность мало примечательные на первый взгляд сооружения, как, например, монолитные ратхи Мамаллапурама, запечатлевшие виды и формы не уцелевших гражданских построек.

Исследователи индийской культуры озадачены тем, что Индия оставила поразительные по высокому для своего времени уровню градостроительной культуры и совершенству строительной техники, но лишенные каких-либо следов декора памятники гражданского зодчества, относящиеся лишь к XXX—XV вв. до н. э., а затем за длительный период своего дальнейшего развития с III в. до н. э. и почти до позднего средневековья сохранила только, утопающие в пластическом декоре, многочисленные сооружения культа: ступа, монастыри, храмы.

Немудрено, что при этих обстоятельствах широко распространилось мнение об особых путях общественного развития Индии и религиозно-мистических наклонностях ее народов, якобы особенно проявившихся в искусстве и архитектуре. Архитектуру Индии нередко представляют явлением иррациональным, наполненным непостижимыми для обычного человека символами и мистикой, воплощенными в богатой пластике ее форм.

Однако вряд ли кто сомневается в том, что индийские зодчие не ограничивались возведением культовых построек и основной задачей для них оставалось удовлетворение первостепенных потребностей в жилище, городах, общественных и производственных зданиях, т. е. во всем том, что было необходимо для страны передовой земледельческой культуры и высоко развитого ремесла. Известно, что Индия во времена древности и средневековья уступала немногим странам мира первенство по добыче и обработке различных металлов, производству необычайных по качеству тканей, красителей, керамики. Искусно возведенная сеть оросительных и судоходных каналов, плотин, мостов, мощенных дорог свидетельствовала о большом инженерно-техническом мастерстве индийских строителей.

Литературное наследие Индии неисчерпаемо по богатству философской мысли, поэтических образов и научно-практических знаний и раскрывает мир сложной и утонченной духовной культуры. И в этом мире, как видно, отрешенность от земных дел и удовольствий, уход в область мистики и религиозных устремлений была уделом лишь немногих монахов и престарелых аскетов.

Индия была страной земледельцев, искусственных ремесленников, способных торговцев, талантливых ученых, поэтов и художников, строителей, с обществом, дифференцированным на сословия и касты. Специфика сложной социальной структуры индийского общества и пути его развития определили формирование архитектуры городов и характер различных сооружений Индии. И если нет подлинных памятников архитектуры древности и средневековья, приходится полагаться на письменные источники и данные изобразительного искусства и на те сооружения этого времени, в которых больше, чем в других уцелевших сооружениях культа, обнаруживается связь культового зодчества с народным.

От древней и средневековой Индии унаследована обширная литература по строительству и архитектуре, в которой заключается немало мудрых и рациональных указаний по градостроительству, методам производства, не утративших значения до наших дней. Из-за отсутствия хронологических данных в письменных источниках трудно проследить этапы исторического развития архитектуры, но тем не менее в условиях прочности древнейших традиций, особенно в жилищном строительстве, нельзя не переоценить значение богатого литературного наследия по этим вопросам. Судя по письменным источникам, основные планировочно-структурные принципы градостроительства и жилища, характерные для городов древнейшей цивилизации Хараппы, сохранили свое значение для архитектуры позднего средневековья. Один и тот же способ производства — оседлое земледелие с его сложными оросительными сооружениями, дополнявшимися торговлей с внешним миром, и соответствующая социальная структура, в основе которой лежали сословный строй и сельская община, по всей вероятности, и предопределили некоторое постоянство в формах расселения, видах и типах населенных пунктов древней и средневековой Индии. Полагаясь на многочисленные, древнеиндийские архитектурно-строительные тексты (Шильпа-шастра и наиболее известный трактат Манасара), можно представить существование административных, торговых и ремесленных центров, портов, деревень, заселенных земледельцами, селений ремесленников, поселки для браминов престарелого возраста с примыкающими к ним для обслуживания деревнями, селений низких каст и сословий, укрепленных и перевалочных пунктов, крепостей, столичных и других крупных городов.

Во многих текстах выявляется узаконенная резкая социально-классовая и сословно-кастовая дифференциация, проводившаяся в строительстве городов и жилища. В градостроительстве регламентировалось не только территориальное расселение жителей согласно их положению, занимаемому в обществе, сословно-кастовой принадлежности и роду занятий, а также этажность и высота зданий, общие размеры и даже строительные материалы, из которых сооружались жилые здания. Так, например, шудры — представители низших каст — не могли воздвигать независимо от их богатства (а среди них были торговцы и ростовщики) дома выше одного этажа и употреблять в строительстве камень, кирпич, а должны были довольствоваться применением глины, камыша, бамбука.

Указание в строительных текстах относительно соблюдения одних и тех же планировочно-структурных принципов при строительстве городов и деревень подчеркивает огромное значение, которое в то время сохраняла деревня. Сельская община, так же как и в древности, продолжала и в период средневековья составлять основное ядро общест-

ва. Сельской общине и сословно-кастовой системе Индия обязана сохранением многих традиций в быту и культуре своих народов.

Сохранению архитектурно-строительных традиций несомненно способствовали выросшая на основе сословно-кастового деления общества специфическая организация строительного производства — шрени — и выработанная в длительной строительной практике система канонов и правил — «Шильпашастра». Благодаря им становится понятным возникновение одинаковых типов зданий и многих архитектурных и конструктивных форм и приемов в различных районах Севера и Юга Индии, как, например, в южноиндийских памятниках Мамаллапурала VII в. и в постройках, изображенных в рельефах Бхархута II в. до н. э. Унификация и типологическая устойчивость в строительстве древности, кроме всего прочего, обязана существованию единой административной централизованной системы, которая была возможна при объединении страны в крупные рабовладельческие государства. Будь то деревня, торговый порт или укрепленный пункт — все эти виды расселения находились в политической зависимости от города, в котором располагался управленийский аппарат. Даже те ранние города, образовавшиеся в местах, благоприятных для внешней торговли, не могли в Древней Индии отделяться и превратиться в самостоятельные политические единицы, наподобие греческих полисов. Крупнейшими городами, унаследованными от древности, были на Севере — Паталипутра, на Юге — Канчиупурам.

С развитием феодализма с его характерными чертами замкнутости и обособленности натурального хозяйства постепенно утрачивается общность в характере форм расселения и пропадают черты стандартизации и типизации строительства. В каждом отдельном феодальном княжестве вырабатываются свои местные особенности в архитектуре. В зависимости от различных условий социально-экономического развития отдельных районов страны и традиций народного зодчества по-разному формируется архитектура на местах.

Совершенно по особому протекало развитие градостроительства на Крайнем Юге Индии, где до позднего средневековья главную экономическую силу составляло брахманское жречество и из-под влияния религии не ускользала ни одна область общественной деятельности. В рамках установившихся канонов, освященных религией, исключались какие-либо новшества в методах строительной техники и формах архитектуры. Под давлением жизненной необходимости возникали нужные жилые и производственные здания, но город мог расти и развиваться только в пределах храмового комплекса. С веками число сооруженных вокруг храма оград возрастало, а за ними возникали всевозможные галереи, павильоны, в которых совершались торговые сделки, свадебные обряды, поэты читали свои стихи и вступали в философские дискуссии. Среди великолепных построек этого своеобразного города зате-

рялась святыня — храм, доступная только для избранных и резиво оберегаемая жрецами.

Путь к святилищу преграждает огромная статуя священного быка Нанди в специально воздвигнутом для нее павильоне. Эта статуя и вся композиция храмового комплекса невольно ассоциируется с теократическими сооружениями Древнего Египта. Так же, как тысячелетия назад, человек угнетается властью земного повелителя — царя; в индуизме, несмотря на его сложную завуалированную богословскую форму, продолжает господствовать «грубый культ природы, унизительность которого особенно проявляется в том факте, что человек, этот владыка природы, благоговейно падает на колени перед обезьяной Ханумани и перед коровой Сабалой»¹.

Громадные гопурам — надвратные храмовые башни — стали неотъемлемой чертой южноиндийского пейзажа. Подавляющие своими размерами и обилием пластического убранства гопурам превратились в символ могущества теократической власти, сосредоточенной в руках брахманских жрецов и феодалов.

В непомерно развившихся за тысячелетие формах и композициях храмовых сооружений XVII в. уже с большим трудом можно различить их раннесредневековые прототипы — монолитные ратхи, комплексы Кайласа в Канчи и Эллоре VII—VIII вв. Эти архитектурные произведения раннего средневековья, созданные на грани двух эпох рабовладения и феодализма, явились необходимым связующим звеном между глубокой древностью и поздним средневековьем, затянувшимся в Индии до XVIII в.

Раннее средневековье — переходный этап от старых форм общественных отношений и всей идеологической надстройки к новым — явился важным периодом формирования индийской культуры. Культуру и искусство этого переходного времени можно сравнить с теми фруктовыми деревьями, какие можно видеть в Индии именно весной, когда одновременно с них осыпаются листья и падают созревшие плоды, а вместе с тем набухают почки и начинается новое цветение.

С отмиранием рабовладельческой формации неизбежно отмирает класс рабовладельцев, а вместе с ним его мировоззрение и искусство, которое ему принадлежало. Как ни прекрасны лирические произведения Калидасы, но они уже неповторимы так же, как и одухотворенные и величественные в своем невозмутимом спокойствии скульптурные и живописные образы Будды. Грандиозны по своему масштабу и великолепны по убранству подземные архитектурные комплексы, высеченные в скалах Аджанты и Эллоры, но и эти произведения не открывают новой страницы в истории, а являются завершением пройденного пути. На

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX. М., 1957, стр. 136.

смену пришло искусство, опять же двойственное и противоречивое, и неизбежно отражавшее те социальные и идеологические сдвиги, которые происходили в индийском обществе с наступлением феодализма.

Новое направление в искусстве особенно ярко проявилось в произведениях скульптуры и архитектуры. В массовом строительстве монументальных наземных храмов, исполненных в каменной кладке, в привлечении наиболее долговечных средств изобразительного искусства — скульптуры — новые общественные силы искали пути упрочения своих идей. Архитектурные сооружения в синтезе со скульптурой становятся в эпоху феодализма могущественным средством воздействия на сознание средневекового человека. За период V—VIII вв. сформировались основы будущего развития индийского средневекового монументального зодчества.

Исторически сложилось так, что классическое завершение заложенных в Индии основ композиции храмового комплекса, ведущего типа сооружений средневековой монументальной архитектуры, во всем ее блеске и величии можно видеть в преломленных специфическими условиями формах архитектуры Камбоджи — в великолепном ансамбле Ангкора-Вата. Велико и могущественно было влияние индийской культуры в период раннего средневековья. В истории народов Индии, не переживших периода, подобного великой эпохе Возрождения в Европе, раннее средневековье язилось одной из самых ярких незабываемых страниц. После того, как на Западе в IV в. рухнула вместе с рабовладельческим строем античная культура Средиземноморья, центр мировой культуры переместился на Восток, и Индия была одной из тех передовых стран, которая в пору своего расцвета сумела обогатить человечество новыми достижениями в области науки, философии, литературы и искусства. Именно раннему средневековью принадлежат непревзойденные примеры синтеза архитектурных форм с формами изобразительного искусства. Уникальные произведения, созданные в эту замечательную эпоху, являются памятником гению бывших индийских зодчих, каменщиков, художников и скульпторов.

Библиография

Литература по истории, философии, культуре, архитектуре и искусству Индии

- Аллатов М. В. Искусство Индии. Всеобщая история искусства, т. I. М.—Л., 1948.
- Антонова К. А. К вопросу о развитии феодализма в Индии. Краткие сообщения института Востоковедения. М., 1951.
- ✓ Артхашастра или наука о политике. Перев. ссанскрита. М.—Л., 1959.
- Бонгард-Левин Г. М. Изображения хранилища для зерна на печатях Мохенджо-Даро и Хараппы. «Советское востоковедение», М., 1957, № 6.
- Бонгард-Левин Г. М. Новые археологические исследования в Индийской республике (1954—1955). — «Советская археология», 1957, № 3.
- Брунов Н. И. Архитектура Индии. Очерки по истории архитектуры, т. I. М.—Л., 1937.
- Виноградова Н. А. и Прокофьев О. С. Искусство древней Индии. Всеобщая история искусств. М., 1956.
- Грюневедель А. Зодчество древней Индии. История архитектуры в избранных отрывках. М., 1935.
- Жуковский А. Г. Индийская архитектура. «Архитектурный вестник», М., 1859.
- Ильин Г. Ф. Древний индийский город Таксила. М., 1958.
- Короцкая А. А. Архитектура Индии. — «Советская архитектура», 1955, № 6.
- Короцкая (Ерзина) А. А. По городам Индии. «Архитектура СССР», 1956, № 7.
- ✓ Короцкая (Ерзина) А. А. Средневековые храмы Майсурса. «Архитектура стран юго-восточной Азии», М., 1960.
- Луня Б. Н. История индийской культуры с древних веков до наших дней. Сокращ. перев. с англ. М., 1960.
- Маккей Э. Древнейшая культура долины Инда. Перев. с англ. М., 1951.
- Неру Д. Открытие Индии. Перев. с англ. М., 1955.
- ✓ Осипов А. М. Краткий очерк истории Индии до X в. М., 1948.
- Осипов А. М. Индия в раннее средневековье. «История стран зарубежного Востока в средние века», М., 1957.
- Прокофьев О. С. Искусство Индии. Всеобщая история искусств, т. II. М.—Л., 1961.
- Стрелков А. С. Архитектура Индии. «Архитектура СССР», № 1, 1935.
- Тюляев С. И. Архитектура Индии. М., 1939.
- Тюляев С. И. Государство Гупта «Исторический журнал», 1940, № 8.
- Тюляев С. И. «Археологические открытия в Индии». «Исторический журнал» 1941, № 2.
- Тюляев С. И. Искусство Индии. М., 1958.
- Тюляев С. И. Архитектура Индии. Всесобщая история архитектуры, т. I. М., 1958.
- Флетчэр Б. Архитектура Индии. История архитектуры, вып. 1. Перев. с англ. Петербург, 1911—1913.
- Шуззи О. Архитектура Индии. История архитектуры. I. перев. с франц. М., 1937.
- Щербатова О. А. Об архитектуре Индии. По Индии и Цейлону. М., 1892.

- Acharya P. K. Architecture of Manasara, vol. IV. London, New York, Bombay, Calcutta, Madras, China, Japan, 1933.
- Batley Claude. The design development of Indian architecture. London, 1948.
- Bhattacharya T. A study on vastuvidya or Canons of Indian Architecture. Patna, 1948.
- Bose Phanindra Nath. Principles of Indian Silpasastra with the text of Maya Sastra. Lahore, 1926.
- Brown Percy. Indian Architecture, vol. I (Buddhist and Hindu). Bombay, 1942, 1946, 1956.
- Burgess J. Rock Temples of Elura. Bombay, 1871.
- Burgess J. Rock Temples of Elefanta. Bombay, 1877.
- Burgess J. The ancient monuments, temples and sculpture of India. Bombay, 1897.
- ✓ Burgess J. A guide to Elura cave temples. Bombay, 1929.
- Cunningham (Sir) A. Archeological Survey of India (23 vols), 1902—1922.
- Dubreuil-Jouveau G. Dravidian architecture. Pondichery, 1907—1919.
- Dubreuil-Jouveau G. The Pallava Antiquities, vols I, II, Pondichery, 1916—1918.
- Havel E. B. The ancient and medieval architecture of India (a study of indo-aryan civilisation). London, 1915.
- Havel E. B. Indian Architecture. London, 1927.
- Gangoly O. G. Indian Architecture. Bombay, 1946.
- Kramisch Stella. The Hindu Temple. Calcutta, vols. I, II, 1946.
- Fergusson James. History of Indian and Eastern Architecture. London, 1876, 1910.
- Longhurst A. H. Pallava Architecture. Memoirs of the Archeological Survey of India. Calcutta, 1924, 1927, 1930, № 17, 33, 40.
- Mackay Ernest Jh. Further Excavations at Mohenjodaro, vols. I, II. London, 1931.
- ✓ Mackay Ernest Jh. Mohenjo—Daro and Indus Civilization. London, 1931.
- ✓ Marshall Sir. Jh. Mohenjo—Daro and the Indus Civilization vols. I, II, III. London, 1931.
- ✓ Marshall Sir. Jh. A Guide to Taxila. Delhi, 1936.
- Pillai C. K. The way of the siplis or Hindu approach to Art and Science. Allahabad, 1948.
- Ram Raz. Essay on the Architecture of the Hindus. London, 1834.
- Rea Alexander. Pallava Architecture. Kanchipuram Archeological Survey of India. Madras, 1909.
- Rowland Benjamin. The Art and Architecture of India. Buddhist, Hindu, Jain. Melbourne, London, Baltimore, 1953.
- ✓ Sivamurti C. Mahabalipuram. Department of Archeology. Delhi, 1952.
- ✓ Yazdani G. Ajanta, vols. I, II, III. London, 1930, 1933, 1946.
- ✓ Oscar Reuther. Indische Palaste und Wohnhauser. Berlin, 1925.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. СТРОИТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА	25
ГЛАВА II. ОСНОВЫ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	55
ГЛАВА III. ЖИЛИЩНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО ДРЕВНОСТИ И РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	79
ГЛАВА IV. МОНУМЕНТАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА V—VIII вв.	131
ГЛАВА V. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СРЕДСТВА И ПРИЕМЫ ИНДИЙСКИХ ЗОДЧИХ	203
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	236
БИБЛИОГРАФИЯ	242

■
Антонина Андреевна Короткая
АРХИТЕКТУРА ИНДИИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

■
Тем. план 1963 г. № 249

■
Стройиздат, Москва, Третьяковский проезд, д. 1

■
Редактор издательства И. В. Киартано
Внешнее оформление художника И. В. Чичкина
Художественный редактор Е. Л. Темкина
Корректоры М. В. Иванова и Г. Г. Морозовская

Сдано в набор 18.V. 1963 г. Подписано к печати 7.I. 1964 г. Т-01406.
Бумага 70×90¹/16 д. л. = 7,813 бум. л.—17,84 усл. печ. л.+1 вклейка 0,44 усл. печ. л.
(17,17 уч.-изд. л.). Тираж 1700 экз. Изд. № IX-6495. Зак. № 574. Цена 1 р. 77 к.

■
Московская типография № 23 Главполиграфпрома Государственного комитета
Совета Министров СССР по печати,
Куйбышевский проезд, д. 6/2

О П Е Ч А Т К И

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
56	14-я сверху	оставались	оставлялись
139	Подрисуночная подпись к рисун- ку верхнему, слева	—	План храма Дурги в Айхоле V в.
244	9 строка снизу	Внешнее оформле- ние художника И. В. Чичкина	Внешнее оформление художника И. В. Чички- на. Графические рисунки выполнены автором книги